

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РАН

ФОНД ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

ФОНД «РУССКИЙ МИР»

**РОССИЯ-2020 ГЛАЗАМИ СОСЕДЕЙ
В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ,
БАЛТИИ И СНГ**

МОСКВА

ИМЭМО РАН

2011

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)
Росс 76

Сборник «Россия-2020 глазами соседей в Центрально-восточной Европе, Балтии и СНГ»
подготовлен ФПИИ и ИМЭМО РАН при поддержке Фонда «Русский мир»

Руководитель проекта и научный редактор – В.Г. Барановский

Авторский коллектив:

Кобринская И.Я., Малышева Д.Б., Рябов А.В., Фрумкин Б.Е., Шмелев Б.А.

Росс 76

Россия 2020 глазами соседей в Центрально-восточной Европе, Балтии и СНГ / Науч.
рук. – В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. 171 с.

ISBN 978-5-9535-0326-6

Сборник «Россия-2020 глазами соседей в Центрально-восточной Европе, Балтии и СНГ» подготовлен в рамках проекта «Мир 2020: российская и центрально-восточноевропейская перспективы» Фондом перспективных исследований и инициатив и ИМЭМО РАН при поддержке Фонда «Русский мир». Работа состоит из глав российских авторов, анализирующих восприятие России в указанных регионах и отдельных странах, а также статей зарубежных экспертов. Статьи были подготовлены для международной конференции, организованной в рамках проекта в марте 2011 г. ФПИИ и ИМЭМО совместно с авторитетной международной экспертной группой PONARS Eurasia (Новые подходы к исследованиям и безопасности в Евразии). Особое внимание в докладе уделено особенностям восприятия будущего развития России государствами Центрально-восточной Европы, СНГ и Балтии.

The book “Russia 2020 as seen by its neighbors in Central-Eastern Europe, Baltic region and the CIS” is written in the framework of the project realized by the Foundation for Prospective Studies and Initiatives and IMEMO RAS with the support of the Russkiy Mir Foundation. The publication consists of the chapters, prepared by Russian authors, analyzing the perception of Russia in these regions and in particular countries, as well as the articles of the foreign experts. The latter were prepared for international conference, organized by IMEMO RAN and PSIF in cooperation with the international expert group PONARS (Program on New Approaches to Research and Security in Eurasia) in the framework of the project in March, 2011. The book focuses on the specificity of the perception of perspective development of Russia by the states of Central-Eastern Europe, Baltic region and the CIS.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

© ИМЭМО РАН, 2011

© Фонд перспективных исследований и инициатив, 2011

ISBN 978-5-9535-0326-6

РОССИЯ-2020 ГЛАЗАМИ СОСЕДЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ, БАЛТИИ И СНГ

- Ирина Кобринская.* Введение. Проблема восприятия и самовосприятия в отношениях России со странами Центрально-Восточной Европы, Балтии, СНГ и Запада 5
- Андрей Рябов.* Перспективы отношения к России в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) 37
- Борис Фрумкин.* Россия-2020 глазами соседей в Центральной Европе и Балтии 44
- Борис Шмелев.* Россия глазами балканских стран и народов 66
- Ирина Кобринская.* Восприятие России восточноевропейскими государствами СНГ: Украиной, Белоруссией, Молдовой 79
- Дина Малышева.* Россия - 2020 глазами соседей в Центральной Азии и на Южном Кавказе 97
- Аркадий Мошес.* Россия и Европейский Союз: Новый баланс уверенности в себе 134
- Теодор Гербер, Хизер А. Конли, Люси Мур.* Эстония и Россия - через зеркальную призму. «Взгляды постсоветского поколения» 141
- Олексий Харань и Петро Бурковский.* Российская экспансия: вызов безопасности и возможности для формирующегося авторитарного режима в Украине 153
- Анар Валиев.* Ни друг, ни враг: представления азербайджанцев о России 162

Ирина Кобринская

Введение. Проблема восприятия и самовосприятия в отношениях России со странами Центрально-Восточной Европы, Балтии, СНГ и Запада

Восприятие России нынешней и России-2020 ее соседями в Центрально-Восточной Европе, Балтии и СНГ, собственно проблема восприятия и самовосприятия стран, находящихся на разных стадиях процесса трансформации на огромном постсоциалистическом и постсоветском пространстве, привлекает пристальное внимание исследователей.

Казалось бы, спустя 20 лет после развала соцсистемы и СССР, когда уже выросло рожденное в новых условиях поколение, эти вопросы должны отойти на второй план. Однако рефлексия не ослабевает, а нередко обостряется в экстремистских националистических формах, как стихийных, так и институциональных – росте популярности партий крайнего толка. Вопрос – кто мы? где мы? с кем мы? как нас воспринимают? – задают даже в таких трансформационно продвинутых и западно-институционально укорененных странах, как Польша. Как признает польский философ и публицист Б.Лаговский, в Польше после крушения коммунистической системы вместе с такими положительными явлениями, как восстановление рыночной экономики и демократической многопартийности, произошла реставрация польских [исторических] представлений, польского национализма в его крайних формах¹.

Помимо крайних форм, рост национального самосознания, ренационализация внутренней и даже отчасти внешней политики в странах ЦВЕ, Балтии и странах СНГ играли и продолжают играть определенную компенсаторную функцию: в 1990-х гг. страны ЦВЕ и Балтии практически «перескочили» через фазу восстановления и укрепления суверенных национальных государств и передали существенную часть национальных полномочий европейским и евро-атлантическим институтам. Ускоренная интеграция в ЕС и НАТО, к тому же на фоне процессов глобализации, а в конце 00-х – тяжелого финансово-экономического кризиса, оказалась тяжелым испытанием для этих государств, не завершивших процесс новой

¹ http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/06/100615_russia_poland_election.shtml?print=1

национальной самоидентификации. Отсюда – искажения в осознании национальных интересов и в политике. Так, по мнению Б. Лаговского, «для поляков самыми важными являются символические, идеологические интересы». На первый план, по его словам, выходит желание заставить другие народы – особенно россиян – оценивать мир, прошлое и настоящее в тех же категориях, в которых это делают сами поляки. И это ставит под вопрос возможность проведения прагматичной политики.

То есть, проблема восприятия и самовосприятия, по сути, нормативна для данного этапа исторического развития, главная характеристика которого – *переходное состояние*. В мировой политике – от биполярного к полицентричному с очевидным сдвигом динамики к востоку и юго-востоку. К новым формам управления и международно-правового регулирования, к более эффективным способам и инструментам противодействия новым несистемным и многофакторным угрозам. В национальных политиках традиционных благополучных западных государств («нормальных» государств, к которым в данном случае относятся все центрально-восточноевропейские, страны Балтии и европейской части СНГ, включая Россию) – к новым социально-экономическим и общественно-политическим форматам. Не только и не столько более справедливым, сколько способным обеспечить выживание и устойчивое развитие индустриальных и постиндустриальных обществ западного типа в условиях демографического спада и неизбежного изменения этно-религиозного, цивилизационного баланса из-за увеличения доли нехристианского населения.

Собственно «нормальность» России – одна из характеристик, которая ставится под сомнение в восприятии России в странах ЦВЕ. Для Российской империи и Советского Союза, подчеркивают польские исследователи, была характерна черта, отличающая их от «нормальных» государств. Эти державы использовали внутренние ресурсы для осуществления целей за пределами государственных границ, вместо того чтобы воспринимать внешнюю обстановку как ресурс для улучшения условий жизни собственных жителей. Россия при Иване Грозном, Петре Первом и Сталине модернизировалась не во благо своих граждан, а для реализации амбициозных внешнеполитических целей². /Именно об этом писал Ф.Искандер в одной из своих притч («Джамхух -- Сын Оленя, или

² Rosja. Refleksje o transformacji / Redakcja naukowa: Stanislaw Bielen I Andrzej Skrzypek. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2010. Цит. По «Восточная Европа. Перспективы». 1.2011, январь-март. С.103

Евангелие по-чегемски»): «А между тем, несмотря на все бедствия, постигшие Абхазию, ее международный престиж укрепился...» /.

Отсюда ряд парадоксов русской истории, а также вопрос соседей – получит ли эта многовековая традиция продолжение в России-2020. Иными словами, для понимающих, знающих и, более того, «чувствующих» Россию центральноевропейцев важным признаком парадигмального изменения развития России является отношение государства к собственным гражданам. Преобладающим в ЦВЕ пока все же остается восприятие, что российской руководством пытаются сохранить внутренний порядок и восстановить внешние позиции России на привычной имперской основе; что Россия приспосабливается к Западу, но не принимает западные социально-политические и этические нормы (ценности). В то же время некоторые профессиональные исследователи (С.Белень) усматривают принципиально новую нюансировку: современная Россия не имеет шансов воссоздать прежнюю военно-экономическую мощь и не станет идеократией. Поэтому имперские идеи в нынешней России имеют преимущественно метафорический, мифологический смысл³. Аналогичное мнение высказывается и рядом украинских экспертов, старающихся понять, какие цели ставит перед собой Россия. Если она попытается вытеснить ЕС с постсоветского пространства с помощью мягкой силы, ей нужно будет предложить более привлекательный, чем евросоюзовский, интеграционный проект. Применение жесткой силы для возвращения утраченных позиций будет означать конфронтацию, а не сотрудничество с Западом, в то время как некоторые процессы позволяют утверждать, что Россия готова к компромиссу в диалоге с ним, так как именно Запад, прежде всего ЕС, является основным и необходимым партнером России в деле модернизации⁴.

Самовосприятие, т.е. поиск себя, своей новой идентичности в переходном межумочном состоянии, особенно в условиях информационной открытости, наряду с устойчивыми стереотипами и историческим прошлым, является определяющим в формировании восприятия страны и ее народа внешними акторами. Мы воспринимаем мир через призму самовосприятия. Равно и мир воспринимает нас через призму того, как он

³ Rosja. Refleksje o transformacji... Цит. по «Восточная Европа. Перспективы». 1.2011, январь-март. С.107

⁴ В.Копейка, Н.Веселая. «Восточное партнерство» в контексте евроинтеграционной политики Украины. «Восточная Европа. Перспективы». Цит. Соч., С.54

идентифицирует себя. Девиации в самовосприятии очень быстро, практически в режиме online, отражаются на внешнем восприятии, которое, в свою очередь, также влияет на самовосприятие.

Россия и другие постсоциалистические и постсоветские государства, где трансформационные процессы, поиск новой идентичности, накладываются на переходный период в глобальной политике, особенно остро реагируют на то, как их воспринимают вовне, в том числе бывшие сограждане и «братья по соцлагерю». При этом особую роль играет общее прошлое, которое весьма причудливо вплетается в настоящее. Так в Польше, отмечают парадоксальное явление: отношение поляков к России до конца 1980-х годов, как показывают социологические опросы, было лучше, чем то, которое сложилось в 1990-е. Хотя именно в послевоенной Польше были все основания не любить Россию, как страну, насадившую полякам социализм. «Многие ошибки восприятия России польским общественным мнением, которое оказывает влияние на выработку государственной политики, имеют свои корни в отождествлении России и коммунизма», – считает Лаговский. При этом такие установки, по его мнению, внедряются не по наивности, не из-за "интеллектуального недосмотра", а сознательно⁵.

Проблема выходит далеко за рамки политической психологии, так как неверные интерпретации или повышенное внимание к восприятию вовне отражаются на внешней политике, а также незамедлительно используются различными политическими силами внутри стран, обостряя противоречия и препятствуя поиску нового внутреннего баланса.

Россия не исключение, но один из самых сложных, если не самый сложный случай этого широко распространенного феномена. Причины очевидны: не изжитое до конца имперское прошлое, различной природы (психологической, идеологической, семейно-личной, социально-экономической) сожаления по поводу распада СССР. Это также неудовлетворенность социально-экономическим положением и отсутствием социальных лифтов, особенно учитывая привычку к патерналистской модели, недовольство властью, ее внутренней и экономической политикой, коррупцией и пр. На перечисленное накладывается объективно обусловленная растерянность перед масштабной инокультурной миграцией, перерастающая в национализм и ксенофобию.

⁵ Ibidem.

Попытки найти врага вовне, канализировать недовольство, страхи и протестные настроения в «русло внешней угрозы» особого успеха не имеют. Испытывая недоверие или даже неприязнь к иностранным государствам и их гражданам, россияне, как показывают более детальные опросы их мнения, видят основную причину своих проблем *внутри страны*. Важно при этом, что мнения общества и экспертов во многом совпадают, даже если последние предполагают, что их точка зрения не будет поддержана общественным мнением. Сравнительный анализ социологических опросов выявляет еще одну характерную черту нынешнего состояния общественного и даже экспертного мнения – затруднения в оценке, что лишь подчеркивает высокую степень неопределенности, сомнений, переходное межумочное состояние общества, не уверенного в том, к какому будущему оно идет (или его ведут).

Поэтому, чтобы определить адекватность или неадекватность восприятия России ее соседями, а также причины и факторы формирования этого восприятия, прежде всего, целесообразно проанализировать оценку нынешней России и России-2020 самими россиянами.

Широко известны идеальный (ИНСОП) и «проклятый» (В.Сорокин, еще раньше В.Войнович) сценарии России-2020. Близки к ним и альтернативные сценарии будущего России и восприятие российского общества, как их видят в ЦВЕ и Балтии. «Несмотря на высокие цены на нефть в последнее десятилетие, в России катастрофически амортизировались унаследованные от СССР основные фонды. Ежемесячно мир облетает известие об очередной техногенной катастрофе с огромными человеческими жертвами. Аварии пассажирских самолетов, взрывы на ГЭС или затонувшие суда стали привычной информацией газетных полос. Впервые отрытая пресса говорит о невыполнении ведущими военно-промышленными концернами оборонного заказа правительства России (по боевой технике, прежде всего, подводным лодкам, истребителям и бронетранспортерам для пехоты)... Следующие 10-15 лет будут решающими для России: *станет ли она мировым сырьевым придатком или высоко развитой сверхдержавой со стабильным местом на геополитическом шахматном столе*. ...Если на выборах победит Путин, можно высказать предположение, что ближайшие 12 лет в соседней стране пойдут под его звездой... Российский народ еще долго будет благодарен Путину, который за время предыдущего президентства в последний момент остановил развал страны и запретил привычку олигархов

беспрепятственно грабить национальные богатства. Память народа и русский менталитет – это самый большой козырь Путина на следующих президентских выборах. Твердая рука в сочетании с вертикально интегрированной властью как главное видение построения будущего России. Таковы запрос и цель российского электората»⁶.

Опросы общественного и экспертного мнения, которые проводились в России, дают более реалистическую и «градуированную» картину оценки настоящего и будущего страны.

Для лучшего понимания видения гражданами страны России-2020 необходимо проанализировать не только те опросы и оценки, которые касаются самовосприятия и восприятия того, как видят Россию и россиян в регионе ЦВЕ, Балтии и СНГ, но в более широком мировом контексте. Соотнесение себя с ведущими мировыми державами на Западе, с Евро-Атлантикой в целом⁷ и с Китаем на Востоке, с одной стороны, более привычно для России, как бывшей супердержавы и остающейся одним из влиятельных игроков, по крайней мере, в региональном масштабе. С другой стороны, самоидентификация в таком контексте менее осложнена рефлексией, вызванной событиями последних двух десятилетий, чем в случае самовосприятия в отношениях с «бывшими своими».

Сутью последних 20 лет в ракурсе рассматриваемой проблемы была попытка преодоления «холодно-военных» и более поздних – в парадигме «игры с нулевой суммой» – стереотипов мышления, устаревших, не адекватных глобальным реалиям, угрозам и вызовам политико-психологических матриц. Несмотря на некоторый прогресс, перестроить мышление и самовосприятие не удалось. Не готовы к этому оказались ни Россия, ни Запад. Наивная вера значительной части российской элиты и общества в начале – середине 1990-х гг. в то, что Запад (просто в благодарность за развал СССР) пойдет на тесное и глубокое

⁶ <http://inosmi.ru/usa/20110818/173505005.html> Э.Граудиньш. Российский президентский коллаж ("Diena", Латвия)

⁷ Более подробно см.: И.Я.Кобринская. «Евроатлантическое пространство безопасности: настроения в обществе и мнения экспертов» в «Евроатлантическое пространство безопасности». Под ред. А.А.Дынкина и И.С.Иванова. М., URSS, 2011, СС.444 - 471. Автором, в рамках реализации международного проекта Евроатлантическая инициатива в области безопасности был подготовлен и проведен опрос мнения группы экспертов с целью выявить насколько реализуемыми и долгосрочными – стратегическими – представляются российским экспертам основные идеи и принципы создания евроатлантического пространства безопасности – прежде всего, неприменение силы и угрозы ее использования, поиск совместного ответа на глобальные угрозы и вызовы безопасности; насколько долгосрочной и достоверной в принципе является идея евроатлантического пространства безопасности.

сотрудничество с Россией, обернулась разочарованием и ростом недоверия.

Об изменении настроений россиян в этом плане свидетельствует, в частности, их отношение к ядерному разоружению. Если в 1991г. за продолжение ядерного разоружения выступало 48% опрошенных, то в 2010 г. 60% поддерживало сохранение потенциала. При этом 50% сторонников этой позиции аргументировали ее необходимостью обороны страны в случае нападения, 25% - возможностью использовать ядерное оружие как инструмент влияния в мире, 4% - необходимостью уравновесить ядерный потенциал США.

Должна ли Россия продолжать ядерное разоружение или нужно сохранить имеющийся потенциал? (закрытый вопрос, один ответ)

	1991	2010
Нужно продолжать ядерное разоружение	48	19
Нужно сохранить имеющийся потенциал	32	60
Затрудняюсь ответить	21	22

Источник: ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1538, 15.07.2010

Показательна также отслеженная ВЦИОМ общая динамика в отношении к США.

Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки? (закрытый вопрос, один ответ)

	Ноябрь 1991	Декабрь 1998	Июль 2003	Июнь 2008	Сентябрь 2008	Июнь 2009	Май 2010
Очень хорошо	29	14	5	2	1	3	5
В основном хорошо	54	61	43	47	21	43	54
В основном плохо	3	18	26	23	40	25	22
Очень плохо	1	6	14	6	25	8	5
Затрудняюсь ответить	12	1	12	22	13	22	15

Источник: ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1525, 28.06.2010

Девиации, вызванные эмоциональными причинами (как, например, сочувствие США после теракта 11/09/2001), позитивным (перезагрузка) или негативным (в связи с российско-грузинским конфликтом) трендами на определенном этапе, делают общую картину общественного мнения лабильной, неустойчивой, а само общество – открытым для манипуляций. Расхождение между официальной риторикой, нередко апеллирующей к антизападным стереотипам, и реальной политикой, в последнее время направленной на нахождение компромисса по сложным вопросам (таким, в частности, как ПРО), с одной стороны, безусловно, оставляет пространство для внутривнутриполитического маневра. С другой стороны – консервирует старые стереотипы, причем не только у старшего поколения и на низовом общественном уровне, но и в среде среднего класса и у значимой части элиты. Так, социологические обследования фиксируют высокий уровень антизападных настроений менеджеров среднего звена. Социологи также отмечают: чем моложе эксперт, подчеркивается в докладе, тем более острыми он считает угрозы, связанные с «враждебным окружением»⁸.

Другое дело, когда сопереживание в связи с трагедией ложится на тщательно подготовленную почву, как это произошло в апреле 2010 г. в польско-российских отношениях после авиакатастрофы в Смоленске в кульминационный момент российско-польского примирения. Искреннее выражение сочувствия Россией – от самых высоких официальных лиц до «людей с улицы», возлагавших цветы к Посольству РП, – было недостающей эмоциональной каплей в длинном и очень трудном процессе примирения. У многих поляков, по меньшей мере, возникло сомнение в вековом убеждении, что Россия для их страны абсолютное зло, что россияне, за исключением узкого круга интеллектуалов и деятелей культуры (с традиционными тесными связями с их коллегами в Польше), не способны на сочувствие. Достигнутый прогресс все еще хрупок, углубление процесса примирения нуждается в постоянном внимании, активной работе с различными группами общественности, прежде всего с молодежью, в обеих странах с тем, чтобы новые позитивные элементы

⁸ «Национальная безопасность России в оценках экспертов». Доклад подготовлен Институтом социологии РАН и Исследовательской группой ЦИРКОН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф.Эберта в РФ.
http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/1/Nacionalnaja_bezopasnost_Rossii_v_ocenkah_jejspertov_28-02-11.pdf

взаимного восприятия закрепились и превратились в новые устойчивые стереотипы.

Опросы общественного мнения по ключевым и / или острым проблемам международных отношений и российской внешней политики (т.е. оценке адекватности подходов России к решению данных проблем) проводятся достаточно регулярно. Разнообразные по масштабу и глубине исследования ведутся большим кругом профессиональных центров⁹.

В то же время в сложившемся контексте все большее значение приобретает экспертное мнение. В меньшей степени подверженная эмоциональному воздействию и основывающаяся на знании и анализе, именно экспертная среда влияет, с одной стороны, на формирование официального политического курса, а с другой стороны через СМИ – на общественное мнение.

Россия и Запад: сравнительный анализ опросов общественного и экспертного мнения

В целом, несмотря на наметившееся в 2009-2011 гг. сближение России с западными партнерами, замеры социологов в России не выявляют значимых позитивных сдвигов. Недоверие к Западу остается если не доминантным, то одним из широко распространенных настроений. В частности, по-прежнему, практически половина россиян (49%) считают, что НАТО и его расширение на Восток представляют угрозу для России. Впрочем, к августу 2010 г., по сравнению с 2008 г., число положительно отзывающихся о НАТО выросло с 12 до 22%¹⁰.

Важно, однако, и это подчеркивают американские эксперты, что негативное отношение россиян к Соединенным Штатам, политике США и НАТО, в частности в период правления администрации Дж.Буша мл., во многом совпадало с мнением общественности в мире, включая страны-члены НАТО. Позже, после 2008 г., когда на фоне финансово-экономического кризиса, проблем в Афганистане и Ираке появились и стали широко обсуждаться признаки ослабления мощи США и смены однополярной модели на многополярную, нарратив российских медиа в отношении США как соперника не изменился. И вновь, как отмечают

⁹ Это и крупные социологические службы («Левада-центр», ФОМ, ВЦИОМ), и Институт социологии РАН, и университеты (в частности, ВШЭ), и «фабрики мысли», занимающиеся социо-политическими и экономическим исследованиями.

¹⁰ ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1550, 02.08.2010.

американские эксперты, мэйнстрим российского отношения к США мало чем отличался от того, что думали о них в мире, в том числе и европейские союзники¹¹.

Тем не менее, несмотря на негативное отношение к расширению НАТО, планам размещения элементов ПРО в Европе, позитивные перемены в двусторонних отношениях, изменения в американской политике постепенно нашли отражение в ее восприятии в России и в мире¹².

Опросы мнения экспертов¹³ свидетельствуют, что многие из угроз, беспокоивших общество в середине 90-х годов, в частности расширение НАТО, не говоря уже о «заговорах», они считают мнимыми¹⁴. Подобные угрозы эксперты оценили примерно в 3,5 балла по 7-бальной шкале. НАТО, если и вызывает у них опасения, то скорее по инерции, полагают социологи РАН. Однако инерция остается весьма существенной и ее ослабление или, напротив, усиление в ближайшем будущем, будут зависеть от развития политической ситуации в России, США, где предстоят выборы.

Важно отметить, что в подавляющем большинстве случаев международные дела воспринимаются *через призму новой российской идентичности и опыта*. Ответы на соответствующие вопросы даются с учетом нового, либо более давнего, еще советского опыта. Например, войны в Афганистане или в Чечне. Именно этот опыт, равно как низкая эффективность операции НАТО в Афганистане, неоднозначные последствия войны в Ираке, во многом предопределили, например, позицию россиян в отношении международной операции в Ливии. В марте 2011 г. 64% опрошенных россиян были против проведения международной

¹¹ Capacity and Resolve: Foreign Assessments of U.S. power. June 2011 CSIS

¹² Ibid

¹³

http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/1/Nacionalnaja_bezopasnost_Rossii_v_ocenkah_jekspertov_28-02-11.pdf

¹⁴ Журнал «Форбс» летом 2011 г. писал: «Предположим, кто-то сказал бы вам в 2002 году, что «менее чем через десятилетие Россия купит на миллиарды долларов высококлассной военной техники у одной из стран, основателей НАТО. Вы бы любезно направили его к ближайшему психиатру, поскольку такой прогноз шел полностью вразрез с общепринятыми представлениями и прошлым опытом всех участников. И вот такая сделка на самом деле произошла, и я был бы очень удивлен, если она станет последней, особенно учитывая затруднительное финансовое положение и слабость экономик многих европейских правительств (сделка по Mistral, например, создала несколько тысяч высокооплачиваемых рабочих мест на французских верфях, что было основным пунктом условий продажи)». - Russia's Defense Industry – still a real mess. "Forbes"

<http://www.inosmi.ru/army/20110716/172107679.html>

военной операции в Ливии, 56% - за соблюдение Россией нейтралитета в отношении происходящего в Ливии и невмешательство в этот конфликт.¹⁵

Еще сложнее обстоит дело с самовосприятием и самоидентификацией, определением места и роли России в динамичных региональных и глобальных процессах. При этом на самооценку влияет как – все в возрастающей, доминирующей степени, о чем свидетельствуют социологические данные, – отношение к состоянию и перспективам внутреннего социально-политического и экономического развития страны, так и внешние оценки («что они думают о нас»).

Выберите из пары суждений о месте России в Европе и мире то, с которым Вы в наибольшей степени согласны (закрытый вопрос, один ответ)

	Февраль 2007	Июнь 2008	Июль 2010
Усиление России представляет собой угрозу для европейских стран, поэтому эти страны не заинтересованы в подъеме и укреплении России	49	47	46
Европейские страны заинтересованы в подъеме и укреплении России, так как Европа - это общий дом и для России, и для них самих	34	37	30
Затрудняюсь ответить	17	16	23

Источник: ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 995, 02.08.2010.

От 46 до 49% опрошенных россиян в оценке места России в мире и Европе исходят из того, что европейские страны видят в ней угрозу и не заинтересованы в ее подъеме и укреплении. Но немалая часть – 30 % верят в добрые намерения европейцев. В то же время растет и значимо число тех, кто не уверен в намерениях Европы.

В целом, характерное практически для всех опросов увеличение доли «затрудняющихся ответить» свидетельствует о росте неопределенности, неуверенности, как в интенциях партнеров, так и собственных возможностях и перспективах развития.

¹⁵ ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1717, 24.03.2011.

На Западе же, в том числе в экспертном сообществе и средствах массовой информации, устойчиво сохраняется дискурс в отношении России как «Другого», настороженность, сомнения в ее цивилизационной принадлежности к Евроатлантике. Адепты такого подхода без труда находят множественные подтверждения его актуальности в несовершенстве, несоответствии западным нормам и стандартам российской внутренней политики и экономики.

На втором этапе внутреннего транзита, после 2000г., с ограниченными в силу различных причин возможностями внешнеполитической активности и на пике американского унилатерализма, Россия избрала самостоятельное позиционирование в мировой политике. В начале 2010-х сложную проблему для самой России и ее партнеров в мире представляет изменение качества ее «самостоятельности». Если до середины 00-х она обуславливалась относительной слабостью страны, то к концу десятилетия «гордое одиночество» (то, что в российском политическом лексиконе определяют как «особый путь» как во внутреннем развитии, так и во внешней политике), по выражению французского эксперта Т.Гомара¹⁶, выбрала «окрепшая» Россия.

Так сильна Россия или слаба? Совместим ли «особый путь» с текущими тенденциями к сближению с Западом? Чем обусловлено сближение с обеих сторон, носят ли мотивы долгосрочный стратегический характер? Как осознают, определяют новый статус России внутри страны и вовне? Не поняв этого, невозможно преодолеть старые стереотипы и недоверие. Однако именно по этим вопросам превалирует межеумочное состояние, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения.

По данным исследования «Левада-центра»¹⁷, большая часть россиян считает, что у России должен быть «особый путь развития». Но, как полагают социологи, в чем его суть и какова его цель, россияне не задумываются. Наряду со снижением роли России в мировых делах, идея «особого пути» в середине 1990-х гг., по мнению социологов, получила развитие как «реакция на неудачи в движении по демократическому пути». К 2005 года «особый путь» стал доминирующим ответом, когда социологи выясняли, какой именно видят граждане страну в будущем. В конце января 2010 года за государство с «совершенно особым устройством и своим

¹⁶ Тома Гомар. "Россия одна навсегда?" / "Россия в глобальной политике" № 5 Сентябрь/Октябрь 2008.

¹⁷ Коммерсантъ 14.02.2011 <http://www.kommersant.ru/doc/1585360>

путем развития» высказались 36% респондентов. Западный путь развития с «демократическим устройством и рыночной экономикой» импонирует 30% опрошенных. Еще 23% в будущем видят Россию «социалистическим государством наподобие СССР».

Данные о «выборе пути» «Левада-центра» подтверждаются и опросами ВЦИОМа¹⁸:

Выберите из пары суждений о месте России в Европе и мире то, с которым Вы в наибольшей степени согласны (закрытый вопрос, один ответ)

	Февраль 2007	Июнь 2008	Июль 2010
Россия - часть Европы и в XXI в. их судьбы будут теснее всего связаны	38	45	34
Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр её интересов будет смещаться на Восток	45	42	38
Затрудняюсь ответить	17	13	28

В приведенном опросе ВЦИОМ вновь обращает на себя внимание рост и очень высокий (28) процент затрудняющихся определить место России в Европе и мире. Что подтверждает тезис о переходном, неопределенном состоянии российского самовосприятия и самоидентификации.

Данные исследования «Левада-центра» об «особом пути» приводят также к *важному выводу, что внешнеполитическое наполнение концепта вторично. Первична внутренняя материя.* На основании данного исследования социологи делают вывод, что идея «особости» в нынешнем ее варианте лишена какого-либо мессианства, как это было свойственно славянофилам или большевикам. Современное восприятие «особого пути» россиянами, как полагают социологи, точнее всего передает тезис о «суверенной демократии», трансформировавшийся в общественном мнении скорее в неприятие большинством вмешательства в дела страны. Одновременно определение «особый» в общественном сознании

¹⁸ ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 995, 02.08.2010.

самодостаточно и освобождает респондентов от выявления сути этого пути, внятного ответа на вопрос о его содержании.

Когда вы слышите об «особом российском пути», что, прежде всего, приходит вам на ум?

Экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о прибылях и интересах хозяев жизни	39%
Учет в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан	19%
Несоответствие ценностей и традиций России и Запада	16%
Преобладание интересов власти на интересами населения	9%
Необходимость постоянно учитывать такие факторы, как враждебное окружение страны и угроза нападения	5%
Готовность к самопожертвованию граждан ради величия российского государства	8%
Не знаю, в чем, собственно, выражается "особый путь", ничего не приходит на ум	15%
Ничего не слышал об этом	11%
Не думаю, что российское развитие должно отличаться от развития других стран	6%
Затрудняюсь ответить	7%

Источник: Всероссийский опрос аналитического «Левада-центра», 21-24.01.2011

Однако на этом фоне, по данным «Левада-центра» 78% опрошенных в той или иной степени уверены, что Россия «должна восстановить статус великой державы».

По данным опроса ВЦИОМ «Цели России в мире: развитие или сверхдержавность?»¹⁹, 42% респондентов считают главной целью России быть развитой и влиятельной страной, за возвращение статуса сверхдержавы высказались 33%. Следует выделить также увеличение процента, полагающих, что России не следует стремиться ни к каким глобальным целям.

Как вы считаете, к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке?
(закрытый вопрос, один ответ)

¹⁹ ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1576, 07.09.2010

	2003	2005	2007	2008	2010
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	34	34	34	37	33
Быть одной из 10-15 экономически развитых и политически влиятельных стран мира	35	38	47	45	42
<i>Добиться лидерства на постсоветском пространстве</i>	16	14	9	8	8
Не следует стремиться ни к каким глобальным целям	7	7	5	5	9
Затрудняюсь ответить	8	7	5	5	8

В свете общей проблемы доклада особое внимание привлекает позиция респондентов по вопросу «лидерства на постсоветском пространстве»: с 2003 по 2010 год наблюдается устойчивая понижательная динамика поддержки данной цели как приоритетной – с 16 до 8%.

При этом каждый пятый опрошенный считает, что Россия уже является супердержавой (18%), а 36% уверены, что страна сможет достичь этого статуса в ближайшие десятилетия. Показательно, что в течение двух лет (2008-2010) доля тех, кто верит в достижение этой цели упала с 50 до 36%, число, считающих цель не достижимой возросло с 19 до 30%.

Сможет ли Россия, на Ваш взгляд, в ближайшие 15-20 лет стать великой державой или нет? (закрытый вопрос, один ответ)

	2003	2005	2007	2008	2010
Скорее всего, станет	40	33	46	50	36
Скорее всего, нет	36	41	31	19	30
Россия и сейчас остается великой державой	12	13	12	16	18

Затрудняюсь ответить	11	12	11	14	15
----------------------	----	----	----	----	----

В целом схожую картину дает и опрос ВЦИОМ «Как нам построить великую Россию?»²⁰. Однако для него в меньшей степени типичны патерналистские настроения («экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о прибылях и интересах хозяев жизни»). В большей мере проявляется современное, адекватное реалиям глобализации понимание критериев «великой державы».

Главной задачей России на пути к достижению статуса великой державы остается, по мнению россиян, создание развитой современной экономики, однако ее значение постепенно снижается (с 55% в 2007 году до 50% в 2010). Далее, с большим отрывом следует обеспечение высокого уровня благосостояния граждан (31%), создание мощных вооруженных сил (26% против 35% в 2008 году) и развитие науки и высоких технологий (с 18 до 22% за два года).

Обратим внимание: строительство «великой России» лишь меньшинством ассоциируется с возвратом к СССР – только 7% считают необходимым получение контроля над территориями бывшего СССР. Столько же респондентов полагают, что для достижения статуса великой державы России нужно стать мировым центром влияния, способным урегулировать международные конфликты. Значительно реже указывают на необходимость возрождения национального духа (10%). Лишь 9% ассоциируют статус «великой державы» с соблюдением демократических норм.

В меньшинстве – те, кто считает, что нашей стране необходимо стать ведущим государством в области энергетики или же цивилизационным мостом между Европой и Азией (по 4%).

В свою очередь, главным препятствием на пути к достижению статуса великой державы россияне считают отставание от передовых стран в экономическом развитии. Роль этого фактора за последние два года с точки зрения опрошенных повысилась (с 44 до 49%). Иные препятствия упоминаются значительно реже: отсутствие национального единства (17%), неустойчивость политического положения (с 11 до 15% за два года). Соппротивление стран Запада как значимое препятствие указывается в 2010 г. 14 % респондентов, по сравнению с 19% в 2008 году. Более критически

²⁰ ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1601, 12.10.2010

оцениваются с этой точки зрения человеческие качества россиян (с 10% в 2007 году до 14% в 2010 г.), отставание от передовых государств в уровне демократии (13%), межнациональные конфликты (с 15 до 10% за два года). Наименьшее значение, по мнению опрошенных, имеет территориальный и климатические факторы (5%).

Чего должна добиться Россия, чтобы считаться великой державой?
(закрытый вопрос, не более двух ответов)

	2007	2008	2010
Иметь развитую современную экономику	55	53	50
Обеспечить высокий уровень благосостояния граждан	36	30	31
Иметь мощные вооруженные силы	24	35	26
Развивать науку, внедрять высокие технологии	20	18	22
Возродить высокий уровень русской культуры и национального духа	10	8	10
Соблюдать нормы демократии и прав человека, принятые в цивилизованном мире	7	8	9
Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты	6	8	7
Получить контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР	7	6	7
Стать ведущим государством в области энергетики	4	5	4
Стать «цивилизационным» мостом между Европой и Азией, между развитыми странами и «третьим миром»	5	4	4

Затрудняюсь ответить	4	3	7
----------------------	---	---	---

На ваш взгляд, что препятствует тому, чтобы Россия стала одной из ведущих держав мира? (закрытый вопрос, не более двух ответов)

	2007	2008	2010
Отставание от передовых стран в экономическом развитии	49	44	49
Отсутствие национального единства	17	16	17
Неустойчивость политического положения в России	19	11	15
Сопrotивление стран Запада	12	19	14
Человеческие качества россиян	10	11	14
Отставание от передовых стран в уровне демократии	13	10	13
Международные конфликты внутри страны	11	15	10
Слишком большая территория России, суровый климат на значительной ее части	4	5	5
Ничего не мешает	6	12	8
Затрудняюсь ответить	9	7	7

Сопоставление общественного мнения с экспертным лишь подтверждает вывод о первичности внутренней материи – социо-экономических и политических факторов – для развития страны и ее безопасности. В конце 2010 г. социологи на основании опросов экспертов в конце 2010 г. составили ранжированную таблицу угроз для безопасности страны²¹.

²¹

http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/1/Nacionalnaja_bezopasnost_Rossii_v_ocenkah_jekspertov_28-02-11.pdf

Для оценки экспертам социологи предъявили 70 позиций: в отношении каждой из угроз было необходимо проставить оценку по шкале от 1 («острота и актуальность угрозы минимальны») до 7 («острота и актуальность угрозы максимальны»).

Угроза	Средняя оценка	Ранг
Коррупция в российских органах власти и административных структурах	6,1	1
Высокая изношенность основных фондов в промышленности	5,9	2
Отставание России от ведущих стран в сфере инноваций и модернизации экономики	5,8	3
Сокращение численности населения страны, депопуляция, вырождение нации	5,6	4
Сохранение экспортно-сырьевой модели развития экономики	5,6	5
Активизация террористической деятельности	5,5	6
Различия в уровне жизни отдельных категорий населения (жителей городов и сел, разных регионов, богатых и бедных и т.д.)	5,4	7
Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ	5,4	8
Высокая зависимость важнейших сфер экономики от внешнеэкономической конъюнктуры	5,2	9
Низкое качество образования	5,2	10
Уничтожение лесов, сокращение и загрязнение водных ресурсов (рек, озер)	5,2	11
Втягивание России в долгосрочный конфликт на Кавказе	5,1	12
Отток специалистов за рубеж	5,1	13
Снижение уровня жизни населения	5,1	14
Распространение «социальных болезней» – ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании, алкоголизма	5,0	15
Генетическое вырождение нации	5,0	16
Утрата моральных ценностей, безнравственность	4,8	17
Техногенные катастрофы	4,8	18
Рост числа преступных посягательств, направленных против личности, собственности	4,8	19
Нарушения конституционных прав и свобод граждан	4,7	20
Глобальные экономические и финансовые кризисы	4,7	21
Чрезвычайные ситуации природного характера (наводнения, пожары, землетрясения и т.п.)	4,6	22
Рост социального недовольства населения	4,5	23

Кризис семейных ценностей	4,5	24
Снижение темпов экономического роста	4,5	25
Недостаточная эффективность государственного регулирования национальной экономики	4,4	26
Безработица	4,4	27
Напряженность в международных отношениях	4,4	28
Утрата национальной самобытности и традиций	4,4	29
Растущее экономическое и военное могущество Китая	4,3	30
Увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием	4,3	31
Сохранение значительного количества экологически опасных производств	4,3	32
Отсутствие чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм	4,3	33
Рост числа иммигрантов, которые не способны освоить нашу культуру, язык, образ жизни	4,3	34
Усиление влияния ислама	4,2	35
Банковский кризис, дефолт, потеря вкладов и сбережений	4,1	36
Глобальные климатические изменения	4,1	37
Ухудшение отношений с бывшими республиками СССР	4,1	38
Усиление межстрановой конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы	4,1	39
Свертывание демократии в РФ, установление авторитарного режима	4,1	40
Наличие и возможная эскалация вооруженных конфликтов вблизи государственной границы РФ	4,0	41
Потеря контроля над национальными ресурсами	4,0	42
Несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий	3,9	43
Нарушение единства и территориальной целостности России	3,9	44
Раскол в политической элите России, борьба за власть разных групп влияния	3,9	45
Ведение другими государствами информационных войн против России	3,9	46
Сохранение наиболее развитыми странами превосходства в уровне и качестве жизни	3,9	47
Достижение другими государствами преобладающего превосходства в военной сфере	3,8	48
Приближение военной инфраструктуры стран - членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока	3,8	49
Попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и	3,8	50

место в мировой истории		
Чрезмерное вмешательство государства в экономику и предпринимательскую деятельность	3,8	51
Разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации	3,7	52
Ухудшение отношений с США и Западом в целом	3,6	53
Территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела	3,6	54
Принятие дискриминационных мер и усиление недобросовестной конкуренции в отношении России	3,6	55
Катастрофические неурожаи	3,6	56
Утрата Россией статуса мировой державы	3,5	57
Возникновение масштабных эпидемий и пандемий	3,4	58
Дестабилизация обстановки в отдельных мировых регионах, подрыв стратегической стабильности	3,3	59
Дефицит топливно-энергетических, водных, биологических ресурсов в РФ	3,0	60
Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	3,0	61
Военное нападение со стороны других государств	2,9	62
Клерикализация государства и общества, растущее влияние церкви на политическую жизнь и общественные отношения	2,9	63
Возможность международной изоляции России	2,8	64
Действия «тоталитарных сект», различного рода авантюристов, объявивших себя «спасителями» и «целителями»	2,8	65
Усиление влияния католичества и других неправославных разновидностей христианской религии	2,7	66
Дестабилизация внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, насильственное изменение основ конституционного строя	2,7	67
Деятельность закрытых элитарных сообществ, «мирового правительства» (Бильдербергский клуб, Богемский клуб и т.п.)	2,6	68
Гражданская война в России	2,5	69
Сионизм, еврейские заговоры, деятельность масонов	2,1	70

Главный вывод заключается в том, что наиболее острые, по мнению экспертов, угрозы являются внутренними. Наиболее острой угрозой национальной безопасности России эксперты посчитали коррупцию в российских органах власти и административных структурах (6,1 балла из 7 возможных). В группу наиболее актуальных (средние оценки остроты которых находятся в диапазоне от 5 до 6 баллов) вошли 15 угроз.

Примечательно, что 10 из них относятся к экономическим и демографическим проблемам.

Наибольшую же тревогу экспертов вызывают безопасность в сфере здравоохранения и здоровья нации, а также общественная и экологическая безопасность. Таким образом, наиболее проблемными названы такие отрасли обеспечения национальной безопасности, которые явно относятся к сфере внутренней политики.

Самая актуальная внешняя угроза – «Глобальные экономические и финансовые кризисы» – находится на 21 месте ранжированного списка; если же рассматривать угрозы, в которых имеется конкретный внешнеполитический субъект, носитель угрозы, то наиболее острой внешней угрозой оказывается «Растущее экономическое и военное могущество Китая», находящееся на 30-м месте ранжированного списка.

Следует подчеркнуть, что в целом, фактор роста могущества Китая за последние два-три года изменил парадигму российского восприятия ослабления американской мощи и формирования многополярного мира в сторону большей озабоченности этими трендами, как не соответствующими интересам безопасности России. Что свидетельствует о *постепенном укоренении самовосприятия и самоидентификации России как части евроатлантического пространства.*

Лишь на 46, 47 и 48 местах соответственно находятся угрозы, сформулированные как «сохранение наиболее развитыми странами превосходства в уровне и качестве жизни», «достижение другими государствами преобладающего превосходства в военной сфере», «приближение военной инфраструктуры стран - членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока». Как мало актуальные (53 и 54 место) эксперты оценивают угрозы «ухудшения отношений с США и Западом в целом», «территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела». Еще ниже рангом угрозы «утраты Россией статуса мировой державы» (57), «военного нападения со стороны других государств» (62), маловероятной считают эксперты угрозу «возможности международной изоляции России» (64).

Проведенный сравнительный анализ опросов российского общественного и экспертного мнения дает мозаичную и латентную картину, отражающую восприятие российским обществом нынешней и будущей роли и места России в динамично меняющемся глобальном мире. Опросы

свидетельствуют о сохраняющейся высокой неопределенности в выборе пути развития и оценке возможностей – как внутренних, так и внешних факторов – его реализации.

Россия в мире – экспертный опрос

В ходе подготовленного и проведенного автором опроса 30 авторитетным российским экспертам было предложено ответить на 11 вопросов и – при желании – прокомментировать их на условиях анонимности. Каждый вопрос предполагал три (в одном случае четыре) опции ответа. Вопросы носили закрытый характер – в сумме оценка трех вариантов ответа от 0 до 10 должна равняться 10 баллам²². Опрос проводился летом-осенью 2011 г.

№ вопроса	Вопрос (закрытый – в сумме ответ на каждый вопрос составляет 10 баллов)	Средние баллы по каждой опции ответа
1.	В перспективе 10-15 лет интересам безопасности России соответствует взаимодействие и сотрудничество: С государствами и институтами евроатлантического пространства С Китаем Позиционирование и действия как самостоятельной силы	5,69 3 1,31
2.	Какие причины, факторы Вы считаете главной движущей силой России в интеграции в евроатлантическое пространство безопасности? Безопасность Экономическая модернизация Ценностные цивилизационные факторы Таких причин нет, интеграция России в ЕАПБ нецелесообразна	3,44 4,25 2,06 0,25
3.	Как Вы оцениваете шансы укрепления организаций и	

²² На вопросы отвечали авторитетные эксперты из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Нижнего Новгорода. Политологи, экономисты, историки, специалисты как по Европе, Соединенным Штатам, так и Китаю, преимущественно умеренно-центристских или умеренно-либеральных взглядов среднего поколения, что делает излишней категоризацию внутри группы респондентов (исключение составляют лишь более высокие – но не более 6 – по сравнению с остальными, оценки перспектив сотрудничества с Китаем, данные специалистами по российско-китайским отношениям).

	институтов, где Россия играет системообразующую роль (ОДКБ, ТС, ЕЭП, СНГ)? Высокие Средние Низкие	1,06 3,94 5
4.	Считаете ли Вы долговременными и стратегически необратимыми подвижки в отношениях России с Западом? Да Нет Не уверен	2,19 4,31 3,5
5.	Переагрузка в отношениях России с США Долговременна Ситуативна и недолговременна Перспектива будет определена результатами выборов в США и России	1,5 5,56 2,94
6.	В отношениях европейских государств и Соединенных Штатов растет число разногласий. Возможен ли реальный раскол в евроатлантическом сообществе? Возможен Невозможен Не уверен	0,69 8,25 1,06
7.	Угрожают ли разногласия в евроатлантическом сообществе функционированию и эффективности НАТО? Да Нет Не уверен	3,06 5,63 1,31
8.	Как Вы оцениваете шансы на усиление военно-политической роли Евросоюза? Высокие Средние Низкие	1,06 4,31 4,63
9.	Как отразится развитие ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африке на отношениях России со странами евроатлантического пространства? Возможно укрепление взаимодействия и сотрудничества Отношения ухудшатся Не уверен	2,94 2,5 4,56
10.	Изменится ли теперешний курс России на улучшение отношений с Западом, евроатлантическое сотрудничество после президентских выборов 2012 г.?	

	Не изменится	4,375
	Изменится незначительно	4,375
	Будет существенно пересмотрен	1,25
11.	Как Вы полагаете, разделяет ли «широкое общественное мнение» Вашу точку зрения?	
	Да	2,06
	Нет	4,44
	Не уверен	3,5

Несмотря на то, что опция сотрудничества с государствами и институтами евроатлантического пространства, в целом, рассматривается как наиболее предпочтительная (5,69), разброс оценок, данных экспертами на этот ключевой вопрос, велик – от 2 до 10. Что свидетельствует о сохраняющейся неуверенности в целесообразности, но главное - в возможности реализации евроатлантического выбора. Почти вдвое ниже (3) оценивается целесообразность предпочтительной ориентации в сотрудничестве на Китай. Разброс оценок по данной позиции существенно меньше (от 0 до 4 и лишь в одном случае 6). Лишь 1,31 балла получила опция «Позиционирование и действия как самостоятельной силы». Многие эксперты полагают данный вариант развития абсолютно нецелесообразным (0) и лишь в одном случае получил оценку в 5 баллов.

Эксперт, оценивший предложенные варианты соответственно в 6,1 и 3 балла прокомментировал свою позицию следующим образом: «Ключевая задача, в том числе национальной безопасности – всесторонняя модернизация страны. Решение этой задачи возможно лишь на основе партнерства с Евро-Атлантикой. С Китаем необходимо прагматическое сотрудничество. Развитие в качестве самостоятельной силы необходимо, но не как альтернатива системе партнерств, а во взаимосвязи с ними. Абсолютизация «самостоятельной силы» угрожает обернуться внутренней деградацией и нарастанием внешних конфликтов». Другой эксперт, оценивший предложенные в опросе опции соответственно в 4, 2 и 4 балла, подчеркнул: «Относительно высокий вес последнего пункта означает, что при сближении с государствами евроатлантического пространства, развитию сотрудничества с Китаем надо, прежде всего, думать о выгодах для России. Т.е. мои ответы не означают ни призыва к строительству новой сверхдержавы, ни к безоглядной интеграции со странами, для многих жителей которых Россия является «чуждым» элементом и воспринимается главным образом «потребительски».

Основным фактором, определяющим целесообразность и / или необходимость интеграции России в Евро-Атлантику, эксперты считают необходимость экономической модернизации страны (4,25 балла). Несколько ниже, в 3,44 балла оценивается фактор безопасности. Ценностные цивилизационные факторы оценены в 2,06 балла. В абсолютном меньшинстве те, кто не видят причин для интеграции России в евроатлантический регион (0,25). Эксперт, оценивший факторы безопасности и экономической модернизации соответственно в 3 и 7 баллов, пояснил, что под экономической модернизацией понимает «формирование демократической политико-экономической системы и верховенство закона, а не попытки добиться технологических прорывов. С этой точки зрения экономическая модернизация неотделима от «ценностных факторов». Другой эксперт, выше всего оценивший цивилизационные факторы (6 баллов), экономические в 3 и безопасность в 1 балл прокомментировал свою позицию следующим образом: «Я убежден, что Россия – прежде всего европейская страна. Игнорирование этого факта многими политиками и экспертами в евроатлантическом пространстве само по себе создает угрозу безопасности России (пусть и опосредованно). При этом непосредственно с точки зрения обеспечения безопасности России я не верю в позитивную роль, например, сильного сближения с НАТО».

Иными словами, как эксперты, считающие главными угрозами национальной безопасности России коррупцию, изношенность основных фондов в промышленности, отставание в сфере инноваций и модернизации экономики, сохранение экспортно-сырьевой модели развития экономики; как респонденты – не эксперты, видящие главное препятствие на пути превращения России в одну из ведущих держав мира в «отставании от передовых стран в экономическом развитии», так и эксперты, опрошенные автором, также определяют в качестве ключевой задачи широко понимаемую экономическую модернизацию России.

Мнение рядовых респондентов, не считающих важным для позиционирования России как великой державы «контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР», корреспондирует со скептическими оценками опрошенных в рамках проекта ЕАСИ экспертов шансов укрепления организаций и институтов, где Россия играет системообразующую роль (ОДКБ, ТС, ЕЭП, СНГ). (Высокие шансы – 1,06 балла, средние – 3,94, низкие – 5 баллов).

В том, что касается собственно Евро-Атлантики, опрошенные эксперты высказывают весьма схожие мнения о его достаточно прочных консолидированных позициях. Более половины экспертов (5,69) считают сотрудничество с государствами и институтами евроатлантического пространства наиболее предпочтительным вариантом для внешнеполитической стратегии и внутреннего политического и экономического развития страны. Та же точка зрения, по сути, отражается в ответах на вопрос «Изменится ли теперешний курс России на улучшение отношений с Западом, евроатлантическое сотрудничество после президентских выборов 2012 г.?». Опции, что курс не изменится или изменится незначительно, получили одинаковые оценки 4,375 балла. То, что курс будет существенно пересмотрен – лишь 1,25 балла.

И все же утвердительный ответ на вопрос «Считаете ли Вы долговременными и стратегически необратимыми подвижки в отношениях России с Западом?» получил 2,19 балла. Отрицательный – 4,31 балла. Не уверен – высокие 3,5 балла. Эксперт, давший соответственно оценки 0, 9 и 1 балл пояснил: «во-первых, подвижки в отношениях России с Западом касаются пока прежде всего тона и стиля; подвижек, которые можно было бы назвать стратегическими по сути, я не вижу. Холодная война закончилась еще при СССР. Во-вторых, *стратегически необратим откат России в положение державы второго-третьего уровня – аналогичную трансформацию претерпели с конца 1940-х по начало 1960-х Британия и Франция. Но это – явление, по его происхождению и движущим силам внутрироссийское в гораздо большей степени, чем продуцируемое извне, и его последствия влияют на отношения РФ-Запад гораздо сильнее, нежели эти отношения – на само явление*».

Как и американские эксперты, почти 30% (2,94 балла) российских полагают, что перспектива будет определяться результатами выборов в США и России. Эксперт, полагающий наиболее вероятным сценарием «ситуативный и недолговременный» (8 баллов), подчеркивает, что, как правило, «отношения России и США определяются собственной «повесткой дня» каждой из стран. *Для России обычно реформистская повестка дня требует сближения с США, стабилизация – отчуждения и противопоставления*. Поэтому отношения так и будут находиться в состоянии маятника». Соответственно, по его мнению, «если после выборов будет продолжена попытка модернизации страны, то отношения будут улучшаться, если же Россия вернется к «стабилизации», то отношения ухудшатся».

Иными словами, признавая целесообразность для России взаимодействия в регионе Евро-Атлантики, российские эксперты полагают, что вероятность такого сценария невелика. Причиной чему может быть сдержанность и нежелание партнеров в Евро-Атлантике или негативный сценарий развития внутри страны.

Интерес представляет также ответ на последний вопрос – «разделяет ли «широкое общественное мнение» Вашу точку зрения?». Опция «не разделяет» получила 4,44 балла, не уверен – 3,5 балла, «разделяет» - только 2,06 балла.

Тем временем проведенный сравнительный анализ опросов и сопоставление данных этих опросов с результатами авторского опроса экспертов свидетельствует о том, что расхождение между экспертным мнением и мнением рядовых россиян не критично, нередко мнения совпадают. На тенденцию к сближению мнения экспертов и общества указывает также исследование ИС РАН и ИГ ЦИРКОН.

Второй особенностью нынешнего состояния как экспертного, так и общественного мнения является уже отмечавшийся высокий процент «не уверенных» в ответе, что объясняется условиями динамичного переходного периода в глобальном развитии, а также незавершенностью транзита и неопределенностью перспектив внутреннего развития.

Существенное значение для оценки самовосприятия и восприятия России в странах ЦВЕ, Балтии и СНГ имеют следующие выводы:

Значительная часть россиян и больше половины экспертов полагают целесообразным более тесное сотрудничество России с Западом. Основой целеполагания является признание острой необходимости реформирования и модернизации экономики и социально-политической системы для развития страны, что, в свою очередь, понимается многими экспертами как главные предпосылки обеспечения безопасности, а также как соответствие ценностным цивилизационным нормам развитого мира;

Укрепление позиций России в постсоветском пространстве не оценивается как эффективный инструмент в укреплении роли страны в глобальной политике и экономике;

Альтернатива доминантной ориентации на Китай, азиатско-тихоокеанский регион не получает значимой поддержки;

Достаточно высокие, но не имеющие точной спецификации оценки выбора «особого пути» общественным мнением не находят поддержки в

экспертной среде, которая в то же время сомневается в реализуемости сценария сближения и интеграции с Евро-Атлантикой.

По-видимому, последний вывод в наибольшей степени характеризует состояние общественных настроений и экспертного мнения в России. На уровне общественности своеобразные комплексы, обусловленные осознанием масштаба и сложности проблем, стоящих перед страной, неуверенностью в возможности их решения, вызывают, скорее, настроения эскапизма, отделения от глобальной среды, опасения вмешательства. В экспертной же среде превалирует мнение о том, что альтернативы сближению с Евро-Атлантикой, по сути, не существует. Однако профессиональное знание внешней среды, интересов, в том числе партикулярных, партнеров, а также того, что ценностная ориентация и внутривнутриполитические факторы не позволяют им беспредельно не принимать во внимание «инаковость» России, низкую адаптивность страны к евроатлантическим стандартам, обуславливают скептицизм экспертов относительно данного сценария.

Россия и ее соседи в Центрально-Восточной Европе, Балтии и СНГ

Значение проблемы восприятия России ее соседями в Центрально-Восточной Европе, Балтии и СНГ выходит далеко за рамки указанного региона. Его границы нечетко очерчены и динамично меняются по мере расширения Евросоюза и других региональных и субрегиональных институтов. На структуру и состояние региона значительное влияние оказывают события в мире. Самый последний яркий пример – на Ближнем Востоке и в Северной Африке. «Арабская весна» и связанная с ней волна многотысячной миграции, с одной стороны, резко усилила настроения национализма в Европе, заставила задуматься о закрытии границ и пересмотре или ограничении (по крайней мере временном) Шенгенского режима. С другой стороны, в длящихся уже не один год дискуссиях и спорах о том, какое из направлений – восточное или южное – важнее для будущего стабильного и безопасного развития Евросоюза, верх одерживает Франция и другие страны ЕС, настаивающие на фокусировке политических и финансовых усилий на южном фланге. Одновременно события на Ближнем Востоке и в Северной Африке способствовали существенному усилению позиций Турции, претендующей на роль региональной державы, и ее влияния на страны Южного Кавказа, также –

как члены программы «Восточного партнерства» - входящие в восточно-европейский фланг СНГ.

«Качество» и степень консолидированности региона определяется также внутривластическим и экономическим развитием входящих в него стран. Так, смена политического руководства и режима на Украине вызвала существенные подвижки в Брюсселе не только в отношении нее, но и программы «Восточного партнерства» в целом. Безусловно, на проекте сказались и финансово-экономический кризис 2008-2010 гг., и кризис в Белоруссии, и «российский фактор», и «арабская весна». Однако политическая и социально-экономическая динамика в восточно-европейских странах остается ключевым фактором, определяющим цивилизационные, геоэкономические и геополитические векторы развития региона. Следует подчеркнуть: переходное состояние отдельных его стран, послужило одним из важных факторов возрождения геополитической парадигмы в мировой политике в 00-х гг.

Восприятие России ее соседями в Центрально-Восточной Европе, Балтии и СНГ также учитывается в формировании политики и общественного мнения в отношении России в Евросоюзе и США. Этот инструмент особенно активно использовался Вышеградскими странами и Балтией в период, когда они добивались членства в НАТО и ЕС. Тем же путем пытались идти М.Саакашвили и В.Ющенко.

Роль «третьих» игроков, прежде всего Евросоюза, в отношениях России со странами ЦВЕ, Балтии и СНГ и формировании ими восприятия России очень существенна. Евросоюз способен оказывать влияние если не на развитие регионального сотрудничества, то на восприятие региональных моделей²³. Так, тот факт, что государства Южного Кавказа воспринимают себя как часть региона ЦВЕ, Балтии и СНГ, они сами объясняют их внешними акторами – сначала Москвой, а затем Брюсселем. Справедливо, однако, и другое замечание украинских экспертов: «существует риск того, что в ходе поиска моделей взаимодействия ЕС и России на пространстве, охваченном «Восточным партнерством», интересы самих стран-партнеров рассматриваются как вторичные»²⁴.

Наконец, то, что группа стран, не являющихся классическим международно-политическим регионом, воспринимается как регион,

²³ И.Болгова. «Восточная политика Европейского Союза: противоречия развития». – Восточная Европа. Перспективы. Цит. соч., с. 19

²⁴ В.Копейка, Н.Веселая. Цит. соч., с.55

связано с его нахождением между двумя мощными игроками²⁵. Можно ли дать общее определение региону ЦВЕ, Балтии и СНГ? Российский ученый А.Мальгин полагает, что идет формирование нового феномена, а возможно, и нового проторегиона «новой Восточной Европы»²⁶. Его компонентами он полагает: три восточноевропейских страны СНГ, но не южно-кавказских государства, не граничащих с ЕС; приграничные страны «классической» Восточной Европы (Вышеград) и южные соседи (Румыния, возможно, Болгария); страны Прибалтики и Россию.

Представляется однако, что в силу внутренней, региональной и внешней динамики, объективной многовекторности и подверженности многофакторному влиянию политик стран рассматриваемого пространства, не говоря уже о сложном переплетении исторических судеб, определить его трудно. Ясно, например, что Польша и Чехия имеют основания возражать против дефиниции «Восточная» Европа и считать себя частью «классической» Центральной Европы (*Mitteleuropa*)²⁷. С другой стороны, учитывая геополитические и геоэкономические процессы, в рассматриваемый регион целесообразно включить не только Южный Кавказ, но и государства Центральной Азии, как часть пространства СНГ.

По-видимому, наиболее существенными критериями принадлежности страны к рассматриваемому постсоветскому и постсоциалистическому региону, являются *лимитрофность и транзитное состояние*²⁸, определяющими его функциональность и роль в мировой политике, равно как и особенности самовосприятия и восприятия ими России. Причем, по мере выхода из того или другого состояния, или снижения приоритета данного региона во внешней и внутренней политике, привязка государства к региону ослабевает. В этом смысле, например, Чехия отошла от региона дальше, чем Польша.

В данном докладе рассматриваются особенности восприятия России различными государствами и группами государств региона. Также удалось представить точку зрения на рассматриваемые проблемы зарубежных

²⁵ И.Болгова. Цит. соч.

²⁶ А.Мальгин. «Европейская система: стратегическая динамика и новые компоненты». – Восточная Европа. Перспективы. Цит. соч., с.15

²⁷ См. подробнее: «Мир 2020: российская и центрально-восточноевропейская перспективы». М., ИМЭМО, 2010. Сборник подготовлен ФПИИ и ИМЭМО РАН при поддержке Фонда «Русский мир».

²⁸ Там же.

экспертов. Их работы были впервые представлены на проводившейся в рамках проекта Фонда «Русский мир» международной конференции «Сотрудничество в области безопасности в Евразии: возможности и вызовы» (Москва, март 2011 г.) Ее со-организаторами были: ИМЭМО РАН, Фонд перспективных исследований и инициатив, экспертная сеть Новые подходы к исследованиям безопасности в Евразии (PONARS Eurasia). По договоренности с PONARS Eurasia, четыре работы, размещенные на ее сайте, были переведены на русский язык и напечатаны в этом докладе.

Андрей Рябов

Перспективы отношения к России в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)

Отношение народов стран Центральной и Восточной Европы к России в ближайшей перспективе будет определяться в результате взаимодействия многих, подчас разнонаправленных тенденций и факторов.

Важнейшим фактором из них является развивающаяся идентичность в быстро меняющейся Европе и мире. Так, принадлежность к Центральной Европе как самостоятельному субрегиону, не находящемуся в непосредственной близости от российских границ, скорее всего, будет способствовать формированию устойчиво-нейтрального отношения к России, что при прочих благоприятных условиях может стать хорошей основой для развития двухсторонних торгово-экономических отношений.

Балканскую идентичность будут определять другие факторы: во-первых, это растущее желание идентифицировать себя как своеобразную, но все же часть Европы и, во-вторых, понимание, что Россия, в течение нескольких лет являвшаяся важнейшим игроком в этом субрегионе, навсегда покинула его в военно-политическом отношении. Иными словами, балканские страны будут стремиться стать больше Европой, чем были раньше, и покончить с прежним состоянием, когда они являлись по существу транзитным регионом между Европой и Азией, Европой и Россией. Для тех из них, которые традиционно поддерживали близкие отношения с Россией и испытывали к ней глубокие симпатии (Болгария, Сербия, Черногория), это будет вести к дистанцированию от РФ, намеренному желанию ограничить отношения с ней торгово-экономическими отношениями, причем развивать их только в тех сферах, в которых это отвечает национальным интересам Балканских государств. На сегодняшний день, наиболее отчетливо этот подход представлен в политике Болгарии.

Те же балканские страны, которые имеют сложную и неоднозначную историю отношений с Россией, не исключено будут стремиться к поддержанию их на каком-то минимальном уровне (Румыния, возможно

Хорватия и Словения). Особняком в этом контексте стоит Польша, которая традиционно позиционирует себя как ведущая держава Восточной Европы, форпост Европейского Союза на Востоке. Можно предположить, что Польша, даже наличия мощного традиционно негативно относящегося к России национал-консервативного крыла в ее политике, все же будет стремиться к интенсификации диалога с Москвой. Будет и дальше пытаться осуществлять линию на политическую «европеизацию» России через вовлечение Москвы в различные международные проекты, ведущиеся ЕС.

Фактор социально-экономического положения стран ЦВЕ сам по себе не сможет играть ведущую роль в определении отношений с Россией. Ухудшение социально-экономического положения, оттеснение на периферию европейской политики способствует усилению в государствах ЦВЕ позиций национально-консервативных сил, которые нередко пытаются разыгрывать антироссийскую карту для мобилизации сторонников и укрепления своих внутривнутриполитических позиций.

Но подобные политические игры, однако, могут привести к устойчивому ухудшению отношений с Россией только в том случае, если опираются на историческую память, на неурегулированные исторические споры с Россией. И чем больше этой неурегулированности, тем больше шансов для роста враждебных к России настроений.

Подобные возможности существуют, прежде всего, в политике государств Балтии, с которыми Россия так и не достигла понимания в отношении важнейших периодов национальной истории – 1940, 1944-1991 годов. В Венгрии же, попытка консервативного правительства партии ФИДЕС снова разыграть карту антисоветских и антироссийских настроений не достигла широких масштабов, на которые рассчитывали ее инициаторы. В значительной мере это связано с тем, что Россия на официальном уровне осудила действия руководства СССР по подавлению анти-сталинистского и антикоммунистического восстания в Венгрии в октябре–ноябре 1956 года. То же самое можно сказать и о Чехии и Словакии. Таким образом, *наличие неурегулированных спорных проблем совместной истории по-прежнему будет оставаться важным фактором, формирующим отношение к России в тех странах, где такие проблемы существуют.*

Важным фактором, значение которого в ближайшие годы будет только усиливаться, следует признать *приход в большую политику нового поколения лидеров, не связанного с национально-демократическими и*

антикоммунистическими революциями 1989-1991 годов. При всех различиях их партийной принадлежности, идеологических симпатий, отличительными особенностями этого поколения являются внешнеполитический прагматизм, четкое понимание того, что нынешняя Россия, какие бы президенты и правительства ее ни возглавляли, уже не может стать реальной угрозой независимости и территориальной целостности этих государств. Их членство в НАТО и Евросоюзе является гарантией этого.

Разумеется, процессы формирования новых элит различаются по темпам в разных государствах. Где-то они идут быстрее (Латвия), а где-то и новые элиты испытывают на себе сильное влияние прежних конфронтационных воззрений (Эстония). Но в любом случае *усиление роли новых элит будет способствовать прагматизации отношения к России, которое предполагает не только признание неизбежности соседства и партнерства с ней, но и исходит из возможности получения выгоды в национальных интересах этих стран.*

Значимым фактором отношения к России будет *качество самой российской политики, причем не только внешней, но и внутренней.* Сейчас эта политика воспринимается в культурном плане как «иное». И это фактор общеевропейский, характерный и для региона ЦВЕ. В данном контексте российская политика по определению непредсказуема, подчинена либо неким фантомным имперским целям, либо узкоэгоистическим интересам привилегированных групп, находящихся у власти. Природа российской политики такова, что она не учитывает интересов массовых слоев, а строится на манипулировании их настроениями. Со страной, которая придерживается такой политики, не может быть близких, доверительных отношений. Культурные связи, религиозная близость не могут стать фактором, способным переломить этот политико-цивилизационный барьер. При сохранении российской политики в том виде, в каком она есть сейчас, максимально позитивным отношением к России может стать успешно развивающееся торгово-экономическое сотрудничество, не отягощенное какими-либо идеологическими и историческими стереотипами и претензиями. Напротив, если политика России будет меняться, в сторону большей демократичности внутри страны, предсказуемости действий во внешнем мире, то коридор возможностей для улучшения отношения к РФ в странах ЦВЕ существенно расширится. Фактором сближения могут стать в этом случае и тесные культурные и политические связи в прошлом и даже в

какой-то мере общее социалистическое прошлое. Но последний фактор может заиграть только в том случае, если маргинализация государств ЦВЕ внутри «большой Европы» усилится, а их социально-экономическое положение будет устойчиво плохим, что усилит ностальгию по социалистическому прошлому. Фактор такой ностальгии уже заметен в ряде стран региона, и что особенно важно, среди молодежи (Чехия, Венгрия).

Едва ли можно ожидать в ближайшие годы кардинального изменения отношения Украины к России. Подобная устойчивость будет, прежде всего, определяться тем, что Украина в силу целого ряда внутренних и международных причин так и не сможет сделать цивилизационный выбор, ни в пользу Европы, ни в сторону России, оставаясь по-прежнему в роли «серой зоны» между Западом и Востоком. Для Европейского Союза с учетом его внутренних проблем задача «европеизации» Украины на обозримую перспективу окажется неподъемной. Брюссель будет готов дать «зеленый свет» курсу Украины на евроинтеграцию, если только Киев самостоятельно начнет проводить глубокие социально-экономические и политические реформы, приближающие украинские общественно-политические порядки к европейским стандартам. Однако подобные действия не входят в повестку дня правящих украинских элит, справедливо опасющихся, что реформы неизбежно подорвут их доминирующее положение в обществе. Среди украинских контр-элит также не заметно тех, кто был бы заинтересован в проведении реформ европейского типа. Но отсутствие принципиальных условий для продвижения Украины в сторону Европейского Союза вовсе не будет означать, что заметно усилятся возможности для решающего сближения ее с Россией.

Даже если предположить, что социально-экономическое положение Украины станет катастрофическим, это вряд ли заставит и официальный Киев, и украинское общество пойти на более тесную интеграцию с Россией. Во-первых, украинские элиты (и это их осознанный корпоративный интерес) опасаются утратить самостоятельность в распоряжении ресурсами страны, снова оказаться в унижительной для них роли «младшего брата». Во-вторых, в массовом сознании украинского общества Россия уже многократно обманывала его ожидания. Вот почему перспектива новой тесной интеграции с Россией однозначно воспринимается как полное подчинение трудно предсказуемому восточному соседу, который не будет обращать на украинские интересы

особого внимания. С Россией нужно дружить, сохранять хорошие отношения, но при этом политико-правовые формы, на базе которых развиваются эти отношения, должны обеспечивать безусловную самостоятельность Украины. В более отдаленной перспективе изменения нынешнего отношения Украины к России возможно лишь в связи с формированием новой украинской идентичности. Однако в настоящее время ни содержание этого процесса, ни его возможные формы пока еще даже не просматриваются.

Что касается Белоруссии, то отношение этой страны к России тоже в значительной степени будет зависеть от ее позиционирования по линии Москва – Брюссель, с той лишь разницей, что в ближайшие годы шансы на новое сближение Минска с Евросоюзом минимальны. Прозападная оппозиция режиму президента Александра Лукашенко чрезвычайно слаба и практически не имеет никаких шансов на приход к власти ни демократическим, ни тем более «вооруженным» путем. Брюссель же не согласен идти на улучшение экономических отношений с Белоруссией без прогресса демократических свобод в этой стране. Все это делает пророссийский вектор в белорусской внешней политике единственно возможным.

Многое будет зависеть от того, удастся ли России в ближайшие два года установить фактический контроль над ключевыми активами белорусской национальной экономики и ускорить процесс трансформации правящей в этой стране постсоветской номенклатуры в новый класс собственников. Если эти изменения произойдут, то объективно возникнут реальные условия для более тесной интеграции с Россией.

Далее же все будет зависеть от политической дальновидности российских элит. Если в рамках новых интеграционных форм, интересы белорусских элит будут широко представлены, контакты между двумя обществами усилятся, а почва для белорусского национализма существенно ослабнет. В этом случае не исключено, что в Белоруссии снова усилится двойная идентичность (своя белорусская, и общая с Россией, белорусско-российская). А в массовом сознании белорусов закрепится убежденность в том, что исторически они находятся с Россией «в одной лодке», и связаны с Москвой столь тесными историческими узами, которые не подвластны влиянию конъюнктурных обстоятельств. Однако, если в процессе перехода к новым интеграционным формам, интересы правящих элит Белоруссии будут попораны или слабо учтены, это может стать сигналом к новому

взлету белорусского национализма, который в изменившихся условиях неизбежно станет обретать форму «антиколониального». В этом случае он неожиданно получит шанс преодолеть традиционное маргинальное состояние и заметно расширить популярность среди массовых социальных слоев. Возможно, этот вызов придаст мощный импульс попыткам Белоруссии дистанцироваться от России и новому взлету европейских симпатий.

Отношение Молдовы к России целиком и полностью будет определяться балансом политик в ее отношении ключевых международных игроков, прежде всего, России, Европейского Союза и, отчасти, Румынии. Отличие Молдовы от других постсоветских государств Восточной Европы состоит в том, что большинство ее населения уже давно пришло к неутешительному для себя выводу, что эта страна собственными силами не способна обеспечить своему народу социально-экономический прогресс. Поэтому симпатии молдаван будут отданы тому игроку, который будет готов взять ответственность за ее социально-экономическое развитие, но при этом проявит уважение к ее политическому суверенитету, национальным и культурным традициям. Похоже, что для России Молдова как возможный партнер для интеграции не интересна. Зато эта маленькая страна занимает заметное место в различных дипломатических разменах и торговле, которые Москва ведет с Брюсселем и ведущими европейскими державами. В этой связи едва ли можно ожидать поворота в политике России по отношению к Молдове. Но и Евросоюз не готов сделать решающий шаг в направлении евроинтеграции Молдовы.

Следовательно, нет оснований полагать, что отношение Молдовы к России в ближайшие годы существенно изменится. Москва остается важным экономическим партнером Кишинева, который так или иначе будет вынужден поддерживать с Россией конструктивные отношения по различным линиям. Такие отношения в значительной степени будут созвучны и интересам сотен тысяч граждан Молдовы, постоянно проживающих в России, для которых работа в РФ стала важнейшим фактором поддержания нормального уровня жизни. Но одновременно Молдова не будет упускать ни единой возможности, чтобы дать понять Москве, что у нее иной цивилизационный выбор, и что интеграция с Европой – это лишь вопрос времени. Впрочем, подобные конфронтации, за редким исключением акций сторонников объединения с Румынией, которых насчитывается не более 15% от всего населения республики, не будут направлены конфронтацию с Россией. Молдавская политическая

культура в основе своей неконфронтационна, она никогда не направлена против рациональных экономических интересов страны. Задача подобных маневров и демонстраций будет заключаться в другом: показать Москве, что у Кишинева для проведения политики многовекторности есть не только желание, но и возможности.

Россия-2020 глазами соседей в Центральной Европе и Балтии

«Что они знают о России? С одной стороны, они слышали от своих бабушек, что русскому нельзя доверять, даже если русский приходит с подарком. ...С другой стороны, русские – противовес слишком холодному – для Средней Европы – Западу... А какие они? Да никакие. Обычная Средняя Европа»

Виктор Ерофеев

Центральная Европа (ЦЕ), под которой в данном разделе понимаются страны Вышеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) и Балтия (Латвия, Литва, Эстония), по интенсивности экономических, политических и культурных связей с Россией занимает промежуточное положение между большинством стран СНГ и странами Юго-восточной Европы (за исключением Болгарии). До 1989 г. эти страны имели общую границу с СССР (ЦЕ) или входили в его состав, активно сотрудничали с СССР в военно-политической (ОВД), экономической (СЭВ) и культурно-образовательной сферах, причем основная часть этих контактов приходилась на Россию (до 2/3 в торгово-экономической области).

Это обусловило и довольно широкое распространение в регионе ЦЕ русского языка. Даже после двадцатилетия «раздельного проживания» с Россией число жителей этих стран, в той или иной степени владеющих русским языком, по имеющимся оценкам, составляет около 15 млн. чел. (более 20% их совокупного населения). Особую группу составляют, т.н. «еврорусские», «унаследованные» от СССР (1,1 млн. чел. или почти 16% совокупного населения стран Балтии) или приехавшие уже из новой России (в Чехии – четвертая по величине некоренная национальная группа – около 7% всех проживающих там иностранцев). Спецификой стран Балтии является превышение доли русского в используемых языках над долей собственно русских жителей. Так, использование русского языка, как основного, в Латвии декларируют 37,9% населения, в Эстонии - 29,7% и даже в начитывающей лишь 4,9% русских Литве – 8%.²⁹

В то же время, положительный эффект знакомства или пользования русским языком заметно снижается из-за ограниченности контактов на

²⁹www.cia.gov

уровне граждан и общества в целом. Гуманитарные контакты жителей России и стран ЦЕ даже в рамках «социалистического лагеря» носили несистематический и не массовый характер, охватывали ограниченные профессионально-социальные группы, жестко регулировались государством. Это консервировало и даже порождало различные стереотипы, предубеждения и другие социально-психологические и ментально-эмоциональные восприятия некоторых реально существующих цивилизационных различий.

Двадцатилетнее ослабление контактов (в т.ч. из-за введения по инициативе стран ЦЕ визового режима в начале 2000 – х гг.) усугубило эти проблемы, особенно для молодежи, мало интересующейся международными вопросами. Показательным примером может служить опрос венгерских студентов (2010 г.). Он выявил в их восприятии России как сохранение «старых», традиционно распространенных стереотипов и предрассудков (более 60% опрошенных ассоциировало Россию с социализмом, 50% - с водкой, свыше 30% - с холодом), так и появление «новых» (у 70% респондентов Россия вызывала ассоциации с великодержавностью, у почти 55% - с газовым господством)³⁰.

Восприятие будущей России, «России 2020» в странах ЦЕ будет определяться как сложившимися тенденциями, так и новыми трендами во взаимовосприятии наших стран и народов, проявившимися, в основном, в последние 5 лет. Эти изменения охватывают оба уровня национальных геополитических представлений. Как «высокую геополитику» - официальное видение мира доминирующей частью политической элиты, так и «низкую» - представление о мире различных социальных, этнических и региональных групп. Эти уровни тесно взаимосвязаны, формируя национальную (этническую) и политическую (государственную) идентичность стран. Выработка внешнеполитических концепций, доктрин, принятие и реализация конкретизирующих их решений на первом уровне во многом дают ориентиры для развития в обществе различных (в т.ч. конкурирующих) исторически сложившихся представлений о положении страны в мире и ее цивилизационной идентичности, приоритетных национальных интересах и др. В свою очередь, сформированная на основании исторического опыта общества национальная культура знаний о внешнем мире и взаимодействии на

³⁰«Oroszvilsag.hu», 21.06.2010.

втором уровне, существенно влияет на функционирование первого уровня³¹.

Эти уровни взаимодействуют, но не совпадают, поэтому *отражение государственной внешнеполитической логики в сознании общества иногда существенно разнится от оценки правящей элиты*. Характерный пример – практически противоположная оценка правительством и населением Литвы внешней политики страны за последние годы. Мининдел Литвы А.Ажубалис в декабре 2011 г. констатировал «парадоксальное» расхождение официальной («целенаправленная», «всеобъемлющая» «успешная») и общественной («бесцельная», «непонятная», «ведущая к потере международных партнеров») оценок этой политики³².

Важную роль в увязывании «высокой» и «низкой» геополитики играют экспертное и культурологическое сообщества и, особенно, СМИ, включая Интернет. В последние годы в ряде стран ЦЕ появились научные и научно-популярные работы, посвященные прежде всего или полностью, состоянию и перспективам отношений с Россией, как необходимого и жизненно важного элемента национальной геополитики. Например, книга бывшего министра иностранных дел Польши А.Д. Ротфельда «Польша в ненадежном мире (Polska w niepewnym świecie)» Warszawa, 2006), сборник статей под редакцией ведущего венгерского русиста Д. Свака «Образ России с центрально-европейским акцентом» (Budapest, 2010), книга патриарха чешской журналистики М.Сыречека «Надо ли бояться России?» (Jetre base bat Ruska? Praha, 2011). Российская проблематика доминирует (Центр восточных исследования им. М.Карпа, Коллегия Восточной Европы в Польше) или занимает важное место (в центрах международных исследований Венгрии, Словакии, Чехии, странах Балтии) в работе специализированных внешнеполитических «мозговых центров» стран ЦЕ и Балтии. В России этой проблематике отношений со странами ЦЕ уделяется меньше внимания (немногими исключениями являются Институт экономики³³ и Институт Европы РАН их журналы «Мир перемен» и «Современная Европа»).

³¹ Подробнее см. Колосов В., Бородулина Н. «Бремя геополитики» во взаимовосприятии России и стран Прибалтики (<http://www.intertrtyls.ru>, 02.12.2011)

³² [www.regnum.ru/news/fd - abroad/litva/](http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/litva/) 02.12.2011

³³ Можно указать, например, на изданные под эгидой ИЭ РАН книги Н.И. Бухарина «Российско – польские отношения», М., 2007; Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2006 – 2007 гг. М., 2008 и др.).

Однако, основной массив информации и его интерпретации, влияющие на формирование образа России в глазах большинства жителей стран ЦЕ поставляют ненаучные СМИ, нередко аффилированные с национальными правительствами или политическими партиями.

По отношению к формированию образа России в странах ЦЕ и Балтии эти СМИ (как и определенную часть экспертного сообщества) можно условно подразделить на 3 группы. Первая полагает, что имидж России в странах ЦЕ (как и в ЕС в целом) зависит не столько от поведения или самооценки российского народа и государства, сколько от самих этих стран, располагающих мощным потенциалом формирования общественного мнения о России. Политики и медиа стран ЦВЕ и Балтии должны заботиться, чтобы критика, например, политической системы РФ (а тем более, СССР) не переросла в русофобию. Эту позицию хорошо отражает известное высказывание видного польского общественного деятеля и публициста А.Михника – «Я – антисоветский русофил!». Вторая группа считает, что улучшение преимущественно негативного пока образа России в ЦЕ и Балтии зависит, главным образом, от нее, хотя и при условии обеспечения взвешенного освещения российской действительности в центрально-европейских СМИ. Третья группа призывает и Россию и страны ЦЕ и Балтии самокритично рассматривать свое прошлое и не использовать его как политический инструмент для настоящего и будущего.

Таким образом, различия в восприятии России связаны, по мнению директора Международного Вышеградского фонда П.Вагнера, с «историческим опытом взаимоотношений с Россией, отношением различных поколений, отношением отдельных политических партий и политиков к России, менталитетом народа и наличием русского меньшинства в стране». Однако при всех различиях *улучшение этого восприятия зависит, в основном, от позиции и действий политической элиты (прежде всего, правящей)*, во многом определяющей внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию стран ЦЕ и Балтии и степени интенсивности и объективности освещения истории и действительности во внутреннем развитии России и ее взаимоотношениях с конкретными странами.

Геостратегические подходы «постсоциалистических» политических элит стран ЦЕ и Балтии (несмотря на различия в их идеологическом и общественно-политическом «бэкграунде») в отношении России за

истекшее двадцатилетие существенно эволюционировали. Причем в проигрыше оказалась, в основном, наименее гибкая и непрагматичная часть этих элит, не сумевшая достаточно быстро и эффективно адаптироваться к изменениям в политике Западной Европы, США и России в европейском регионе и ослабившая из-за этого позиции своих стран.

После распада СЭВ, ОВД и роспуска СССР центрально-европейские страны быстро превратились из «передового отряда мирового социализма» в «периферийную массовку» Западной Европы, организованной в НАТО и ЕС. *Стремление вырваться из этой массовки оказаться в первых рядах кандидатов на переход в «основной состав» ЕС и европейской части НАТО определяло геостратегию политической элиты, да и значительной части общества стран ЦЕ, связывавшей с этим надежды на более демократическое развитие и экономическое процветание.* Отсюда, во-первых, подчеркивание своего исторически-цивилизационного отличия от России для новой «национально-государственной» идентификации. Во-вторых – культивирование опасений в отношении экономической и политической зависимости от России и якобы реальной военной угрозы с ее стороны для ускорения интеграции в «западные» международные структуры. Эти тренды доминировали во внутренней и внешней политике властей стран ЦЕ и Балтии практически до времени их принятия в НАТО и Евросоюз.

Первый подход (в несколько утрированном виде) удачно охарактеризовал неплохо знающий Центральную Европу русский писатель В. Ерофеев: «Речь идет о двух разных типах культуры и цивилизации, которые тем более взаимоотчуждены, что находятся по соседству. Дело усложняется и тем, что Россия не имеет гомогенного типа культуры, отчего о русском сознании говорить можно только с большой натяжкой»³⁴. Второй подход искусственно воспроизводит в качественно изменившихся условиях внутри России и в Европе старые страхи «малых соседей» перед Российской империей (а затем и СССР), не разделяемые западноевропейцами. Это хорошо выразил выдающийся польский поэт, Нобелевский лауреат в области литературы Ч.Милош, говоря о событиях XIX века: «...Поляки всюду натыкались на непонятную в их глазах любовь западных европейцев к России и символизирующему ее царизму.

³⁴В.Ерофеев. Будь я поляком... В кн. «Польская и русская душа. Материалы к «каталогу» взаимных преубеждений между поляками и русскими». Ред. А. де Лазари, Варшава, ПИСМ, 2003, с. 460.

Напрасно они кричали, что там, в пространствах Евразии, сочетается безграничное честолюбие с безграничными возможностями. Выслушав учтиво, союзники шли в царское посольство...»³⁵.

После принятия стран ЦЕ и Балтии в НАТО и ЕС эти подходы перестали себя оправдывать и, более того, начали тормозить дальнейшую «евроатлантическую» интеграцию этих стран. Постоянное подчеркивание своего «особого» цивилизационного несовпадения с Россией на фоне выдвигаемых западноевропейскими элитами различных концепций «втягивания» России в «большую Европу», «евроатлантическое пространство безопасности» и т.п. как признание ее принадлежности к «христианско-европейскому» элементу глобальной экономики и политики стало раздражать западные элиты, а у общественности создавать впечатление неполной или недостаточной «западности» центральноевропейцев.

Это впечатление усиливалось и педалированием политическими элитами ЦЕ российской «военной угрозы» или «экономической экспансии», способствовавшим созданию имиджа России как реальной мировой супердержавы, против чего выступали старые страны ЕС и США. Кроме того, при таком подходе страны ЦЕ вынужденно трактовались «настоящим Западом» по-старому, как «задворки России», зона ее традиционного и чуть ли не «легитимного» влияния и т.п., что опять-таки вызывало сомнения в «западном характере» данного региона. Как отмечал работающий в США чешский политолог Я. Йиреш: «Определение себя в противопоставлении России рассматривалось политическими элитами региона как единственный путь ясно дистанцироваться от прошлого, доказать свою Западность, культурно и политически интегрироваться с Западом. Эта стратегия, хотя и вполне понятная, не была очень успешна, поскольку в долговременной перспективе она становилась контрпродуктивной. ... Чем более страстно чехи, поляки или эстонцы пытались дистанцироваться от варварской России и чем более «по-ястребиному» они говорили о российском режиме и его политике, тем меньше доверия вызывал их западный характер и тем больше сомнений – доказательства их предполагаемой Западности»³⁶. Ведь «нормальные»

³⁵Ч.Милош. Родная Европа. В кн. «Польская и русская душа ...». М., 2011, с. 421.

³⁶J.Jires. Perceiving the Russian Threat: How Identity Policies are Shaping Central European Attitudes Towards Moscow. Central European Digest.CEPA, 10.01. 2009

западные страны не нуждались в подтверждении своего «западного характера» конфронтацией с Россией.

Примерно с середины 2000 – х гг. политическая элита стран ЦЕ (во всяком случае ее более «европейская» прагматичная часть) начала менять геостратегию в отношении России, отказываясь, по крайней мере, от наиболее одиозных «исторических» стереотипов и предрассудков и давая соответствующие сигналы СМИ. Значимость развития торгово-инвестиционных связей с Россией заметно возросла в период кризисного финансово-инвестиционного «оттока» ресурсов «старых» стран ЕС из региона ЦЕ (2008 – 2009 гг.) и сменившего его периода медленного выхода из кризиса (2010 – 2012 гг.).

Улучшение отношений с Россией давало реальный экономический выигрыш и повышало политическую роль новых стран в системе Евросоюза. Начавшись в форме политики «благожелательных жестов», эта линия постепенно приобретает все более осязаемое практическое наполнение. Так, «перезагрузка» отношений с российским руководством после посещения В.Путиным мероприятий в Польше, связанных с годовщиной начала Второй мировой войны в Польше (2009 г.) и, особенно, поведение российских властей после катастрофы самолета польского президента под Смоленском (2010 г.), начавшись с взаимных жестов, переросла в большой мере в отношения доверия. Благодаря этому улучшились двусторонние отношения. Были подписаны формально отвечающее невыгодному для России «третьему правовому энергопакету» ЕС, а фактически сильно ограничивающее его действие, соглашение по газовому транзиту через Польшу (2010 г.), беспрецедентное по охвату территорий соглашение о малом приграничном движении между Калининградской областью и прибалтийскими воеводствами Польши (2011 г.). Но не только. Благодаря этому также существенно укрепились роль Польши в структурах НАТО и ЕС, упрочилась ее позиция как единственного среди стран ЦЕ «экономического и политического локомотива» Евросоюза.

До определенного времени «политика жестов» способствовала реальному улучшению отношений России и Венгрии. После участия венгерского премьера в праздновании 60-летия победы в Великой Отечественной войне в Москве в 2005 г. Венгрии были возвращены книги из Шарошпатакской библиотеки, были созданы условия для привлечения Венгрии к строительству газопровода «Южный поток» и другим экономически

выгодным для нее проектам. Нынешнее правое правительство Венгрии пытается возродить «политику жестов», но не столько для реального прогресса в двусторонних связях (при государственной поддержке «Сургутнефтегаз» был вытеснен из главной венгерской энергокомпании «МОЛ», фактически заморожены переговоры об участии России в развитии венгерских АЭС и др.), сколько для смягчения последствий появившейся у Венгрии напряженности в отношениях с Брюсселем. Правда, эти жесты пока малоубедительны. Так, переименование площади Москвы почти в центре Будапешта, венгерские власти «компенсировали» присвоением имени Л.Толстого пешеходной дорожке в парке. Более того, в полемике с Европарламентом и Еврокомиссией, выявивших в новом венгерском законодательстве несоответствия принципам и нормам ЕС, ФИДЕС практически использует стереотипы и аргументацию, отработанные в процессе «отчуждения» от СССР и России (недопущение иностранного давления и диктата, навязывание чужой политической воли, превращение Венгрии в колонию и т.п.). Представитель Еврокомиссии даже был вынужден призвать венгерские власти «не путать Европейский Союз с Советским Союзом». В этой связи, поддержавшие вначале Венгрию в споре с ЕС Литва и, особенно, Польша, затем несколько дистанцировались от венгерской позиции.

В то же время, именно прагматичная политика польских властей позволила активизировать «научную и общественную дипломатию». В рамках двусторонней Группы по трудным вопросам удалось разрешить ряд исторических проблем, для расширения гуманитарных контактов создаются Центры доверия и согласия в обеих странах и т.п. Несмотря на колебания внутренней политической конъюнктуры и газовый кризис 2009 г., устойчиво положительно настроена к России преобладающая часть политэлиты Словакии и ее экспертное сообщество. Пытаются использовать эти инструменты и настороженные по отношению к России страны. Так, правящая ныне в Венгрии партия ФИДЕС даже создала в 2011 г. новое по сути аффилированное с ней Общество «За сотрудничество с Россией», конкурирующее с уже действующим Обществом венгеро-российской дружбы, ориентированным на оппозиционную Социалистическую партию, которую власти фактически обвиняют в чрезмерных связях с Россией. Крайне правая националистическая партия «Йоббик» вообще настолько активно выступает за развитие связей с Россией как противовес «диктату» Брюсселя, что вызывает подозрения в ее «тайных связях» с Москвой.

В «наиболее чистом» виде подобные процессы наблюдаются в российско-чешских отношениях. Однако и здесь «прагматичная тактика» преобладает, даже несмотря на ошибки в «политике жестов». С одной стороны, чешская политэлита и большая часть общества критикуют авторитарные тренды во внутренней и внешней политике России. Чешские премьер-министры последних лет считали американскую «перезагрузку» отношений с Россией «наивной и небезопасной» и, в отличие от польского премьера, не спешили с ней синхронизироваться, хотя к этому фактически призывал «прагматичный евроскептик» президент В.Клаус. Чешские элиты и общество были очень обижены демонстративным нежеланием российских властей официально почтить память умершего в декабре 2011 г. первого «постсоциалистического» президента Чехословакии и Чехии, видного политического деятеля всей Центральной Европы В.Гавела. С другой стороны, проведенный несколько ранее с минимальными протокольными процедурами и без символических жестов, но с весомым торгово-финансовым «наполнением», официальный визит президента Д.Медведева в Прагу был позитивно принят в Чехии. Кроме того, Чехия (по крайней мере, на уровне президента и ряда ведущих СМИ) не давала негативных оценок недавним парламентским и президентским выборам в России и довольно скептически оценивала качества «несистемной оппозиции».

Таким образом, находящаяся у власти часть политэлиты стран Вышеградской группы и связанные с нею экспертное сообщество и СМИ занимают достаточно прагматичную позицию в отношении перспектив связей с Россией, стремясь использовать двусторонние связи для поддержки посткризисного роста национальных экономик, усиления своих позиций в ЕС и региональных международных организациях. Позиции опирающихся на прежние негативные «советские» или новые «российские» стереотипы, предрассудки и идеологемы части политэлит этой группы стран постепенно ослабляются внутри стран и на уровне ЕС (Польша, Словакия) или, по крайней мере, вынужденно камуфлируются (Венгрия).

Подобные тенденции, видимо, сохранятся до 2020 г., хотя вполне возможны временные «откаты» в их развитии, связанные как с внутренними, так и внешними факторами, включая защиту групповых интересов этих стран (например, в рамках Единой энергополитки ЕС, «Восточного партнерства», создания европейской ПРО и др.).

Гораздо более сложно прогнозировать отношения России со странами Балтии. Там политэлита более гомогенна в отношении негативных стереотипов и идеологизации двусторонних связей, хотя ориентированные на прагматичные отношения с Россией партии устойчиво занимают третье место в политическом рейтинге страны и являются основной оппозиционной силой (Центристская партия в Эстонии, Центр согласия в Латвии, Социал-демократическая партия в Литве).

Отличия от других стран ЦЕ связаны не только с наличием довольно значительного) особенно в Латвии и Эстонии) русского меньшинства, которое рассматривается национальной политэлитой как «пятая колонна» России, но и этнической замкнутостью местных элит на коренную национальность и большой долей в ней выходцев их соответствующей диаспоры на Западе.

Существенный отпечаток на геостратегию политэлит Балтии наложило длительное нахождение их стран в составе СССР. Например, даже собственные расхождения в оценках истории (в Литве до XX века была своя государственность, в Латвии и Эстонии - нет) и геополитики (через Литву можно попасть в Польшу и Западную Европу, а Латвия и Эстония – путь только на Европейский Север) они склонны приписывать «проискам Москвы». Более того, мотивируя свое негативное отношение к России «особыми страданиями» прибалтийских народов от «диктаторского режима СССР», их правящие элиты стремятся фактически приравнять коммунизм к нацизму, делая Россию как правопреемницу СССР «вечно ответственным» за проблемы прошлого и настоящего своих стран. Именно они сыграли главную роль в принятии т.н. «Пражской декларации» - чрезвычайно опасного документа, фактически отождествляющего социализм и фашизм и позволяющего им на этой основе преследовать своих нынешних политических противников. По соответствующим законам, принятым в Венгрии и Литве, за несогласие со своим правительством по историческим вопросам (в т.ч. в оценке Второй мировой войны и послевоенного сорокалетия) можно получить, соответственно, до 3 и 2 лет тюрьмы. Характерным примером является и «героизация» службы представителей коренной национальности в воинских формированиях Третьего рейха, включая СС, СД и вспомогательную полицию. Для этого используется концепция «двойного геноцида», приравнивающего уничтожение нацистами евреев исключительно по признаку их национальности, к сталинским репрессиям

в странах Балтии, не нацеленным на физическую ликвидацию их коренных народов.

Поэтому для балтийских политэлит отход от стереотипов «цивилизационной» чуждости России и российской военной угрозы более сложен, чем для других стран ЦЕ. В «модельном виде» эти настроения формулирует правящая элита Эстонии, считающая «статус соседа», ограниченный только необходимыми политическими контактами, наиболее подходящим для отношений с Россией. Более того, этот «качественный» подход в политике дополняется «количественными параметрами» в экономике. По мнению нынешнего правительства, нежелательно, чтобы доля России во внешней торговле Эстонии товарами превышала 10%.

В отличие от Вышеградских стран, являющихся национальными государствами с преимущественно моноэтнической базой, население стран Балтии этнически неоднородно. Наряду с русской имеются и значительные по численности польская (Латвия, Литва) и белорусская общины (Латвия, Литва, Эстония). Поэтому идеал правящих элит – приведение национального состава населения стран Балтии в соответствие с моноэтническим преимущественно составом этих элит – не реален ни политически, ни экономически, ни даже демографически. Попытки же закрепить свою монополию на власть (недопущение в правящие коалиции более прагматично настроенных к русскоязычным общинам партий или ограничение их роли в парламенте «по соображениям национальной безопасности») или вытеснить русский язык из государственной системы образования (и даже дошкольного воспитания) приводят лишь к взаимоотчуждению национальных общин и активизации русского меньшинства в борьбе за свои права). Именно эти причины во многом обусловили проведение референдума по приданию госстатуса русскому языку в Латвии в феврале 2012 г. и начало подготовки к такому референдуму в Эстонии. Отрицательное голосование по этому вопросу большинства (75%) латвийских избирателей вновь обострило проблему неголосующих, преимущественно русскоязычных «неграждан» (более 300 тыс. чел. на 2100 тыс. населения Латвии), особенно на фоне благосклонного отношения властей к обсуждению предоставления статуса регионального языка польскому, на котором говорит не почти 38%, а менее 2,5% населения страны.

Геостратегический курс политэлит в отношении России последовательно поводится через национальную информационную политику, хотя степень воздействия государства на СМИ заметно различается по странам. В печатных СМИ государственная информационная линия доминирует в Эстонии (прямое и косвенное влияние правительства) и в Литве (малочисленность русскоязычных читателей). В Латвии латвийскоязычные и русскоязычные издания активно конкурируют между собой. Тенденцией последних лет стали большая распространенность и информационное влияние международных версий российских ("Первый Балтийский Канал", "РТР-Планета", "НТВ-Мир", TVCI, "Рен-ТВ») и русских версий европейских телеканалов (Euronews, Eurosport), радио (особенно, среди малообеспеченных слоев населения Латвии), а также русскоязычных порталов Интернета. Поэтому русскоязычная часть населения страны благодаря большей вариативности доступных каналов информации иногда бывает лучше проинформирована о том, что происходит в окружающем мире, чем аудитория коренного населения. Более того, если печатные СМИ представители коренных народов предпочитают потреблять на своем языке, то телевидение, особенно, Интернет – на русском или английском. В результате, например, Первый балтийский канал по популярности периодически опережает главные национальные каналы даже в Литве и Эстонии.

Однако, такая широкая информированность не обязательно работает на улучшение имиджа России в общественном мнении стран Балтии. Показательным примером обратного воздействия может служить открытое письмо, направленное в марте 2012 г. Президенту РФ жителями г. Изборска – одного из трех городов, с которых «началась Русь». Возмущенные разрушительной псевдореконструкцией местной крепости к юбилею русской государственности они написали: «Все знают, что 20 лет в XX веке Изборск входил в состав Эстонии. И старые люди помнят, какой тогда был порядок. ... Пусть вернут Изборск в состав Эстонии. Эстония не относится так варварски к памятникам культуры, в том числе русской культуры. Эстонцы сохраняют Изборск лучше, чем это делают российские власти»³⁷.

Тем не менее, диверсификация информированности наряду с растущим «европейским» мироощущением молодых поколений латышей, литовцев и эстонцев способствует ослаблению исторических и вновь сформированных

³⁷ «Ведомости», № 10(292) 23.03.2012

стереотипов и предрассудков относительно России, осознанию полезности хороших отношений с ней для укрепления позиций стран Балтии в рамках НАТО и, особенно, ЕС, региональных международных организаций. Однако, в период до 2020 г. вряд ли произойдет радикальная смена поколений в правящей элите стран Балтии и коренное изменение ее отношений к связям с Россией.

В целом, более прагматическая линия политэлит в отношении России, транслируемая через СМИ, способствует «размыванию» негативного образа российского народа и государства в общественном мнении стран ЦЕ. Этому помогает и расширение непосредственного общения центрально-европейцев с гражданами России, в т.ч. проживающими в данных странах. О существенном улучшении имиджа России и россиян в регионе говорить пока рано, но позитивные тенденции налицо. Показательна в этом отношении динамика результатов социологических опросов традиционно настороженно (если не враждебно) настроенных к России поляков и скептически относящихся к ней чехов.

Так, опубликованные в феврале 2012 г. результаты многолетних опросов государственного Центра исследований общественного мнения (СВОС) по теме «Отношение поляков к другим народам» показывают позитивную в целом динамику отношения к русским (см. рис. 1,2).

Рис. 1. Изменения симпатии поляков к соседним народам

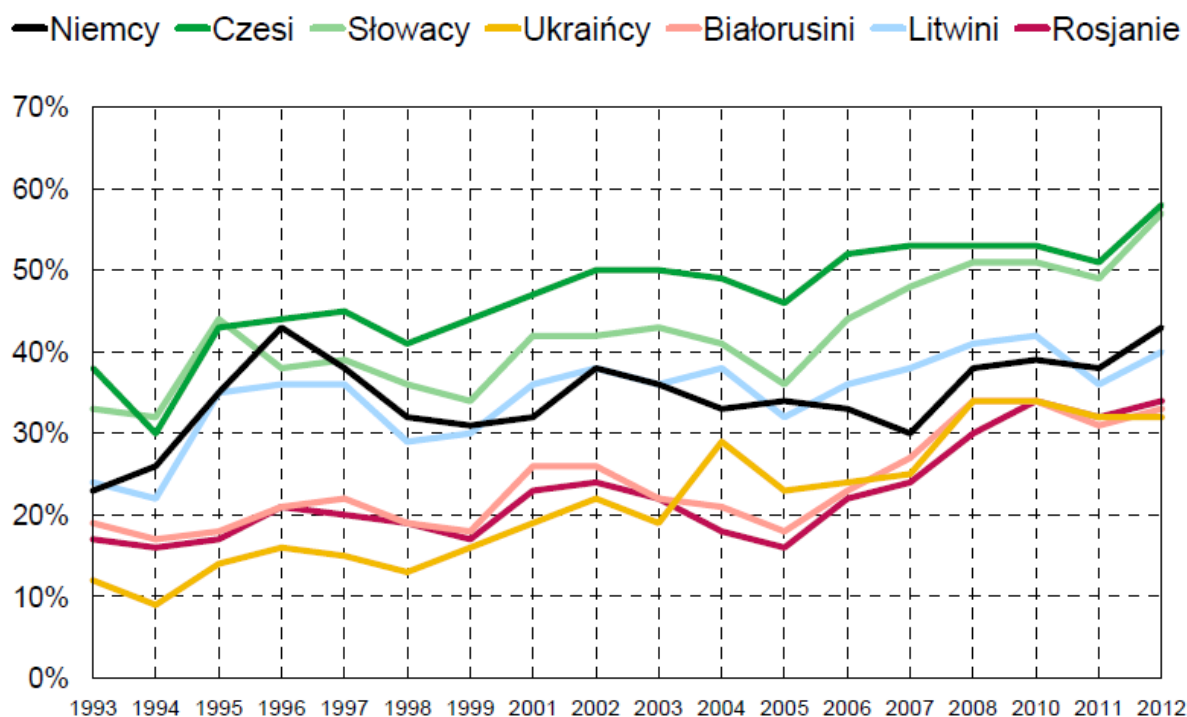
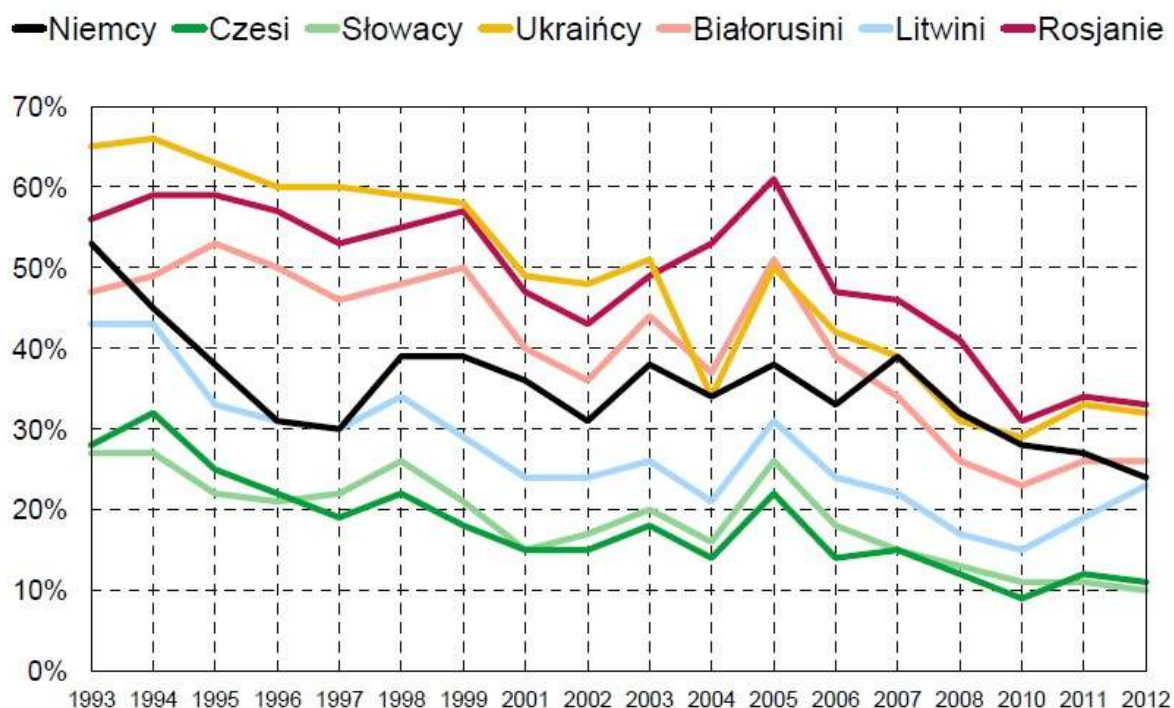

Рис. 2. Изменения антипатии поляков к соседним народам

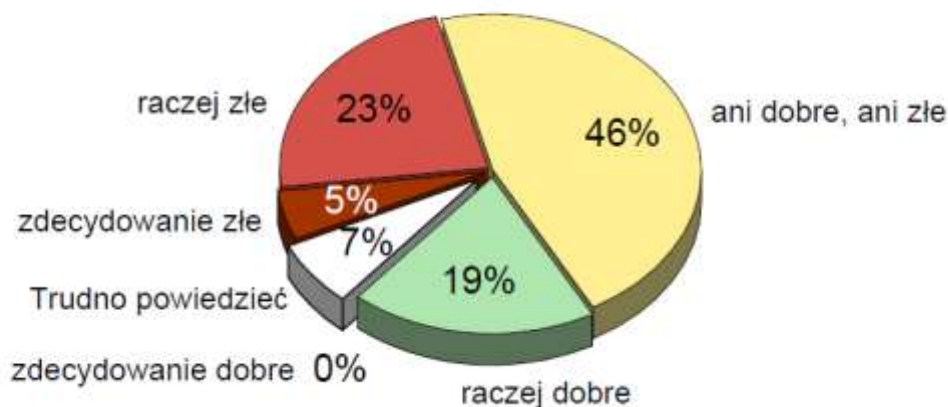
Как видно из рисунков, за истекшие 20 лет доля поляков, выразивших симпатию к русским, росла быстрее (2,6 раза), чем к другим соседним народам (кроме украинцев). В то же время, доля поляков, выразивших антипатию к русским, снижалась медленнее (1,7 раза), чем к другим соседним народам. *Общий позитивный тренд в отношении поляков к русским достаточно заметен и стабилен.* Отношение доли симпатизирующих и не симпатизирующих россиянам респондентов повысилось с 17/56 в 1993 г. до 34/33 в 2012 г. Относительное снижение уровня симпатии к России наблюдалось лишь в 1999 и 2005 гг., соответственно, после падения экспорта в Россию из-за кризиса 1998 г. и эмбарго на польское продовольствие в 2005 г. Даже военный конфликт с Грузией 2008 г. не вызвал такого снижения, а реакция России на катастрофу президентского самолета под Смоленском вызвала даже рост симпатий к русским на 2 процентных пункта в 2010 г. Эти же события вызвали повышение уровня антипатии к русским, кроме 2010 г. когда отмечалось его снижение сразу на 10 процентных пунктов.

При сопоставлении с другими народами позитивные тренды относительно русских еще более заметны. Так, доли поляков,

симпатизирующих итальянцам и грекам снизились в 1,1 раза, американцам и французам - в 1,2 раза. Напротив, доли поляков с антипатией к американцам и итальянцам возросли в 1,8 раза, грекам – в 1,6, французам – в 1,5 раза. В 2012 г. в рейтинге симпатий поляков (34%) русские заняли 25 место из 38, вплотную приблизившись (литовцы) или даже опередив (латыши, румыны) ряд народов из стран–членов и кандидатов в члены ЕС (сербов, турок), а также большинства стран СНГ – участниц Восточного партнерства (белорусов, молдаван, украинцев, армян). Если в 1993 г. доля поляков, симпатизировавших американцам и французам была в 3,6 раза выше, чем россиянам (17%), чехам – в 2,2 раза, немцам и литовцам – в 1,4 раза, то в 2012 г. этот разрыв сократился в пользу русских, соответственно, до 1,6 раза, 1,7 и 1,2 раза. Однако, доля поляков, декларировавших в 2012 г. антипатию (33%) или равнодушие (27%) к русским, остается значительной. Это, с одной стороны, отражает возросшее ощущение безопасности после присоединения Польши к НАТО и ЕС, а с другой, - прогрессирующую переориентацию интересов и планов польского общества, особенно, молодежи с Востока на Запад.

Более настороженно, чем к россиянам поляки относятся к российскому государству. Согласно опубликованному осенью 2010 г. опросу CBOS «Польско-российские отношения в общественной оценке» (см рис. 3), около одной пятой (19%) опрошенных оценило двусторонние отношения как «скорее хорошие», а 28% как «плохие или «скорее плохие». В то же время почти половина (46%) респондентов считали их средними («ни плохими, ни хорошими»).

RYS. 1. JAK PAN(I) OCENIA OBECNE STOSUNKI POLSKO-ROSYJSKIE. CZY SĄ ONE:

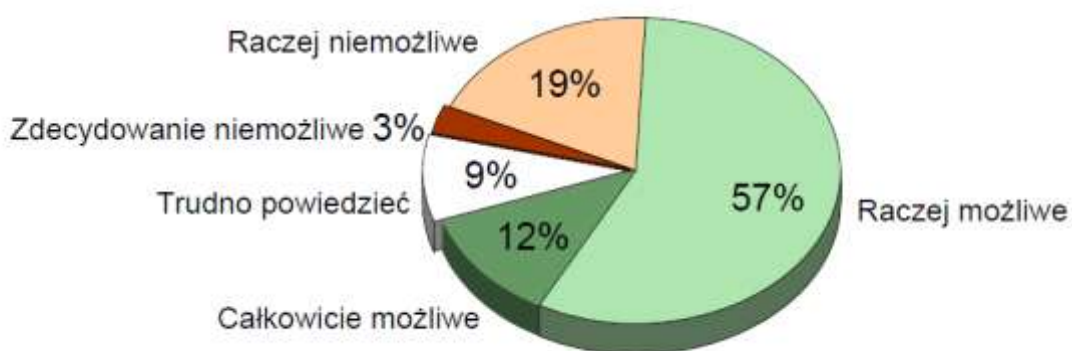
Тем не менее, и здесь тренд явно позитивный. За 2000-2010 гг., согласно опросам, доля поляков, оценивавших польско-российские отношения как хорошие, возросла почти в 10 раз, как плохие – сократилась в 1,4 раза, как средние – почти не изменилась. Соотношение благоприятных и неблагоприятных оценок за этот период улучшилось в 13 раз – с 2/40 до 19/28.

При этом среди польских избирателей, голосующих за прагматичные проевропейские политические партии доля хорошо оценивающих отношения с Россией заметно выше (Союз левых демократических сил – 33%, Гражданскую платформу – 33%), выше она и среди поляков больше интересующихся политикой (30%).

Опросы отражают и понимание поляками роли в формировании двусторонних отношений и международного положения их страны российских лидеров. В 2002-2010 гг. В. Путин занимал 3-4 место среди иностранных политиков, которые, по опросам, заслуживали бы звания «политик года» (как правило, после президента США и канцлера ФРГ), причем отставание его по рейтингу от президента США сократилось с 7 до 4,5 раз.

Еще более заметен позитивный тренд в оценке возможностей будущего польско-российских отношений (рис 4)

RYS. 2. CZY MOŻLIWE SĄ, PANA(I) ZDANIEM, PRZYJAZNE I PARTNERSKIE STOSUNKI MIĘDZY POLSKĄ A ROSJĄ?

Как видно из рисунка, в начале 2012 г. больше двух третей (69%) респондентов считали возможными дружеские и партнерские отношения

между Польшей и Россией, чуть более одной пятой (22%) имели противоположное мнение и лишь 9% не смогли ответить.

Следует подчеркнуть, что эти благоприятные для отношений с Россией настроения в польском обществе достаточно стабильны. За 2000 – 2010 гг. доля верящих в возможность дружеских и партнерских отношений с Россией не изменилась (69%), повышаясь после событий сентября 2001 г. и авиакатастрофы под Смоленском (2010 г.), а доля не верящих в это – снизилась в 1,4 раза. Более оптимистично и здесь настроены сторонники демократических партий (88% - СЛД, 87% - ГП), однако даже среди сторонников правонационалистической партии «Закон и Справедливость» (руководство которой часто прибегает к антироссийской риторике) доля верящих в дружеские и партнерские отношения с Россией достигла 55%. Соотношение благоприятных и неблагоприятных оценок за этот период однозначно улучшилось почти с 69/30 до 69 /22.

Эффективность «политики дружественных жестов» полностью подтверждается реакцией в Польше на поведение России после авиакатастрофы под Смоленском. Почти во всех социально-демографических группах польского населения она была положительной. Доля респондентов, считавших, что польско-российские отношения улучшились (31%) в 1,6 раза превысила долю имевших противоположное мнение. Однако действия России по выяснению причин катастрофы (особенно разочаровавшие поляков качество и результаты проведенного расследования ее причин) показали, что «политика жестов» может иметь и другие последствия (56% респондентов оценили эти действия негативно). В 2011 г. это соотношение благоприятных и неблагоприятных оценок текущего состояния и перспективного польско-российского сотрудничества из-за недовольства поляков российским расследованием причин смоленской катастрофы ухудшилось соответственно до 12/42 и 62/32, хотя и осталось лучше, чем в 2000 г. Это подтверждает необходимость тщательного и продуманного проведения Россией «политики жестов».

Интересна в этой связи динамика отношений поляков к другому их «историческому конкуренту (или даже врагу)» - Германии. Опрос июня 2011 г. показал, восприятие немцев и Германии формируется у поляков прежде всего СМИ (77% - телевидение, 45 % – печатные издания, 32% - интернет), а также рассказами знакомых (27%) и родственников (24%). Информация от посещений ФРГ (12%) и контактов с немцами (9%) не

играет определяющей роли в формировании имиджа немцев и Германии в польском обществе, несмотря на семилетнее пребывание Польши в ЕС и НАТО.

При этом отношение поляков к немцам как народу существенно лучше и доверительнее, чем как к государству. За 1993 – 2012 гг. соотношение доли поляков, симпатизирующих и не симпатизирующих немцам, улучшилось на порядок - с 23/53 до 43 /24. Отношение же к Германии, как государству, особенно его роли в Европе, не так однозначно. Только за 2009 – 2011 гг. доля поляков, считавших возможным дружественные и партнерские отношения с Германией возросла с 78 до 81%. Соотношение долей поляков, считавших возможными и невозможными дружеские и партнерские отношения с Германией, повысилось до 81/12 (заметно лучше, чем с Россией - 62/32). Однако, более двух третей (69%) поляков не хотели бы усиления роли Германии в Европе и мире, причем у лиц с высшим образованием эта доля заметно выше – 83%. Почти две пятых (39%) респондентов считают, что интересы Польши и Германии в Европе совпадают лишь частично, а 27% - что они противоположны. В польском обществе по-прежнему сильны стереотипы сотрудничества Германии с Россией как угрозы для польской государственности. Почти половина (47%) респондентов полагали, что Германия заботится прежде всего о хороших отношениях с Россией, а не Польшей, причем даже среди образованной части общества таких было 44%.

Таким образом, неблагоприятные стереотипы в отношениях Польши с Россией и Германией еще сильны и даже «подпитывают» друг друга. Необходимы поэтому постоянное внимание и работа на двух- и трехсторонней основе для взаимного формирования позитивного имиджа. В этой связи хотелось бы отметить, большую и эффективную работу в этой области немецких НГО, особенно Фонда им. Ф. Эберта.

Во многом сходные тренды общественных настроений в отношении России, русских показывают и опросы чехов, проводившиеся Центром исследований общественного мнения Чешской Академии наук. (CVVM). Согласно опросу в декабре 2010 г., русские по соотношению симпатий и антипатий чехов находились на 15 месте среди 24 народов, охваченных исследованием. Причем за 2003-2007 гг. это соотношение улучшилось с 4,08, до 4,01 (по шкале от 1 «наибольшая симпатия» до 7 «наибольшая антипатия»), а в 2010 г. после конфликта на Кавказе и газового кризиса ухудшилось до 4,18. Несмотря на это, и в 2010 г. россияне были чехам

значительно симпатичнее сербов, украинцев, не говоря уже о китайцах, турках и иранцах. Вообще, за данный период отношение чехов улучшилось лишь к 2 из 24 народов (словакам и австрийцам), причем особенно это заметно для народов, государства которых не способствовали экономической и политической стабильности в Европе (греков, венгров, литовцев). В 1,1 раза снизились рейтинги американцев, французов и поляков, незначительно уменьшились рейтинги немцев и англичан, что свидетельствует о стабильно хорошем их имидже в Чехии (независимо от немецкого евроэнтузиазма и английского евроскептицизма). В результате, соотношение симпатий и антипатий чехов к россиянам в сравнении с соответствующим показателем для большинства других народов улучшилось (в т.ч. для соседей России и Чехии – немцев, поляков, литовцев, украинцев).

Еще более показателен позитивный тренд в отношении россиян, выявленный исследованиями отношения чехов к проживающим в стране национальным общинам. Они отражают чешское восприятие «евророссиян», преимущественно переехавших на жительство в Чехию после распада СССР и не отождествляемых с российским государством через прямые контакты и совместную работу. За 2005 – 2011 гг. соотношение симпатий и антипатий к проживающим в Чехии русским улучшилось с 4,12 до 3,80. Правда, пока русские по позитивному рейтингу находятся примерно на уровне сербов (существенно отставая, например, от словаков, поляков, немцев, венгров) и занимают 9 из 14 позиций. Однако они заметно опережают украинцев, вьетнамцев, румын, не говоря уже об албанцах и цыганах.

За этот период соотношение симпатий и антипатий чехов к россиянам улучшилось в сравнении с соответствующим показателем почти для всех национальных общин (кроме немецкой и словацкой). Во многом это связано с высоким социально-профессиональным уровнем русской общины – в 2011 г. она занимала среди всех национальных общин первое место по доле лиц с высшим образованием (27%), второе по зарплате (около 87% от среднемесячной в Чехии) и четвертое по продолжительности рабочей недели (48 часов). Позитивно в целом воспринимаются в Чехии российские туристы (500 тыс. в 2011г. – второе место после немцев), которые ежедневно приносят Чехии доход в 1,15 млрд. крон (\$62 млн.).

К российскому государству чехи относятся более осторожно, хотя и здесь явно видны позитивные сдвиги. По опросу CVVM (ноябрь 2011 г.), за 2008 – 2011 гг. соотношение симпатий и антипатий чехов к России радикально улучшилось с 39/52 до 63/27. Тем не менее, по степени симпатии у чехов Россия пока отстает от США, Германии, Франции, Великобритании и Польши в 1,3 – 1,5 раза. По уровню антипатии Россия, напротив, опережает эти страны в 3-5,4 раза. Менее благоприятно выглядит динамика доверия и недоверия чешского общества к политическим лидерам России. Правда, в 2008 – 2011 гг. В.Путин стабильно занимал 12 место среди 20 ведущих иностранных политиков, однако соотношение доверия и недоверия к нему ухудшилось с 20/62 до 15/68.

В то же время новая практика взаимоотношений и прагматичный чешский национальный характер способствуют улучшению имиджа и оценки перспектив сотрудничества с Россией по конкретным, даже стратегически важным для безопасности Чехии проектам. Так, несмотря на «прохладную» позицию правительства и многих национальных СМИ, 51% читателей ведущей чешской экономической газеты «E15» в январе 2012 г. высказались за передачу достройки крупнейшей в Чехии АЭС «Темелин» российской компании (в рамках российско-чешского консорциума), 31% - американской и лишь 10% - французской.

В Венгрии, где настороженные (если не враждебные) настроения значительной части общества периодически «подогреваются» некоторыми политиками и СМИ в канун чрезвычайно болезненной для национального самосознания 50-й годовщины событий 1956 г., 56% респондентов опроса института «ТАРКИ» назвали русских народом, оказавшим наиболее отрицательное влияние на венгерскую историю. Однако при этом против развития экономических связей с Россией высказались всего 5 %, научных и культурных связей – лишь 2% опрошенных. Таким образом, идеологизированное отношение венгров к россиянам носит общий, абстрактно-исторический характер, а прагматическое – преобладает в оценке перспектив отношений в реальных, важных для Венгрии областях.

Сложнее ситуация с общественным мнением стран Балтии, где правящая политэлита и многие СМИ долгое время представляли Россию как недружественное государство, угрожающее национальной безопасности извне и старающееся подорвать ее изнутри, опираясь на «пятую колонну» из местных русских. Далекое не всегда таким настроениям противостоит

опыт непосредственного общения, т.к. имевшееся еще во времена СССР обособленное существование коренного населения и русских общин после обретения этими странами независимости в целом усилилось (особенно, в Эстонии).

Главные этнические группы предпочитают свои СМИ (особенно, печатные), голосуют за кандидатов, прежде всего, по национальному признаку. Это межобщинное обособление периодически приобретает конфликтные формы (перенос «Бронзового солдата» в Эстонии, референдум по госстатусу русского языка в Латвии). Корни этого явления глубоки и, по удачному определению латвийского социального психолога Л.Вавинской, связаны с тем, что соответствующее коренное национальное большинство не чувствует себя большинством, а русское меньшинство не согласно считать себя меньшинством (т.е. иметь неполные права на язык, гражданство, выбор сферы деятельности и др.). При этом лишь небольшая часть прибалтийских русских хотела бы иметь российский паспорт (в Эстонии, по оценкам, 15%) и предпочитает получить полноправие внутри стран Балтии или переехать в западные страны ЕС. Надо отметить, что отношение к «еврорусским», не «унаследованным» от СССР, а приехавшим на жительство в страны Балтии уже из независимой России, в целом лучше (например, в Латвии).

Преодоление этой разобщенности и интеграция основных национально-этнических общин в единое лояльное национальной государственности, но не предубежденное против России, гражданское общество в странах Балтии трудная задача.

Она может быть решена лишь долголетней скоординированной работой элит и СМИ этих стран и России, активизацией политики дружественных жестов и общественной дипломатии. Это тем более сложно, что прогрессирующая социально-экономическая и политическая интеграция стран Балтии в Евросоюз усиливает в их обществе (прежде всего молодежи) ощущение особой «европейской идентичности», ослабляет его привязанность к стране, национально-государственную лояльность, подменяя ее привязанностью к «малой родине» (региону, городу и т.п.).

В целом можно констатировать, что:

- в истекшее двадцатилетие в странах Центральной Европы наблюдается тренд к более позитивному, менее идеологизированному восприятию россиян и, в меньшей мере, российского государства;

- несмотря на сохранение ряда старых и появление новых негативных стереотипов в отношении к русским как к народу и государству, они все меньше воспринимаются как цивилизационно чуждые и угрожающие национальной безопасности стран ЦЕ;
- этот тренд заметно укрепился в последнее пятилетие на фоне некоторого разочарования политэлит и населения стран ЦЕ в результатах членства в НАТО и ЕС;
- значительную роль в улучшении имиджа русских и России сыграли правильная политика «дружественных жестов» со стороны российских властей и активизация прямых контактов жителей в рамках экономических и культурно-образовательных связей, расширения российского туризма, появления в странах ЦЕ «евророссиян», приехавших уже из новой России;
- Россия все больше рассматривается политэлитами и обществом стран ЦЕ как важный стратегический партнер в обеспечении благоприятного позиционирования в интегрирующейся Европе и глобализирующемся мире;
- перечисленные тенденции развиваются, хотя более медленно и трудно и в государствах Балтии, где их прогресс будет определяться, прежде всего сменой поколений и усилением «европейской самоидентификации» общества;
- в целом при сохранении, а, тем более усилении, нынешних тенденций к 2020 г. можно с большой долей уверенности ожидать дальнейшего повышения общественно-политического потенциала партнерских и дружественных отношений стран ЦЕ с Россией;
- реализация этого потенциала, однако, требует последовательных и целенаправленных усилий со стороны России, в т.ч. с привлечением других стран ЕС, особенно Германии.

Россия глазами балканских стран и народов

Россия в лице царской империи, а затем и Советского Союза всегда находилась в центре политической, общественной и культурной жизни балканских стран и народов. В значительной мере благодаря усилиям России греки, сербы, болгары, румыны одержали победу в борьбе с оттоманской империей за свою независимость и приступили к строительству национальных государств. Этот вклад России в определение исторической судьбы балканских народов повлиял на их отношение к русскому народу. Чувства благодарности, закрепленные в их исторической памяти, за помощь, оказанную им на различных этапах их развития, так или иначе, проявляются в большинстве балканских государств. Общность веры – принадлежность к православному христианству – обусловило схожесть культур, миропонимания, предопределило наличие многих общих черт в их ментальности. Через русскую культуру, русскую литературу народы региона приобщались к мировой и европейской культуре. Огромный, до сих пор не оцененный по достоинству, вклад в формирование науки, культуры и образования на Балканах внесла русская белая эмиграция в межвоенный период, благодаря которой интеллектуальная жизнь в регионе получила мощный импульс своего дальнейшего развития.

В послевоенный период т.н. социалистического строительства появляются новые, хотя и весьма противоречивые возможности для взаимодействия народов балканских стран с русским народом, а балканских государств с Россией – Советским Союзом. У каждой из балканских стран они проявлялись по-разному, имели своеобразие и специфику.

Наиболее теплыми и доверительными были советско-болгарские отношения. Каких-либо серьезных расхождений между двумя странами по вопросам внешней и внутренней политики не возникало. СССР оказал огромную финансово-экономическую и научно - техническую помощь Болгарии в строительстве многоотраслевой экономики, благодаря чему она превратилась из патриархального отсталого аграрного государства с неясными историческими перспективами в современное индустриальное государство. Членство в СЭВ, Организации Варшавского Договора, в ООН, других международных организациях позволили ей стать активным

субъектом международных отношений, участвовать в решении важнейших проблем международной безопасности. Успехи в экономическом строительстве резко подняли уровень жизни болгар, позволили создать качественную систему здравоохранения, социального обеспечения, образования. Все эти достижения в сознании болгарского народа были связаны с дружбой и союзом с Советским Союзом, который воспринимался в общественном сознании в качестве гаранта стабильности и безопасности страны. Болгарская промышленность и сельское хозяйство были теснейшим образом связаны с советской экономикой. Они бесперебойно получали советское дешевое сырье и имели гарантированный сбыт своей продукции на советском рынке. Конечно, десятки тысяч болгарских специалистов, обучавшихся в советских вузах, соприкасаясь с советской действительностью, более критически относились к СССР. Но они не могли переломить общего позитивного настроения болгарского общества в отношении Советского Союза и русского народа.

Отношение Румынии, румын к Советскому Союзу, к русскому народу строилось на иной политической и психологической основе. В годы Второй мировой войны Румыния воевала против СССР, ее войска принимали участие в оккупации советских территорий, в экзекуциях мирного населения. Эта страница оставила глубокий след, несмотря на то, что на заключительном этапе войны Румыния присоединилась к антигитлеровской коалиции. В годы т.н. социалистического строительства румынский народ, опираясь на помощь СССР, также как и болгарский народ, сделал стремительный рывок в своем развитии и вступил в эпоху индустриального общества. Членство в СЭВ и ОВД позволяло Бухаресту, также как и Софии активно участвовать в обсуждении и решении многих вопросов европейской и международной безопасности. Поставки дешевого сырья и гарантированный сбыт продукции на советском рынке создавал ощущение стабильности и уверенности и у румынского руководства, и у румынского общества.

В то же время Бухарест, в отличие от Софии, проводил политику строительства т.н. «национального коммунизма», что означало противопоставление румынской теории и практики построения социализма советскому опыту. Румынское руководство не чуралось использовать идеологию национализма в качестве средства мобилизации социальной активности масс, исподволь ориентируя националистические устремления в антисоветском направлении. Такие действия встречали понимание и

поддержку среди значительной части румынской общественности, не смирившейся с потерей Бессарабии, отошедшей в 1940 г. к Советскому Союзу, что было закреплено по Парижскому мирному Договору с Румынией в 1947 г. Скрытно актуализируя «бессарабский вопрос» в общественном сознании румынского народа, румынское руководство тем самым разжигало антисоветские настроения в стране. Это позволяло ему ослабить внутреннюю критику в свой адрес, т.к. в обществе нарастало недовольство политикой Н. Чаушеску.

Для народов Социалистической Федеративной Республики Югославии характерным было положительное, а иногда и восторженное отношение к русскому народу, чувства уважения к Советскому Союзу. Общности культур, исторического наследия проявлялись в традиционно почтительном подходе к истории России, ее культурному наследию, восприятию русского народа как близкого по психологии и исторической судьбе, что особенно осязаемо проявлялось среди сербского, черногорского и македонского народов. Хорваты и словенцы воспринимали русских, и тогдашний Советский Союз более критично и настороженно. Конфликт Тито и Сталина в период с 1948 г. по 1953 г. болезненно отразился на последующем развитии советско-югославского сотрудничества. На политическом уровне и на уровне быденного сознания в СФРЮ в последующие годы всегда существовала критическая оценка многих аспектов внешней и внутренней политики Советского Союза. Тем не менее, положительное отношение к русскому человеку и России сохранилось. Оно не было перечеркнуто перипетиями политической борьбы лидеров двух стран. Политика перестройки, провозглашенная М.С. Горбачевым в середине 80-х годов, была неоднозначно оценена в тогдашней Югославии: с одобрением она была встречена в Словении и Хорватии и весьма сдержанно к ней отнеслись в Сербии и Черногории.

В Албании, которая с 1961 г. по 1990 г. не имела дипломатических отношений с Советским Союзом, на уровне быденного создания представления о СССР было весьма туманными. Он воспринимался под воздействием официальной антисоветски настроенной пропаганды как далекая, огромная и агрессивная страна, постоянно угрожающая независимости и безопасности маленькой Албании.

В целом восприятие Советского Союза, под которым понималась Россия, в странах Юго-Восточной Европы было положительным и каких-либо сил,

способных его поколебать в них не имелось. Политическая элита в государствах Юго-Восточной Европы полностью зависела от Москвы, и открытое выступление против СССР означало для нее уход в политическое небытие. Это очень хорошо понимал лидер Румынии Н. Чаушеску и поэтому он в своем диссидентстве в отношении СССР не переступал некую «красную черту». Это было очевидным и для значительной части югославской политической элиты в условиях обостряющегося в стране в 80-е годы социально-политического и экономического кризиса.

Политика перестройки М.С.Горбачева усилила симпатии к СССР среди интеллигенции и молодежи, в глазах которых Москва стала восприниматься как символ обновления, как сила, способная вывести балканские страны из положения застоя и стагнации. При этом дружба и союз с Советским Союзом по-прежнему воспринимались как гарантия стабильности, предсказуемости.

Распад СССР был для балканских стран трагической неожиданностью. Образно говоря, он грянул как гром среди ясного неба, потряс все устои бытия, заставил искать новое место в Европе и в мире, приспособливаться к новым геополитическим и геоэкономическим реальностям, что означало мучительный пересмотр устоявшихся стереотипов поведения и мышления. Ломка старых хозяйственных механизмов, введение новых рыночных принципов организации производства и распределения, задевали интересы миллионов людей. В одночасье они лишались социальной защищенности и многие из них опустились на крайне низкий социальный уровень. Ситуация осложнялась еще и тем, что были потеряны рынки гарантированного сбыта на территории бывшего Советского Союза, а необходимое сырье и полуфабрикаты пришлось закупать по мировым ценам, что больно било по экономике этих стран.

По существу, балканские страны были предоставлены сами себе и оказались в своеобразном историческом тупике. И выход из него политическая и значительная часть культурной элиты видела в скорейшем вступлении в евроатлантическую систему безопасности и европейскую интеграцию. Поэтому получение членства в НАТО и ЕС рассматривалось как приоритетное направление их внешней политики. Исторические перспективы рассматривались с точки зрения скорейшего вхождения в структуры НАТО и ЕС и решению этой задачи, которая определялась как «вхождение в Европу» была подчинена деятельности, практически, всех политических сил.

Новая геополитическая ситуация, в которой оказались страны Юго-Восточной Европы, становление новых экономических отношений, принципиально иных политических режимов повлекли за собой пересмотр политики на российском направлении, повлияли на оценки значимости сотрудничества с Россией для их исторических судеб, сказались на трактовке некоторых аспектов истории взаимоотношений. Хотя эти новые тенденции не получили такого развития как в странах Центральной Европы, тем не менее, они отчетливо проявились в политике балканских стран. Кроме того, стремясь стать членами НАТО и ЕС, а затем и став ими, балканские государства проводили и проводят в отношении России скоординированный курс в рамках общей внешней политики стран-членов ЕС и НАТО, что делает эти отношения функцией отношений России с Западом. Поэтому колебания во взаимоотношениях России с Западом самым непосредственным образом отражаются и на российском направлении внешнеполитического курса балканских стран.

Настойчивое желание стать членами НАТО и ЕС предполагало смену векторов геополитической ориентации. С одной стороны, оно требовало обоснования нового политического курса в глазах общественного мнения балканских стран, а с другой – объяснения Западу причин, в силу которых в его собственных интересах целесообразно скорейшее их принятие в евроатлантическую систему безопасности и в европейскую экономическую интеграцию. В этих целях в средствах массовой информации некоторых балканских стран был запущен тезис о неизменной империалистической природе внешней политики России, о ее стремлении доминировать на Балканах как проявлении ее исторической сущности, присущей ей, несмотря на все происходящие в ней изменения государственности.

Этот мотив «страха перед Россией» просматривается в СМИ балканских государств в течение всех последних 20 лет и в значительной мере определяет их политику в отношении России. Особенно отчетливо он проявляется в последние годы в Румынии, где в результате обработки общественного мнения, как показывают социологические опросы, более половины населения рассматривают Россию в качестве главной угрозы безопасности страны. Прикрываясь подобными общественными настроениями, румынское руководство проводит курс на установление тесных политических и военных связей с США под лозунгом: «Румыния – главный защитник и выразитель интересов США в регионе».

В Болгарии антироссийские опасения, выражаемые в средствах массовой информации, менее заметны по сравнению с Румынией, но также присутствуют. В то же время в болгарских СМИ постепенно закрепляется тезис о том, что в той реальной геополитической ситуации, в которой оказалась страна, установление союзнических отношений с Россией невозможно, но это вовсе не означает, что она должна проводить враждебную ей политику. Как подчеркивается в этой связи, дружественные партнерские отношения между двумя странами вполне возможны.

Для хорватских СМИ присуще в целом критическое и недоброжелательное отношение к российской действительности, к ее внешней политике. Для них характерен тезис об антидемократичности, авторитарности современной России. Ничего позитивного в происходящих в России переменах они не видят. Такая оценка во многом обусловлена тем, что основные издания СМИ Хорватии и ее телеканалы контролируются иностранным капиталом, в первую очередь немецкими и австрийскими крупными издательствами. Антироссийский настрой, присущий западноевропейским СМИ, сказывается и на позиции редакционных коллегий хорватских СМИ.

В формировании образа России в балканских странах большую роль играют различного рода фонды, научно-исследовательские центры, которые действуют на основе грантов ЕС, НАТО, западноевропейских, и в первую очередь, американских фондов. Российская проблематика в их исследовательской работе не является приоритетным направлением, но их роль в формировании общественного мнения, в информировании населения о России, в обеспечении правительственных структур необходимой информацией заметна. Именно они через статьи в СМИ, через комментарии создают критически-негативное отношение к России, ее внутренней и внешней политике. И сколько-нибудь влиятельных изданий, заметных публикаций, авторитетных аналитиков, которые бы выступали с доброжелательных, пророссийских позиций, практически не заметно.

Разработанная программа «Россия–2020», планы модернизации, предложенные Президентом РФ Д.А. Медведевым, не получили широкого освещения в СМИ балканских стран, в научных журналах, и общественность не проявила к ним особого интереса. Это связано в значительной мере с тем, что интеллигенция в этих странах находится в

тяжелом экономическом положении и ведет напряженную борьбу за выживание. В качестве одного из важнейших средств улучшения их материального положения выступают различные западные гранты и стипендии, которые, несмотря на видимость непредвзятости, они должны «отрабатывать». Эти гранты и стипендии меньше всего ориентированы на изучение России, на донесении до общественности объективной информации о происходящих в ней политических и экономических процессах.

Творческая интеллигенция в Болгарии и Румынии в значительной мере представлена теми, кто сформировался еще в период строительства социализма. В новых условиях они пытаются доказать свою нужность и полезность, свою лояльность власти с помощью антироссийских высказываний и выступлений. Однако многие из них в душе обвиняют Россию в предательстве социализма, в результате чего произошло крушение политического строя и они оказались в положении маргиналов, отброшенных на обочину жизни без всяких перспектив улучшить свой социальный статус.

Более молодое поколение творческой и научной интеллигенции в Болгарии, Румынии, Хорватии и Албании, Сербии сформировавшееся в постсоциалистический период, воспитано на других ценностях и каких-либо особых сентиментов к России не питают. Можно с полным основанием утверждать, что в этих странах сколько-нибудь заметных пророссийских симпатий, пророссийски настроенных движений не имеется. Быть русофилом в них не выгодно никому и, напротив, критическое отношение к России поощряется и приветствуется. Исключение представляет лишь Сербия, хотя и там ситуации постепенно меняется не в пользу России.

Вместе с тем, в российском направлении политики этих стран имеются некоторые особенности, присущие и другим государствам бывшей Восточной Европы. Партии социал-демократического толка, левоцентристские партии настроены по отношению к России более благожелательно, чем либерально-демократические партии. Это связано с тем, что свою политику они строят на основе идеологизированных концептуальных установок и ориентированы на установление тесных отношений в первую очередь с США, что в условиях существования противоречий в российско-американских отношениях ведет их к противостоянию с Россией. Такой политический курс отражается и на

характере подачи российских материалов в СМИ. Особенно это проявляется в трактовке исторического наследия во взаимоотношениях с Россией, которое превратилось в объект политических манипуляций в целях укрепления позиций правящих элит.

Румынская правящая элита, особенно в годы правления Президента Безеску, по существу раздула настоящую антироссийскую истерию вокруг выдуманного ею т.н. «бессарабского вопроса», что естественно негативно сказывается и на восприятии румынской общественностью, румынским населением России и ее политики. София, в отличие от Бухареста, не забывает той роли, которую сыграла Россия в освобождении Болгарии от османского ига, бережно относится к исторической памяти болгарского народа, поддерживает в сохранности памятники периода войны за освобождение 1877-78 гг., что положительно воздействует на восприятие в Болгарии русских и России.

На этом фоне своим отношением к России выделяется Сербия. Конец XX – начало XXI вв. было трагическим временем для сербского народа. В ходе балканского кризиса сербский народ проиграл больше других югославянских народов. Сербия лишилась части своей территории – Косово, потерпела полное поражение в борьбе за реализацию концепции строительства «Великой Сербии», ее экономика оказалась разрушенной в результате бомбардировок авиации НАТО в марте-мае 1999 г. в ходе агрессии против Союзной Республики Югославии. До начала XXI века страна находилась в международной изоляции. В мировом общественном мнении укоренился крайне негативный образ Сербии и сербов как жестоких и кровожадных людей, не способных воспринять принципы демократии и понимающих лишь язык грубой силы. В этих условиях и сербский правящий класс, и политическая и интеллектуальная элита, и рядовые граждане видели в России заступницу, способную защитить их в период невзгод, обрушившихся на них.

Несмотря на всю противоречивость политики России в балканском кризисе, в глазах сербского общества и политических элит ее авторитет за все прошедшие годы был и остается весьма высоким. Сербия внимательно следит за развитием России, полагая, что чем сильнее она будет, чем прочнее будут ее международные позиции, тем легче Белграду будет решать проблемы обеспечения своей безопасности. Сербская общественность, средства массовой информации, экспертное сообщество

одобрительно отнеслось к программе «Россия – 2020», положительно оценили возможности ее реализации.

Общий тон сербских СМИ при анализе российской проблематики может быть охарактеризован как вполне благожелательный, хотя, конечно, образ России и не идеализируется. Из всех балканских стран в Сербии проявляется наибольший интерес к России, к ее культурной, экономической и политической жизни. В то же время сербская политическая и интеллектуальная элита, население страны не связывают будущее Сербии с Россией, а видят его в укреплении тесных связей с ЕС, с Европой. Сербия видит свое место в Европе, как европейская страна.

К концу первого десятилетия XXI в. США и ЕС значительно усилили свое влияние на формирование внешней и внутренней политики Белграда. Они самым активным образом участвуют в формировании общественного мнения в отношении России. Этим во многом объясняются статьи, критически оценивающие политику России в Сербии и на Балканах. Такие статьи являются своеобразной реакцией на планы России построить на Балканах сеть газопроводов и газохранилищ. Эти проекты, несомненно, выгодные Сербии с экономической точки зрения, наталкиваются на сопротивление в первую очередь США, стремящихся не допустить укрепления позиций России в регионе и рассматривающих их с геополитической точки зрения как угрозу своим собственным геостратегическим интересам на Балканах.

Тем не менее, в целом общий настрой в сербском обществе, в СМИ, в политической элите по отношению к России остается благожелательным. Сербия благодарна России за ее поддержку в косовском вопросе, без которой ей было бы чрезвычайно сложно бороться за сохранение территориальной целостности сербского государства. Каких-либо антироссийских партий, движений, организаций в Сербии не существует. Хотя и каких-либо прорусских партий и движений, организаций так же не имеется.

Исключение составляет сербская православная церковь, являющаяся влиятельнейшей политической силой Сербии. Сербское общество в гораздо большей степени религиозно, нежели российское, и духовные архипастыри сербской православной церкви намного активнее участвуют в формировании сербского общественного мнения по сравнению с их российскими коллегами. Не только высшие иерархи сербской православной церкви, но и рядовое духовенство прекрасно понимают, что

сохранение православия в Сербии в немалой степени зависит от сохранения России в качестве стержневого государства православного мира. Поэтому они молятся за ее процветание, что сказывается на восприятии России сербскими верующими, которых в Сербии немало, особенно в селах и малых городах.

Новым элементом, характеризующим состояние сотрудничества балканских стран с Россией, является их отношение к российскому бизнесу, к российским инвестициям в регионе. В целом их объем незначителен, и в основном они сконцентрированы в сфере энергетики, нефтепереработки, телекоммуникаций. Условия, в которых действует российский бизнес в регионе, гораздо менее благоприятны по сравнению с тем, в каких действуют американские и европейские компании. Отношение к российскому бизнесу и инвестициям политизировано. Под давлением Запада правительства балканских стран тормозят реализацию многих инвестиционных проектов российского бизнеса, опасаясь, что они ведут к усилению позиций России на Балканах, что в намерения Запада не входит. Запад, напротив, стремится к окончательному вытеснению России из региона. Это отчетливо проявляется в подходе к деятельности ОАО «ЛУКОЙЛ» в Болгарии, в отказе болгарского правительства от участия в строительстве нефтепровода «Бургас-Александропулис», от сотрудничества с Россией в строительстве АЭС в Козлодуде. Хорватское правительство уже 10 лет рассматривает проект строительства нефтепровода «Адриа», чрезвычайно выгодного для Хорватии с экономической точки зрения. Однако под давлением США его осуществление заморожено, и его судьба не определена до сих пор, несмотря на то, что в хорватском парламенте есть немало сторонников прокладки этого нефтепровода. В Сербии проявились силы, весьма активно выступающие против участия России в строительстве газохранилищ на сербской территории, в модернизации газопроводной сети. Российскому бизнесу в балканских странах приходится действовать в весьма непростой обстановке. Хотя психологический климат в этих странах ему благоприятствует, политическое давление на него со стороны правительств, парламентов, политических партий значительно, что делает его перспективы в регионе довольно туманными. Поэтому негативное восприятие государственными структурами балканских стран многих инвестиционных проектов российского бизнеса представляет собой сильный раздражитель в двусторонних отношениях, подрывающий их устойчивость.

На отношение к России, к российскому бизнесу негативно повлиял российско-украинский газовый кризис 2009 г., когда прекращение поставок практически парализовало экономику Болгарии и Сербии, поставило на грань выживания всю социальную инфраструктуру, задело жизненные интересы миллионов людей. Пресса, политические партии, особенно в Болгарии, развернули мощную кампанию критики России, обвиняя ее в пренебрежении интересами малых стран, в готовности принести в жертву судьбы малых стран и народов ради осуществления своих геополитических амбиций. Правительства, общественное мнение балканских стран не вдавалось в тонкости российско-украинских взаимоотношений, всю вину за срыв поставок газа возложило на Россию. Из этих событий ими был сделан вывод о необходимости поиска альтернативных источников поставок энергоресурсов и ослабления зависимости от России в этой области.

В течение послевоенных десятилетий периода социалистического строительства в качестве важнейшего фактора сближения народов балканских стран и России выступала культура. Знание русского языка открывало доступ к русской литературе. Русский язык в качестве обязательного изучался в школах и гимназиях, в университетах. Регулярно проводились Дни советской культуры, фестивали советских фильмов. Большое количество советских художников, писателей, деятелей науки и культуры ежегодно приезжало в балканские страны с концертами, лекциями, различными выступлениями. Достаточно эффективно работали секции балканских стран в Союзе обществ дружбы с зарубежными странами. Десятки тысяч молодых людей получили образование в Советском Союзе и активно распространяли информацию о русских людях, о России среди своих сограждан. Все это способствовало формированию в целом привлекательного облика русского (а тогда советского) человека в глазах миллионов простых граждан балканских стран. Даже в Румынии, где в годы правления Президента Н. Чаушеску, информация о СССР была крайне ограниченной, а контакты с советскими людьми для румынских граждан были сведены к минимуму, сложился в целом положительный стереотип советского (русского) человека. После распада Советского Союза вся налаженная система культурных и гуманитарных связей оказалась нарушенной. Какой-то четкой и ясной политики в этой области Россия практически не проводит. Систематических продуманных действий по укреплению в сознании граждан балканских стран позитивного образа России не

предпринимается. Эпизодически проводимые дни культуры России в некоторых из них, и соответственно Дни культуры балканских стран в России общей картины изменить не могут. Это, отчасти, связано с недостаточным финансированием культурных и гуманитарных программ, рассчитанных для распространения на Балканах и отсутствием стройной, продуманной политики в этой области. Резкое сокращение числа изучающих русский язык в учебных заведениях балканских стран привело к тому, что молодежь мало информирована о России, заметного интереса к ней не проявляет. Образ русского человека теперь формируется на основе общения с сотнями тысяч российских туристов, приезжающих на отдых в Балканские страны. Низкий уровень бытовой культуры, которую демонстрируют зачастую многие из них, создает негативное впечатление и о стране, и ее гражданах, усиливает настроения дистанцирования от России и нахождения своего места «в Европе». Тысячи болгарских и сербских рабочих, занятых на возведении различных объектов в России, сталкиваясь с нелюбезными сторонами российской действительности, также способствуют формированию критического отношения своих сограждан к России.

Падение интереса к России среди общественности, политических кругов за последние 20 лет сопровождалось аналогичными процессами в самой России. Средства массовой информации в РФ уделяют мало внимания происходящим в балканских странах событиям. В российских СМИ редко появляются статьи, посвященные проблемам преобразований в них, анализу их внутренней и внешней политики. Этот регион находится на периферии российских политических и экономических интересов, и в ближайшие годы ситуация вряд ли кардинально изменится. Заметно усилившийся в последние годы проамериканский крен во внешней политике Болгарии, Румынии, Хорватии и Албании не дает оснований для оптимистических оценок перспектив сотрудничества между Россией и балканскими странами в политической области. Подключение Болгарии и Румынии к американским планам создания ПРО, видимо, внесет дополнительное напряжение в двусторонние российско-болгарские и российско-румынские отношения. Фактором, сдерживающим российско-албанские отношения, еще долго будет являться российская позиция по косовскому вопросу.

С экономической точки зрения, балканский рынок не может рассматриваться как перспективный и емкий для российской промышленности. В структуре товарооборота России с регионом 80%

приходится на поставки энергоносителей и сырья. На регион приходится примерно 5% внешнеторгового оборота России. Сколько-нибудь заметное внимание РФ к региону обусловлено российскими планами строительства газопровода «Южный поток» и нефтепровода Бургас-Андрианополис. Но поскольку тема строительства нефтепровода снята с повестки дня, во всяком случае, в ближайшие годы, а проект «Южный поток» находится на стадии согласований, то реальные интересы РФ в регионе ограничены. Но даже их реализация наталкивается на большие трудности. Россия утратила здесь в значительной мере свои позиции, потеряла в силу объективных причин свое влияние, и даже при очень большом желании с ее стороны, не скоро сможет его восстановить.

Несмотря на большие трудности, которые переживает Европейский Союз, стагнацию экономики многих европейских государств, что негативно сказывается и на экономическом развитии балканских стран, реализующих свои товары на европейских рынках, правительства балканских государств не осуществляют сколько-нибудь заметного поворота в сторону развития сотрудничества с Россией, углубления с ней политического диалога, а ищут выход в установлении еще более тесных связей с США.

В этом состоит отличие между сотрудничеством России с балканскими странами и странами Центральной Европы. Последние смогли в последние годы наладить устойчивый политический диалог с РФ, значительно снизить интенсивность использования исторических проблем в своей российской политике, создать более благоприятные условия для деятельности российского бизнеса на своей территории.

Исходя из логики формирования внешней политики балканских стран, трудно ожидать каких-либо принципиальных изменений в их подходе к сотрудничеству с Россией. При этом, чем активнее пытается действовать Россия на Балканах, выступать с различными деловыми предложениями, выгодными для балканских стран, тем негативнее становится их реакция на эту активность, которую они расценивают как проявление имперских амбиций, как попытки восстановить в регионе свое былое влияние.

В этих условиях России не остается ничего другого как терпеливо работать с общественностью, бизнесом балканских стран, использовать возможности культурных связей, «народной дипломатии», чтобы не быть окончательно вытесненной из региона, имеющего важное значение для обеспечения ее национальной безопасности.

Восприятие России восточноевропейскими государствами СНГ: Украиной, Белоруссией, Молдовой

Из всего региона Центрально-Восточной Европы, Балтии и СНГ отношения России с ее ближайшими соседями Украиной, Белоруссией и Молдовой – а восприятие и самовосприятие являются одним из ключевых компонентов этих отношений – имеют, по крайней мере, в перспективе ближайших лет, принципиальное значение для определения вектора экономического и социально-политического развития России.

Через 20 лет после распада СССР и неоднократных неудачных попыток перезапустить интеграционные процессы на постсоветском пространстве к 2012 г. на данном направлении наметилось определенное продвижение, обусловленное не только интенциями России, но и объективными европейскими и мировыми экономико-политическими предпосылками. Резюмируя, текущий момент может быть охарактеризован как «пауза», вынужденный (в силу целого комплекса причин) тайм-аут в политике Евросоюза и США в отношении восточноевропейских ННГ¹. Европейский союз с огромным трудом преодолевает финансовый и институциональный кризис и очевидно не готов в обозримой перспективе уделять значительное внимание странам – «восточным партнерам». Соединенные Штаты перефокусируют внешнюю политику на другие регионы мира, кроме того, в год президентских выборов преобладающее внимание уделяется внутренним финансовым и социальным проблемам. Тем временем, у России есть финансово-инвестиционные возможности для подпитки и стимулирования интеграционного сотрудничества в Евразии, на которое другие ННГ вынуждены идти из-за очень сложной социально-экономической (за исключением государств – энергоэкспортеров) и напряженной политической ситуации.

Удастся ли придать интеграции импульс, необходимый для ее устойчивого долгосрочного развития, или подвижки 2011 г. станут очередной «историей неуспеха» – эта дилемма будет одним из основных смыслов динамики на постсоветском пространстве в ближайшие годы.

С 1 января 2012 года начинается практический этап создания Единого экономического пространства (ЕЭП), в рамках которого предполагается в течение нескольких лет создать механизмы согласования экономической

¹ См. подробнее авторские разделы по России, СНГ и Европейскому Союзу в ежегодных прогнозах «Россия и мир. Экономика и внешняя политика. 2011», «Россия и мир. Экономика и внешняя политика. 2012». М., ИМЭМО, 2010, 2011.

политики участников Таможенного союза (Белоруссия, Казахстан, Россия) — обеспечить трансграничное свободное движение услуг, капиталов и трудовых ресурсов, унифицировать законодательства трех стран и пр. В перспективе ЕЭП может стать основой для перехода к более высокой ступени интеграции – Евразийскому экономическому союзу², что будет означать трансформацию постсоветского пространства в новый, более влиятельный субъект геополитики и качественно иное по сравнению с СНГ объединение.

Шагом на пути реализации проекта ЕЭП явилось подписание странами СНГ (кроме Азербайджана, Узбекистана и Туркмении) 18 октября 2011 года в Санкт-Петербурге Договора о зоне свободной торговли. Он, предположительно, позволит странам СНГ ускорить процесс взаимного приспособления и объединения национальных хозяйств, возможно, по той же модели «разноскоростной интеграции», по какой экономически объединялся Европейский союз.

Залогом прогресса и успеха евразийской интеграции является политика России, ее способность в полной мере, но одновременно гибко и корректно использовать для реализации евразийской инициативы «преимущества» текущего момента, разнородные факторы, включая формирование адекватного восприятия этих инициатив в странах-партнерах.

По сути, в конце 2011 г. в отношении постсоветского пространства имела место «отложенная инициатива», которую ряд вдумчивых аналитиков в России и на Западе ожидали от Москвы еще в 2009 г., в разгар первой волны финансово-экономического кризиса, когда также появились условия для вовлечения Россией стран СНГ в интеграционный процесс. Второй виток кризиса и изменившиеся политические и социально-экономические условия в этих странах делают 2012 г. еще более благоприятным для старта евразийской интеграции, которая декларируется как основанная на экономической необходимости и целесообразности, использовании естественных преимуществ партнеров и устранении мешающих развитию барьеров, сохраняющей и уважающей суверенитет партнеров.

С пропагандистской точки зрения правильно были расставлены акценты в «манифесте» «Новый интеграционный проект для Евразии», где подчеркивались выгоды от проекта для граждан стран – участниц: «снятие миграционных, пограничных и прочих барьеров, так называемых «трудовых квот» будет означать возможность без всяких ограничений выбирать, где жить, получать образование, трудиться. Кстати, в СССР — с его институтом прописки — подобной свободы не было. Кроме того, мы значительно увеличиваем объем товаров для личного потребления,

² Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня// Известия. 03.09.2011; Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции// Известия. 17.10.2011; Назарбаев Н. Евразийский Союз — от идеи к истории будущего// Известия. 25.10.2011.

которые можно ввозить беспошлинно, тем самым избавляя людей от унижительных проверок на таможенных постах».

Часть экспертов в ННГ, в том числе на Украине, признают, что Россия в СНГ переигрывает Европу в «мягкой силе», особенно в том, что касается жизненно важных вопросов – обеспечения работой трудовых мигрантов, чьи заработки составляют основной доход миллионов домохозяйств стран СНГ.

Мотивация, позиционирование и барьеры на пути к участию в евразийской интеграции новых независимых государств весьма различаются. Это зависит от их экономического потенциала; стабильности / нестабильности внутривнутриполитической ситуации и типа политического режима; взаимоотношений между ННГ (включая торгово-экономические споры, конфликты и разногласия из-за спорных территорий, водных ресурсов, месторождений и пр.). Реализовать евразийский проект будет непросто. Не будет способствовать евразийской интеграции и сохраняющееся активное присутствие на постсоветском пространстве мировых (США, Китай, Евросоюз) и региональных (Турция, Иран, Индия, Саудовская Аравия и др.) центров. Их конкурентная борьба за контроль над ресурсами, инфраструктурой, рынками бывших советских республик не ослабевает. Неизбежным станет при этом информационное и пр. противодействие «евразийской инициативе».

В целом, экономическая и политическая целесообразность и обоснованность евразийского проекта в ближайшей, среднесрочной и, возможно, долгосрочной перспективе признается не только в России, но и некоторыми на Западе. Его очевидной логической составляющей признается геоэкономика. На фоне усилий по привлечению западных, прежде всего, европейских компаний в Россию риторическое оформление проекта как открытой части общего экономического пространства «от Ванкувера до Владивостока» воспринимается как вполне достоверное. В то же время инициатива недостаточно подкреплена серьезными экономическими расчетами, не вполне просчитана с точки зрения внешнеэкономических интересов России, особенно учитывая ее вступления в ВТО. Сложные, сопровождавшиеся жестким торгом переговоры с Белоруссией в 2011 г. и уступки, на которые пошли обе стороны, и содержание не завершившихся в 2011 г. договоренностями переговоров с Украиной, свидетельствуют, по крайней мере, о двух характеристиках начавшегося интеграционного процесса:

- в привлечении к интеграции Россия пока не вышла на креативный, тем более инновационный уровень и пользуется преимущественно традиционными инструментами, прежде всего, ценой на газ;
- хотя а) этому трудно найти прямое вербальное подтверждение и б) с точки зрения геоэкономики, особенно в масштабах континента, эти страны

не играют первостепенной роли, тем не менее, для России главными индикаторами успеха – или неуспеха – евразийского интеграционного проекта будет участие или постепенное вовлечение в него восточноевропейских ННГ: Белоруссии (которая согласилась на участие в ТС, а в конце 2011 г. и в ЕЭП на условиях Москвы), Украины, а также Молдовы.

Выступая локомотивом интеграции, Россия, как показывает практика 2011 г. и предыдущего периода, ведет широкое «наступление» и одновременно осуществляет прорывы во взаимодействии с теми постсоветскими государствами, которые (по примеру Казахстана) проявляют к этому готовность или, как Белоруссия – вынужденную готовность. В отношениях с другими странами, например, Украиной, Россия, наряду с жестким торгом, пытается *лоббировать евразийский проект как в максимальной степени способствующий повышению конкурентоспособности национальных экономик, а также – что важно – не противоречащий европейским устремлениям Киева.*

Последний момент чрезвычайно важен как пропагандистский и играет одну из ключевых ролей в инициативах, несмотря на их преимущественно экономический характер. Усматривающим в проекте неизбежный политический подтекст партнерам по СНГ и на Западе нужны *дополнительные доказательства того, что евразийское сотрудничество не имеет целью и не приведет к воссозданию СССР или Российской империи. Поэтому для еще опасющихся за свой суверенитет новых независимых государств – как для элит, так и для обществ – важен открытый характер евразийского партнерства, не ставящего их перед необходимостью жесткого выбора между Россией и Западом (тем более, что сама Россия декларирует европейский выбор).*

Как свидетельствуют политические документы, практика, позиция элит и экспертов и опросы общественного мнения в Белоруссии, Украине и Молдавии, для их отношений с Россией – впрочем, как и с другими внешними партнерами, включая ЕС – ключевое значение имеют три компонента, собственно и определяющие качество их самовосприятия. Это суверенитет, возможность выбора партнеров (открытость, многовекторность), прагматизм (соответствие национальным, прежде всего экономическим интересам).

В Белоруссии Президент А. Лукашенко и министерство иностранных дел РБ продолжают отстаивать во внешней политике принцип многовекторности, который, прежде всего, выражается в том, что восточный и западный векторы представляют самостоятельную ценность с точки зрения национальных интересов Белоруссии. В разделе «Цели и задачи Республики Беларусь на международной арене» на сайте МИД РБ

декларируется: «Менталитет белорусского народа, который всегда был настроен на поиск друзей и партнеров, специфика современной фазы развития международных отношений, прагматичный экономический расчет обусловили избранный Республикой Беларусь магистральный курс на многовекторность внешней политики, органически сочетающей конструктивную работу на всех направлениях»³. В интервью Euronews А.Лукашенко подчеркивал: «Нам же «Восточное партнерство» нужно не для политики, скажем, прежде всего не для политики. Нам нужна экономическая составляющая»⁴.

Как российские, так и белорусские эксперты высказывают мнение, что, как и в начале независимого пути, в Беларуси сохраняется некоторая двойственность в общественных ожиданиях по отношению к интеграционным перспективам – паритет между сторонниками интеграции в восточном и западном направлениях⁵.

При этом в политике белорусского президента цель сохранения «бесспорного» суверенного статуса РБ, закрепления ее международной правосубъектности, особенно в отношениях с Россией, в т.ч. в рамках Союзного государства, неразрывно взаимосвязана с мотивом укрепления и сохранения собственной власти в стране.

Покладистость А.Лукашенко и уступки, на которые он пошел в 2011 г. в переговорах с Москвой, обусловлены жесточайшим финансово-валютным и социально-экономическим кризисом, в котором оказалась страна, а также резким ухудшением отношений режима А.Лукашенко с Европой и США.

В то же время для белорусского президента, главной задачей которого является сохранение собственного режима, неограниченной власти и передача ее в будущем, ТС, ЕЭП, а также планирующиеся в будущем интеграционные форматы – многосторонние с наднациональными органами управления – существенно менее опасны, чем формат Союзного государства России и Белоруссии. В определенном смысле *начавшийся интеграционный процесс снимает остроту противоречий (по сохранению полномочий, суверенитета и пр.), связанных с двусторонним форматом, и является для А.Лукашенко спасательным кругом – как в плане удержания власти, так и поддержания кризисной экономики.* За «трубу» (после многих лет переговоров в конце ноября 2011 г. было подписано соглашение о приобретении «Газпромом» в собственность всех 100% «Белтрансгаза», т.е. газотранспортной системы Белоруссии) А.Лукашенко получил не только газ по среднегодовой цене 165,6 долл. за тыс.

³ Цели и задачи Республики Беларусь на международной арене // mfa.gov.by, 15 сентября 2009 г.

⁴ Стенограмма интервью Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко телеканалу «Евроньюс» (belta.by).

⁵ В.Шадурский. «Беларусь в «Восточном партнерстве»: поиск баланса интересов». «Восточная Европа. Перспективы. Цит. соч. СС.44-45

кубометров в 2012 г., но и российский кредит до 10 млрд. долл. на строительство АЭС. По расчетам В.Путина, «эта скидка для наших белорусских партнеров и друзей, которая позволит оставить в белорусской экономике в среднем не менее 2 миллиардов долларов»⁶. По заявлению А.Лукашенко от снижения цен на нефть и газ Беларусь может сэкономить 3-4 млрд. долл. в год⁷.

Для сравнения: объемы кредитования по линии ЕврАзЭС составят 800 млн. долл. в 2011 г. (до конца 2013 г. в общей сложности 2,2 млрд. долл.). Китай выделил кредит в 1 млрд. долл. Обсуждавшаяся возможность предоставления кредита в 3 млрд. долл. по линии МВФ маловероятна после жесткого подавления протестных выступлений в Минске в декабре 2010 г. Между тем, для выхода из кризиса стране, по различным оценкам, необходимо от 3 до 11 млрд. долл. внешних кредитов в год. К концу 2011 г. стало ясно, что реально А.Лукашенко может рассчитывать только на поддержку со стороны Москвы – отсюда вынужденная готовность участвовать в евразийской интеграции.

Именно *вынужденный* характер сдвига внешнеполитического баланса в сторону России объясняет проводимую А.Лукашенко линию на формирование ее восприятия в Белоруссии. Политика России объясняется там стремлением участвовать в переделе госсобственности, в приватизации госпредприятий, получить контроль над банковской системой Белоруссии и, в целом, диктовать ей. Внедрение «охранительной идеологии», недоверия в отношении России получают распространение не только в чиновничьей среде, но и в общественном мнении, где для этого есть благодатная почва. Как показывают опросы, для него характерны также и автаркические, патриархальные, изоляционистские настроения. При этом за последние 20 лет как в элите, так и в обществе в отношении России сформировались патерналистские настроения – помощь, кредиты, рынок для белорусских товаров и рабочих рук воспринимаются как должное и безусловное, их отсутствие или обусловленность – негативно. Как результат развития политического процесса в Белоруссии и особенностей функционирования политического режима А.Лукашенко, ведущего борьбу с противниками суверенитета и независимости, в стране нет формализованных или консолидированных групп с пророссийской ориентацией. Существующая формализованная, хотя слабая и дезинтегрированная, оппозиция, с которой и ведет сейчас борьбу А.Лукашенко, ориентирована преимущественно проевропейски. Поэтому парадоксальным образом их критика имперской энергополитики России, ее олигархов попадает в унисон с риторикой президента.

⁶ (<http://www.belmy.by/articles/materials/tema/17625.html>)

⁷ www.regnum 15.12.2011)

Именно этими особенностями восприятия России в Белоруссии можно объяснить сдвиг – как отмечают социологи разительный – структуры геополитических предпочтений, по сравнению с той, которая была во время предыдущих выборов. Несмотря на то, что Москва помогла Минску выйти из острого кризиса в конце 2011 г., опросы показывают существенное снижение стремления к интеграции с Россией и заметный рост проевропейских настроений.

Геополитические координаты выборов⁸

Динамика ответов на вопрос: "Если бы сегодня проходил референдум об объединении Беларуси и России, как бы Вы проголосовали?" накануне выборов 2001, 2006 и 2010 гг., %

Вариант ответа	08'01	02'06	09'10	10'10
За объединение	57.4	43.3	33.1	32.3
Против объединения	20.9	33.2	45.4	45.3

Динамика ответов на вопрос: "Если бы сейчас в Беларуси проводился референдум с вопросом, вступать ли Беларуси в Европейский Союз, каким был бы Ваш выбор?" накануне выборов 2006 и 2010 гг., %

Вариант ответа	02'06	09'10	10'10
Да	27.7	42.2	42.1
Нет	42.7	32.5	32.5

Динамика ответов на вопрос: "Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступление в Евросоюз, что бы Вы выбрали?" накануне выборов 2006 и 2010 гг., %

Вариант ответа	02'06	09'10	10'10
Объединение с РФ	56.3	34.9	35.4
Вступление в ЕС	27.5	41.7	42.2
ЗО/НО	16.2	23.4	22.4

Сравнение опросов осени 2011 г. на пике кризиса и весны 2012 г. после стабилизации показывают относительную волатильность общественного мнения страны, сохраняющей при этом пассивное отношение к активным действиям и придерживающейся традиционных ориентиров.

Как отмечают социологи⁹, «стабилизация "экономического самочувствия" сказалась и на внешнеполитических ориентациях белорусов. Если в сентябре прошлого года количество людей, готовых на гипотетическом референдуме выбрать объединение с Россией, практически совпадало с количеством выбиравших вступление в Европейский Союз (41.5% vs.

⁸ <http://www.iiseps.org/bullet10-4.html>

⁹ <http://www.iiseps.org/press15.html>

42%), то сегодня это соотношение составляет 47% vs. 37.3%. Даже далекие от политики люди знают, благодаря чьей помощи наступила экономическая стабилизация.

Однако, число респондентов, положительно оценивших расширение санкций ЕС и США против "более 200 белорусских чиновников, судьей и др. во главе с А. Лукашенко, которых считают ответственными за нарушение демократии и прав человека", за год заметно выросло: с 17.5% в марте прошлого года до 24% сегодня. Если к этому прибавить число тех, кто к ним безразличен (37%), можно ожидать, что попытки властей "поднять народ" против санкций вряд ли будут иметь успех. Даже призывы некоторых политиков в Беларуси и на Западе к тому, чтобы не проводить в Беларуси чемпионат мира по хоккею в 2014 г., если к тому времени в стране не прекратятся нарушения прав человека, не встречают массового осуждения: 13.3% относятся к ним положительно, а 37% - безразлично.

В то же время, когда речь заходит о своем "кровном", симпатии к России уступают собственным экономическим интересам: положительно относятся к тому, что в прошлом году Беларусь продала России газотранспортную систему "Белтрансгаз" 15.1%, а отрицательно - 53.5% (безразлично - 20.4%), к идее перехода Беларуси на российский рубль, соответственно, - 29.5% vs. 41.7 (безразлично - 19.1%). Вообще, говорить о "падении границ" во внешнеполитических ориентациях белорусов, подчеркивают социологи, пока рано. На вопрос "Если бы Вам была предоставлена возможность поработать за рубежом, как бы Вы поступили?" 39.3% респондентов ответили "принял бы такое предложение" (эта цифра подтверждается и тем, что на вопрос "В последние пять лет выезжали ли Вы или Ваши родственники на заработки за границу" положительно ответили 37.1%), а 49.4% - отказались бы. Двадцать лет назад (в апреле 1992 г.) соотношение ответов на такой же вопрос было 63.3% vs. 13.4%.

По мнению российского эксперта А.Суздальцева, механизм «маятникового движения» белорусской внешней политики руководством республики отработан, и рамки Союзного государства, подразумевающего согласование внешней политики двух стран – партнеров по российско-белорусской интеграции, ему не мешают. Очередное обострение отношений Республики Беларусь со странами Евросоюза и США является логичным завершением традиционного геополитического маневра, проводимого белорусским руководством в рамках лимитрофной парадигмы. Начиная с середины 1990-х годов А. Лукашенко, воспользовавшись сложностями диалога между Россией и Евросоюзом, постоянно маневрирует между Востоком и Западом, пытаясь, с одной стороны, оказаться политически востребованным Брюсселем и Москвой, а с другой – получить экономическую поддержку за поочередно

декларируемую приверженность то европейским ценностям, то союзническим отношениям с Россией¹⁰.

Несмотря на кризис, позиции А.Лукашенко во власти, по крайней мере, в ближайшие годы, как полагают эксперты, останутся достаточно прочными, благодаря поддержке номенклатуры, силовиков, близких к президенту и обязанных ему олигархов, директорского корпуса, совхозного руководства и значительной части населения. Разобщенная оппозиция, ориентированная преимущественно на Запад, Европу, поглощенную собственными проблемами и испытывающую усталость от безуспешных попыток демократизации белорусского режима, не представляет для него серьезного вызова, тем более угрозы. Учитывая традиционно положительное отношение значительной части населения к России, шаги А.Лукашенко к интеграции в рамках новых евразийских форматов, не ослабят его положение.

Пауза в «восточной политике» ЕС, кризис в Европе – в сочетании с кризисом в Белоруссии – дают России определенное время для форсирования деятельности ТС и ЕЭП, в первую очередь на белорусском направлении. В то же время для устойчивого развития этих форматов, помимо снижения цены на газ и финансовых вливаний, необходимо создать матрицу индустриального, социального и политического развития, учитывающую, с одной стороны, национальные интересы и естественные преимущества, а с другой стороны – оптимальное перспективное позиционирование в новом будущем континентальном и глобальном порядке. Этому в обозримом будущем будет *сильно препятствовать самовосприятие Белоруссии и восприятие ею России нынешней и России-2020 с лимитрофных позиций*. Наиболее сложной задачей в изменении восприятия России в Белоруссии является *вывод сотрудничества и интеграции из парадигмы «вынужденности», перевод диалога на уровень общества, а не власти*.

Украина. Как и предполагалось многими экспертами, расчеты на устойчивый дрейф Украины в направлении стратегического партнерства с Россией оказались нереалистичными. В целом, внутренняя и внешняя политика Украины развивается под воздействием достаточно стандартного для постсоветского восточноевропейского государства с не устоявшейся демократией и в состоянии финансово-экономического кризиса набора факторов. С одной стороны, политический режим страны развивается в направлении полуавторитарного – авторитарного. Правящая президентская команда продолжает последовательно проводить «зачистку» оппозиции и

¹⁰ <https://politoboz.com/content/diplomaticheskii-krizis-po-zakazu-rsm>

стремится деморализовать ее. С другой стороны, на Украине сохраняется плюрализм, парламент остается местом политической борьбы.

В отличие от А.Лукашенко, в принятии внутри- и внешнеполитических решений В.Янукович существенно связан и ограничен зависимостью от поддерживающих его финансово-промышленных групп, существенная часть которых не заинтересована в усилении позиций российского крупного капитала на Украине. Этот фактор является одним из ключевых в принятии решений, связанных с отношениями с Россией и евразийским проектом.

«Украина не Россия и не Белоруссия. С одной стороны, единственным человеком, принимающим любые серьезные решения, стал президент Янукович. С другой – и олигархи никуда не делись. Более того, от успехов большого бизнеса зависит социальная стабильность в стране: без металлургии невозможно наполнить бюджет. Именно поэтому Янукович одновременно пытается и расчистить для олигархов дорогу на европейские рынки и добиться соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с Евросоюзом, и добиться укрепления власти путем маргинализации оппозиции...», - описывает ситуацию известный политолог и журналист В.Портников.

Украинское общество остается политически активным: недовольство социально-экономической ситуацией и протестные настроения находят выход в публичной политике и отражаются в средствах массовой информации. Рейтинг президента – менее 10%.

В то же время экономика страны находится хоть и в тяжелом, но не апокалиптическом состоянии¹¹. Это, а также сопротивление ведущих ФПГ и (хотя и проблематичная – в связи с делом Ю.Тимошенко) поддержка Евросоюза, позволяют В.Януковичу сопротивляться нажиму Москвы по вопросу вступления в Таможенный союз и пока не соглашаться на предложение обмена «газа на трубы».

Наконец, если для А.Лукашенко кошмар – оказаться одним из губернаторов в Российской Федерации, то как пишет украинская пресса: «Янукович категорически не желает быть миноритарным акционером на территории, которую искренне считает своим охотхозяйством».

На Украине отсутствует реальный страх или озабоченность по поводу утраты суверенитета или независимости государства. Характерно, что эти мотивы как виртуальные не используются украинским руководством даже в пропагандистских целях в работе с общественным мнением.

¹¹ http://economics.lb.ua/state/2011/09/20/115637_MVF_povisil_prognoz_inflyatsii_i_r.html
http://dengi.ua/clauses/85609_Chto_budet_s_ekonomikoj_Ukrainy_po_mneniyu_evropejskih_bankirov.html

В целом украинское общество преодолело наиболее болезненные синдромы и фобии, связанные с распадом СССР. Как эксперты, так и простые россияне, приезжающие на Украину, отмечают приятное отношение. Как и в странах Балтии, *демонстративное* использование только государственного – украинского – языка в разговоре с россиянами отошло в прошлое. Более того, сравнительный анализ симметричных опросов в России и на Украине свидетельствует о более благожелательном отношении украинцев к россиянам и практическом совпадении предпочтений в том, что касается отношений между государствами.

Согласно *опросам*, проведенным практически одновременно в феврале-марте 2011 г. Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центр) и Киевским Международным Институтом Социологии, большинство граждан обоих государств, при хорошем отношении друг к другу (характерен существенно больший процент хорошо относящихся к России украинцев, чем россиян к Украине), видят будущее своих стран как дружественных, открытых, но суверенных (<http://old.levada.ru/press/2011032809.html>; <http://www.kiis.com.ua/services/omnibus>).

Как Вы сейчас относитесь к России? (опрос КМИС февраль 2011 г.)

	апр.08	сен.08	фев.09	май.09	окт.09	мар.10	июн.10	окт.10	Фев.11
Очень хорошо	47	43	48	48	47	49	50	48	47
В целом хорошо	41	45	43	45	45	41	41	44	41
В целом плохо	5	7	4	3	4	5	4	3	6
Очень плохо	2	3	1	1	1	1	1	1	2
Трудно сказать	5	3	4	3	3	4	3	3	4

Как вы в целом относитесь сейчас к Украине (опрос Левада-Центра, 18-21 марта 2011 г.)

	мар.08	июл.08	сен.08	ноя.08	январь.09	мар.09	май.09	июль.09	сен.09	ноя.09	январь.10	мар.10	май.10	ноя.10	январь.11
Очень хорошо	6	6	3	2	2	3	2	2	3	4	6	5	6	7	7
в основном хорошо	49	46	35	32	27	39	31	42	43	48	46	54	60	66	66
в основном плохо	27	26	36	36	41	35	45	37	35	29	30	24	20	16	15
Очень плохо	6	11	17	17	21	14	10	10	9	7	6	4	3	3	3
затрудняюсь ответить	13	11	10	13	10	9	11	10	10	12	11	12	11	8	9

Какими бы Вы хотели видеть отношения Украины и России? (данные КМИС)

	апр.08	сен.08	фев.09	май.09	окт.09	мар.10	июн.10	окт.10	фев.11
Отношения Украины с Россией должны быть такими же, как с другими государствами — с закрытыми границами, визами, таможенными	10	17	8	10	11	11	12	10	12
Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами — с открытыми границами, без виз и таможен	67	66	68	65	67	67	70	67	67
Украина и Россия должны объединиться в одно государство	20	16	23	23	19	19	16	20	19
Трудно сказать	3	2	1	2	3	3	2	2	3

С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной вы бы скорее согласились? (данные Левада-Центра)

	мар.08	сен.08	январь.09	май.09	сен.09	январь.10	май.10	сен.10	январь.11
отношения России с Украиной должны быть такими же, как с другими государствами: с закрытыми границами, визами, таможенными	19	24	29	25	25	25	17	16	19
Россия и Украина должны быть независимыми, но дружественными государствами: с открытыми границами, без виз и таможен	56	52	51	55	55	55	64	60	61
Россия и Украина должны объединиться в одно государство	19	13	12	14	13	14	13	18	14
затрудняюсь ответить	6	11	8	6	7	6	6	6	7

Достаточно сбалансированные настроения и предпочтения общественного мнения, а также определенная уверенность в способности поддержать социально-экономическую и политическую стабильность в стране позволяет украинской правящей команде не только придерживаться, но и артикулировать приверженность европейскому выбору – при «первостепенном внимании к улучшению отношений с Россией». При этом «европейский выбор» Украины преподносится как континуум, последовательный курс государства, независимо от смены руководства. Характерны в этом плане тезисы программных заявлений, выступлений, программных статей украинского президента в связи с празднованием 20-летия независимости в августе 2011 г.¹².

Суть главных тезисов следующая:

- Сегодняшняя Украина динамично развивается и сильно отличается от той страны, какой она была 20 лет назад. Только в 2010 г. объем прямых иностранных инвестиций вырос на 35%.
- Наряду со стремлением к членству в ЕС декларируется намерение «более совершенной интеграции Украины в европейские и западные структуры».
- Четко артикулирована роль Украины как «моста», соединяющего европейский, российский и азиатский рынки. В этом плане Киев должен прилагать усилия уделять первостепенное внимание улучшению отношений с Россией: «Энергетическая безопасность Украины слишком долго подрывалась непредсказуемыми дипломатическими отношениями с Россией. Пора идти дальше, направляя взгляд в будущее, ставя мир в регионе выше ошибок, которые необходимо оставить в прошлом. Украина, Россия и Европа только выиграют, если мы добьемся успеха на этом пути».
- Для выполнения обязательств перед МВФ власти вынуждены прибегнуть к жестким экономическим мерам.
- ЕС нецелесообразно отворачиваться от Украины. Следующие 10 лет должны привести к тому, что «Украина вновь объединится со своей европейской семьей». Но Украина не может достичь этой цели самостоятельно и нуждается в поддержке «наших европейских друзей». В целом, и особенно во внешнеполитических разделах своих выступлений, В.Янукович акцентирует внимание на «европейском выборе» Украины (этот тезис был основным в послании президента Л.Кучмы к Верховной Раде 2002 г.). Европейская интеграция Украины однозначно интерпретируется как

¹² <http://www.president.gov.ua/ru/news/20979.html>), в газетах «Зеркало недели» (19.08.2011.- <http://zn.ua/articles/86421>) и «Wall Street Journal» (25.08.2011)

достижение членства Украины в ЕС в течение ближайших 10 лет. Подчеркивается, что будущее Украины зависит от укрепления связей с ЕС, что в конце концов должно привести Украину к полноправному членству в ЕС.

- Власть демонстрирует уверенность в своих действиях (мы научились самостоятельно преодолевать кризисы, преодолели комплекс второсортности). Соответственно, на давление со стороны западных политиков в связи с «делом Ю.Тимошенко» официальный Киев дает асимметричный ответ – настаивает на серьезном отношении к Украине как государству, не втягивается в скандальную полемику и воздерживается от предъявления представителям ЕС прямых претензий, но просит о конструктивной поддержке и реальной помощи в реформировании страны.
- В отношении России высказано осторожное ожидание-намеки, что Киеву удастся убедить российское руководство не прибегать к мерам экономического давления и принуждения, но продолжать развивать «стратегическое экономическое партнерство», не обращая особого внимания на недовольство Запада по этому поводу. Ведь мир уже стал другим, что в принципе позволяет украинской внешней политике существенно больший простор для маневра.

Неудивительно поэтому, что многократные попытки «угговорить» В.Януковича принять решение о вступлении Украины в ТС в обмен на уступки по цене на газ не дали результата. Чтобы компенсировать негативные последствия, украинское руководство, апеллируя к общественному мнению страны, а также к Евросоюзу, будет обвинять Россию в газовом прессинге. Что вряд ли повлечет кардинальные изменения в восприятии России, но повлияет в сторону замедления или торможения на развитие евразийского проекта. Логично предположить, что Евросоюз примет к сведению позицию Украины и при первой возможности (в перспективе 2-3 лет) начнет активную работу по интеграции страны в ЕС, что в свою очередь, также осложнит отношения между ЕС и Россией.

Молдавия. Затянувшийся политический пат в Молдавии усугубил стагнацию и дальнейший спад экономики. Минэкономики РМ снизило прогноз роста ВВП страны в 2012 г. с 5% до 4,5%, экспорта – с 12% до 10%, а импорта – с 11% до 9%. Прогноз валового производства сельскохозяйственной продукции в 2012 г. снижен с 3,5% до 3%. Вместо прогнозирувавшихся 5,7%, инфляция на конец 2012 г. составит 6,5%.

В этих условиях граждане страны, все более скептически относящиеся к перспективе поддержки со стороны Евросоюза, более позитивно оценивают альтернативу евразийской интеграции. По итогам опроса

«Барометра общественного мнения» (ноябрь 2011 г.), уровень общественного разочарования и недовольства происходящим в стране бьет все рекорды за последние 10 лет. Снижается доверие и к большинству политиков и партий – как власти, так и оппозиции. Одновременно резко снизились ожидания в отношении евроинтеграции. Еще полгода назад за интеграцию с ЕС выступало около 70% граждан страны. В ноябре 2011 г. уровень поддержки вступления страны в ЕС снизился до беспрецедентных за всю историю опросов 47% — на 15% меньше, чем всего полгода назад. Как показывают опросы, если бы перед гражданами страны на референдуме поставили выбор вступить в ЕС или в Таможенный союз России—Белоруссии—Казахстана, то за Евросоюз высказались бы лишь 34%, в то время как за интеграцию на Востоке — 46%.

Вступление Молдовы в Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана поддерживают Партия коммунистов и Социал-демократическая партия Молдовы. Они полагают, что прямыми выгодами Молдовы от участия в Таможенном союзе станут значительное снижение цены на поставляемый газ, беспрепятственный выход к огромному рынку и возможность привлечения инвестиций в Молдову, защита молдавских трудовых мигрантов в России, новая образовательная перспектива для молодежи, а также решение приднестровского вопроса.

Часть социологов считают существенным водораздел между группами респондентов. Евразийскую перспективу значительно активнее поддерживают (от 68,6 до 76,2%) этнические меньшинства – гагаузы, русские и украинцы. Этнические молдаване примерно в одинаковой мере поддерживают как евразийскую интеграцию (39,7%), так и европейскую (39,2%). Естественна большая поддержка первой со стороны старшего поколения. Т.е. этническое молдавское большинство, образованные люди и молодежь все же предпочитают европейский вектор.

Другие эксперты, интерпретируя полученные ими социологические данные, указывают на недостаточную валидность этнической и / или языковой принадлежности при определении геополитических предпочтений. В то же время они указывают на ярко выраженную социальную стратифицированность сознания, самовосприятия и восприятия ключевых внешних акторов.

Сложная социально-экономическая и политическая ситуация в стране влияет на мотивацию восприятия населения и элит, на представления, существующие в массовом сознании, относительно того, что представляет потенциальную угрозу молдавскому суверенитету. В целом, на массовом уровне еще доминирует тезис о том, что национально-культурная идентичность тесно связана с необходимостью сохранения государственного суверенитета. Однако в случае дальнейшего ухудшения

экономической ситуации в стране социологические исследования выявляют угрозы для молдавского государственного суверенитета¹³.

Хотя в культурной и политической жизни страны унионистские идеи и настроения занимают значительно более важное место, по данным разных опросов, лишь от 4 до 12% населения Молдовы являются яркими «идейными» сторонниками объединения с Румынией. Социологи объясняют это "элитным" характером "румынского проекта" - идея интеграции Молдовы и Румынии поддерживается значительным числом государственных и муниципальных служащих, занимающих руководящие посты. (Такие взгляды характерны для 36% руководителей предприятий и учреждений, 44% сотрудников правоохранительных органов, 30% педагогов и работников культуры и науки, 28% государственных и муниципальных служащих).

Наряду с самовосприятием и восприятием внешнего окружения элит, усилению прорумынской внешнеполитической ориентации в молдавском обществе способствуют и массовые латентные настроения граждан, которые базово могут сдержанно или даже негативно относиться к идее объединения Молдовы и Румынии, но одновременно поддерживают курс на европейскую интеграцию и членство в ЕС.

Социологи приходят к выводу, что именно *оценка гражданами текущей экономической ситуации и перспективы дальнейшего развития молдавской экономики превратилась в главную угрозу для независимой молдавской государственности. Граждане Молдовы сомневаются в будущем собственного государства, несмотря на то, что являются его патриотами.* Экономические мотивации, господствующие в молдавском обществе, подталкивают граждан к фактическому отказу от суверенитета. Среди этой группы много представителей гуманитарной интеллигенции, но практически нет представителей предпринимательской среды.

Те же экономические мотивы обуславливают и прорумынские взгляды 30% промышленных рабочих, и 28% сельскохозяйственных работников. Люди, занимающиеся физическим трудом, стремятся найти трудоустройство за рубежом. Студенты также стремятся найти работу в странах ЕС или получить возможность продолжить там образование. Для этих социальных групп румынское гражданство становится своеобразным пропуском в европейское пространство. При этом культурные, этнические и языковые различия в данном случае отходят на второй план. Более того, политические убеждения и культурная идентичность могут противоречить тем моделям социального поведения, которые формируются под

¹³ В данном разделе используются преимущественно социологические данные по Молдавии АНО "ЦПТ "ПолитКонтакт" и его руководителя А.Медведева.
http://politkontakt.ru/files/cocissledovanie_moldova_2011.pdf

воздействием экономических мотиваций. Так, в русскоязычных Бельцах, где на выборах неизменно побеждает Компартия Молдовы, 78% жителей считают приемлемым получение румынского гражданства ради трудоустройства за рубежом. В некоторых молдоязычных регионах подобное мнение пользуется меньшей поддержкой.

О преимущественно экономической мотивации геополитического выбора свидетельствует и некоторое сокращение (с 33 до 31%) группы сторонников ориентации на вступление в ЕС, что объясняется кризисом и экономическим спадом в ЕС. При этом число сторонников проевропейского курса все равно более чем в два раза превосходит количество его противников (14%). И вновь различия между молдоязычным и русскоязычным населением по данному вопросу не валидны. Наибольшее же число противников присоединения к ЕС проживает в Сороках, где значительную часть населения составляют этнические украинцы. Впрочем, там отсутствуют и массовые пророссийские настроения, а проукраинская ориентация ограничивается в основном ее культурным влиянием.

Социологи подчеркивают, что для русскоязычного населения Россия больше не является единственным внешнеполитическим и внешнеэкономическим ориентиром. Подавляющее большинство (78% от общего числа русскоязычных граждан Молдовы) не только не возражает против интеграции Молдовы в ЕС, если она будет обусловлена экономическими выгодами, но и не против получения румынского паспорта, если это необходимо для того, чтобы получить работу в европейских странах. В определенной мере самовосприятие "европейских русских", то есть граждан, которые идентифицируют себя в качестве русских, но при этом не связывают свою дальнейшую личную судьбу с Россией, в Молдове схожа с тенденциями в странах Балтии. Социологи также отмечают незначительную роль культурных мотиваций в формировании массового сознания молдавского общества, что компенсируется экономическими мотивами, но, в конечном счете, негативно сказывается на самовосприятии гражданами своей страны и ее будущего. 20% от числа опрошенных составляют те, кто в принципе не верит в перспективу молдавского государства и считают, что из страны следует уезжать, и большинство из них молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет (35% от их общего числа). Социологи подчеркивают, в стране существует угроза для государственного суверенитета, что связано с тем, что значительная часть молдавских граждан, особенно молодых, не связывают личные перспективы с судьбой страны, а потому потенциально способны согласиться на отказ от независимой государственности ради улучшения собственного социального положения.

Именно в силу экономической доминанты в самовосприятии и восприятии других стран парадоксальным образом российский и европейский

внешнеполитические векторы с точки зрения массового сознания не противоречат друг другу. Поэтому перед молдавским обществом не стоит политического выбора между Россией, Румынией и ЕС. Оно в принципе готово поддержать любое направление развития, которое позволит улучшить социально-экономическую ситуацию в стране.

Россия - 2020 глазами соседей в Центральной Азии и на Южном Кавказе

Формирование представлений о России: этапы и тенденции

Спрогнозировать, как будет восприниматься Россия и ее политика в странах Южного Кавказа и Центральной Азии в 2020 г., невозможно без обращения к основным историческим этапам формирования представлений о России, к определявшим данные представления тенденциям и закономерностям. Это позволяет также более отчетливо представить, какую роль будет играть фактор идентичности в процессе строительства национальной государственности в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Российско-советская цивилизационная традиция, сформировавшаяся на базе устоев, заложенных (зачастую насильственно) Российской империей, почти век занимала привилегированное положение в духовной и культурной жизни народов современной Центральной Азии и Южного Кавказа. Позитивное восприятие ими России, ассоциировавшейся с союзным «центром», было во многом связано с представлениями о ней как о своего рода носительнице европейских цивилизационно-культурных ценностей и технологического прогресса, к которым – через Москву, благодаря ей – приобщались народы южных республик, что было в общем-то и не так далеко от истины. Ведь не секрет, что к началу 1990-х годов советская Средняя Азия, например, радикально отличалась от большинства своих соседей из мусульманского мира: она далеко обогнала их по уровню образования, здравоохранения, развития политических процессов и мировоззрению.

Но по мере усиления в бывшем СССР дезинтеграционных процессов (во второй половине 1980 – начале 1990-х годов) на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии образ России приобретает отрицательные черты. На Россию, как на главное ядро «коммунистической империи», насаждавшей идеологию, нивелировавшую и сводившую к единому знаменателю национальные и религиозные различия между народами СССР, некоторые представители образованного класса южных республик стали возлагать вину за ограничение и даже запрет местных культур, традиций, религий,

языков. Таившиеся ранее в глубинах общественного сознания, эти настроения проявили себя в полную силу, как только спали скрепы КПСС, цементирувавшей советскую систему и сам Советский Союз. Начинается пересмотр общей для народов бывшего СССР советской истории, а с 1990 г., когда отношения между Москвой и союзными республиками Юга ухудшились, отрицательное восприятие России/СССР стало особенно заметным. Широкое распространение в тот период получает образ России – страны-агрессора, страны-колонизатора, подавляющей национальную культуру и самостоятельное развитие республик постсоветского Юга.

Роспуск 8 декабря 1991 г. Советского Союза и создание Содружества Независимых Государств кардинальным образом изменили ситуацию в центральноазиатском и южнокавказском пространственных ареалах. Негативные аспекты социализации их народов в эпоху независимого развития усугубились, в результате чего они, как и большинство государств, сформировавшихся на обломках СССР, сблизилась по многим показателям со странами так называемого «третьего» мира.

Но одновременно новый импульс был придан переосмыслению имперского прошлого России/СССР. Образ России-колонизатора стал широко экстраполироваться на Советский Союз, который (в том числе и во многих школьных учебниках) изображался как такая же «тюрьма народов», как и царская Россия. В свою очередь, формирование гипертрофированных националистических идеологий в период становления национальных республик после распада СССР привело к обострению национального вопроса и массовому оттоку русского населения из бывших советских среднеазиатских и кавказских республик. «В середине 90-х Казахстан переживал пик националистических конвульсий, когда ‘азатовцы’¹⁴ поджигали православные храмы, а русских оскорбляли на улицах, когда шел ‘отстрел’ русских школ и начался ‘русский исход’ из Казахстана»¹⁵, – отмечает Виктор Шестаков, бывший в 1990-е годы активистом движения, выступавшего в защиту прав русских в Казахстане.

¹⁴ Участники гражданского движения «Азат», созданного в Казахстане в 1990 г. в период активизации национально ориентированных общественных формирований.

¹⁵ Шестаков В. Русский Казахстан. Внешний взгляд изнутри. Опубликовано 13.04.2011 на сайте «Россия и соотечественники. Постоянный адрес статьи: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=21488>

Вспыхнувшие в 1990-х гг. конфликты на межнациональной почве, участвовавшие политические и экономические потрясения привели к тому, что многие жители – особенно старшего поколения – Южного Кавказа и Центральной Азии (как и самой России) стали испытывать ностальгию по относительно комфортной жизни при советской власти. Эта тенденция развивалась параллельно с усилением в странах рассматриваемых регионов информационного, политико-экономического и идейно-культурного присутствия Турции, США, Евросоюза, Ирана и др., вложивших туда не только значительные средства, но и предложивших альтернативу российско-советской культурной традиции, господствовавшей в Центральной Азии и на Южном Кавказе в течение длительного исторического периода.

Всю первую половину 1990-х гг. центральноазиатские и южнокавказские государства как бы прикидывали на себя турецкую, корейскую, европейскую и иные модели. Одновременно страны Южной Евразии постепенно вырабатывали собственные экономические и политические приоритеты, вели поиски новых партнеров и союзников. Что касается российско-советской цивилизационной традиции, то она со второй половины 1990-х гг. начала сдавать свои позиции, и место ее стали занимать соперничающие с ней внешнеполитические и культурные направления.

Тем не менее, Россию и республики южных регионов СНГ, помимо человеческих контактов, продолжают связывать совместные экономические, политические и военные интересы. Россия заинтересована в сохранении и поддержании экономических связей с регионами, где находятся жизненно важные для нее коммуникации и стратегические объекты (например, Байконур), ископаемые ресурсы, стратегическое сырье, маршруты прохождения нефте- и газомаршрутов. России важно также упрочить на своих южных рубежах стратегические позиции, которые облегчают ей доступ к Китаю, Индии, странам мусульманского Востока и одновременно позволяют сохранять присутствие и влияние на территориях, традиционно являющихся сферой ее жизненных интересов. Для России – многонационального и многоконфессионального, но светского государства – большое значение имеет сохранение в закавказских и центральноазиатских республиках исторически сложившейся с советских времен традиции секулярности политической власти и политических режимов.

В силу общего исторического прошлого многие граждане России, республик Центральной Азии и Южного Кавказа продолжают испытывать взаимный интерес, и это является мощным интеграционным фактором. Однако притяжение начинает несколько ослабевать, что проявляется не только во взаимоотношениях России с рядом государств, принципиально избравших курс на дистанцирование и от нее и от СНГ в целом (Грузия, Туркменистан, Узбекистан), но и в поведении стран, традиционно считавшимися союзниками России в Южной Евразии (Армения и Таджикистан).

В связи с этим возникает необходимость рассмотреть то, что составит в перспективе предмет взаимных социокультурных интересов граждан России, южнокавказских и центральноазиатских государств. Это позволит выявить содержание этих интересов, их направленность и приоритеты, целевые (наиболее заинтересованные в сближении) группы, определить сходство и различия в интеграционных устремлениях жителей России, стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Переписывая историю

Отчетливее всего линия разграничения между странами Южного Кавказа и Центральной Азии, с одной стороны, и Россией – с другой, будет еще долго проявляться в трактовке истории России/СССР. Историческая наука может стать заложницей политико-идеологических битв, а некоторые ее создатели окажутся готовыми вступить, порой в угоду политической конъюнктуре, на путь сознательных искажений, создания – взамен советских – новых мифов.

Усиленное мифотворчество, как и в 1990-е годы, будет в большинстве случаев сопровождаться ростом этнического и национального самосознания, поскольку с помощью субъективных исторических трактовок население может быть мобилизовано на поддержку националистических (национально-освободительных) доктрин, для утверждения «исторических» и, якобы, неопровержимых прав какого-либо этноса на спорные территории либо же для дискредитации оппонентов.

По тому, как воспринимается история России/СССР и как она, скорее всего, будет восприниматься в прогнозируемый период, все

центральноазиатские и южнокавказские страны можно разделить на три группы.

*К первой относятся те, кто в целом позитивно оценивают эту историю (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан). Вторую группу формируют страны, где превалирует преимущественно негативная оценка российской истории (Грузия). И к третьей принадлежат те, кто разделяет неопределенное (смешанное) восприятие исторических событий (Армения, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан). В целом же, если учесть, что во всех постсоветских республиках, включая и Россию, весьма распространенным стало вольное обращение с историческими фактами и использование их как оружия в идейно-политической борьбе¹⁶, объективности от «национальных историй»¹⁷ государств Южного Кавказа и Центральной Азии ждать не приходится. Речь в большинстве случаев может идти, скорее, лишь о переписывании истории или же о сотворении новой – в тех случаях, когда народам трудно отыскать под обломками рухнувшего советского строя свое прошлое. Во всех таких «историях» Российская империя / СССР, как правило, предстают в достаточно неприглядном свете. Что касается оценок современной России в исследованиях по новейшей истории стран Центральной Азии и Южного Кавказа, то можно с большой долей уверенности предположить: *объективный анализ того, за какое прошлое несет ответственность Россия, в большинстве случаев будет подменен образом России как правопреемницы «государства-колонизатора». Такой подход будет обусловлен тем, что задачи национального самоутверждения потребуют отрицания всего «чужого».**

Ускорившееся в трудных условиях независимого развития физическое «выбытие» носителей советской культурно-исторической традиции, замена эмигрировавших русских учителей и университетских преподавателей национальными кадрами, вкупе с официально продвигаемыми «сверху» усилиями по формированию национальной идентичности, имеют следствием новую интерпретацию в каждой республике Южного Кавказа и Центральной Азии исторических событий,

¹⁶ См.: Подберезкин А.И. Политические аспекты фальсификации истории России. Постоянный адрес: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document118847.phtml>

¹⁷ Этот термин имеет различные толкования – и как система знаний, сотворенных историками той или иной страны («своя история»); и как история борьбы народа за свои национальные интересы, за создание собственной государственности; и как результат труда ученых, создателей «национальных историй» с иной, нежели предмет их исследований, национальностью. См. подробнее: Национальные истории в советских и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. С. 15-16.

мифологизацию отдельных эпизодов «национальных историй», переписывание общей для всех стран бывшего СССР истории. В наибольшей степени это затронет молодое поколение, историческое сознание которого будет и дальше формироваться в условиях независимости и во многом на базе того специфического видения национальной истории, которое получило и получит отражение в школьных и вузовских учебниках.

Поскольку формирование национальной идентичности будет остро нуждаться в историческом обосновании, причем не только на общенациональном уровне, но и на индивидуальном, в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа именно в истории будут вестись поиски ответов на вопросы о том, «кто мы?», «куда идем?», «кто виноват?». России также будет уделено место в этих поисках, и ее роль в истории становления национальных идентичностей в республиках Юга будет оцениваться по-разному – не только со знаком «плюс», но, порой, и со знаком «минус».

В настоящее время самый большой – по сравнению не только с двумя другими закавказскими республиками, но и со всеми государствами постсоветского пространства – интерес к истории своей страны демонстрируют жители Грузии (92%). Столь высокий результат является следствием реального всплеска интереса к своей истории в ее новой – антироссийской – интерпретации, возникшей на волне политических событий, истоки которых уходят в конец 1980-х гг. и получил новый импульс с августа 2008 г. Помимо Грузии, повышенные доли респондентов, заявивших об интересе к истории своей страны (то есть свыше 70%), были отмечены в Армении, Кыргызстане и Таджикистане. В Азербайджане, Узбекистане и Казахстане уровень интереса к своей истории несколько ниже¹⁸.

В странах *Южного Кавказа* не только по-разному, но иногда прямо противоположно оценивают события общей советской истории и исторических персонажей, и в основании этих оценок лежат разные представления об этих событиях и лицах, их порой прямо противоположные интерпретации. Например, если в *Армении* вхождение ее восточной части в состав России в 19 в. трактуется положительно, то в

¹⁸ Исследовательский проект «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель-май 2009. Краткий аналитический отчет. НП «Евразийский монитор», 2009. С. 9-10.

Азербайджане включение в Россию в тот же исторический период территорий, на которых находилось это государство, признано как национальная трагедия¹⁹.

В *Грузии* пересмотру подвергается принятый в советской историографии за аксиому тезис о том, что присоединение грузинских княжеств к России в начале 19 в. спасло их от неминуемого поглощения Османской империей и сефевидским Ираном. В Грузии к тому же больше, чем в других закавказских республиках, крайне негативно оценивается роль на Кавказе России/СССР. Причем, подобный подход разделяют не только многие историки и политики, но и общественное мнение, не принимающее, по словам бывшего президента Грузии Э. Шеварднадзе, период пребывания республики в составе СССР «в качестве ‘своей’, национальной истории»²⁰. Набирает темпы и тенденция по переименованию улиц, городов и населенных пунктов; вводятся новые праздники, которые призваны десоветизировать общество и умы, наполнить «национальную историю» новым содержанием, созвучным задачам строительства государства, освобождающегося от «колониальных пут» России. Так, с 25 февраля 2011 г. в Грузии ежегодно отмечается «День советской оккупации»: именно в этот день в 1921 г. 11-я Красная Армия во главе с Серго Орджоникидзе после непродолжительных боев заняла Тбилиси, упразднила существовавшую с 1918 г. Демократическую Республику Грузия (ДРГ) и присоединила ее к расширявшей свои пределы Советской России. Само существование ДРГ рассматривается как один из самых ярких эпизодов «национальной истории», а ликвидация демократической Грузии как одно из самых трагических событий.

Известный российский историк-кавказовед Ю. Анчабадзе обращает внимание и на такую черту. Исторические и культурные достижения России оцениваются в Грузии как куда менее значимые в сравнении с тем, что дали «мировому сообществу наций» Грузия и грузины. Они характеризуются как страна и народ «с более древними традициями государственности, с укорененностью христианства, более богатой портретной галерей деятелей национальной истории и культуры, более

¹⁹ Об этом говорится в указе президента Г. Алиева от 26 марта 1998 г. «О геноциде азербайджанцев», в котором, в частности, отмечается: «С подписанием в 1813 и 1828 годах Гюлистанского и Туркманчайского договоров началось расчленение азербайджанского народа, передел наших исторических земель». – Национальные истории в советских и постсоветских государствах. С. 100.

²⁰ Там же. С. 164.

яркой и выразительной этнокультурой»²¹. Таким образом, закладывается основа для тенденции, нацеленной на понижение роли «имперской» России, реальный вклад которой в мировую культуру несопоставим, якобы, с грузинским. Помимо этого, создается почва для культивирования еще одной мифологемы – принадлежности Грузии к западной цивилизации, к «семье европейских народов», в чем России грузинские историки и философы националистической ориентации, отказывают²².

В республиках Центральной Азии, напротив, как правило, положительно оценивают большинство событий советского периода за исключением политических судебных процессов 1937-38 годов, «голодомора» и др. Сам распад СССР долго еще будет восприниматься общественным мнением и исторической наукой скорее неодобрительно. В Центральной Азии не могут простить России, а точнее ее «либеральным реформаторам и ортодоксальным почвенникам» – так чаще всего обозначают в местных публикациях тех, кого считают инициаторами упразднения СССР – обстоятельств поспешного и грубого разрыва с республиками региона. «Отцепить центральноазиатский балласт и быстро въехать в Европу – таким был план российских реформаторов», – утверждает, например, казахстанский автор Асылбек Бисенбаев²³.

Последовавшая с середины 1990-х гг. активизация России в регионе Центральной Азии, хотя и приглушила эти негативные воспоминания, но не могла вычеркнуть из памяти обиду – за то, что эти южные республики открыто именовались в российских публикациях конца 1980-х – начала 1990-х гг. «балластом», были бесцеремонно вытолкнуты из «рублевой зоны», что было продиктовано не столько экономическими, сколько политическими соображениями. Памятуя об этом, центральноазиатские элиты весьма прохладно относятся к запоздалым попыткам Москвы восстановить былое влияние в регионе, что, впрочем, может измениться в положительную сторону уже в среднесрочной перспективе.

Из всех центральноазиатских республик наиболее свободной в целом от перекосов и искажений исторического образа России остается историческая наука Казахстана. Но ученым республики не удастся, тем не менее, избежать соблазна мистификации отдельных эпизодов российско-

²¹ Там же. С. 165.

²² См. интервью М. Мамардашвили «Философия действительности». – Заря Востока. 25.06.1989.

²³ Бисенбаев А. Не вместе. Россия и страны Центральной Азии. Спб.: Питер, 2011. С. 25.

казахского взаимодействия. Так, в начале 1990-х гг. некоторые «специалисты» в Казахстане стали утверждать, что русские как будто нарочно спровоцировали нашествие джунгаров, чтобы затем, под предлогом спасения от этих завоевателей казахов, подчинить их. В особом почете находится в Казахстане новейшая история «освобождения от российского колониализма и воцарения демократии»: ведь первые массовые беспорядки на этнической почве в период «умирания» СССР прошли в декабре 1986 года именно в Алма-Ате, где к 20-летию «декабрьских событий» на улице Желтоксан (бывший проспект Мира) установлен памятник «Желтоксан, 1986»²⁴.

Узбекистан, который, пожалуй, единственным из всех центральноазиатских государств, продекларировал положительное восприятие распада Союза, прилагает, в том числе и на официальном уровне, значительные усилия к тому, чтобы вытравить из памяти народа эпоху, когда узбеки находились «под властью Москвы». Узбекистан – единственная страна Центральной Азии, где существует Музей оккупации. Причем тематика данного музея касается и времен Российской империи. Экспозиция начинается с похода 1714-1717 гг. в Индию Александра Бековича-Черкасского, отряд которого был предательски уничтожен хивинским ханом. Нынешняя узбекская пропаганда выставляет это как первый факт «русской агрессии» против Узбекистана. События 1916 г., когда на территории современного независимого Узбекистана (в Андижане) был поднят мятеж против центральной власти, сопровождавшийся истреблением русского населения, подаются как «национально-освободительное восстание узбекского народа против российской деспотии». Обвиняют Москву и в катастрофе Аральского моря, аргументируя это тем, что советские власти, стремясь получить в Узбекистане больше хлопка, принесли в жертву реки Амударью и Сырдарью²⁵.

Инициированная в Узбекистане «сверху» кампания по уничтожению следов так называемого «колониального наследия» может в последующий период только усилиться. Под «колониальным наследием» властями

²⁴ Филатов Ю. Русские стали меньшинством в Казахстане. 15.04.2011. Источник: <http://www.km.ru/news/russkie-stali-menshinstvom-v-kazakhstan>

²⁵ См.: Балмасов С. Антироссийский реванш в Узбекистане. Опубликовано 10.11.2010 на сайте Правда .ру. Постоянный адрес статьи: <http://www.pravda.ru/world/formerussr/other/10-11-2010/1056751-basmach-0/#>

понимается не только все русское и советское, но и неузбекское вообще. Целенаправленно уничтожается и память об участии узбеков в Великой Отечественной войне. Это словосочетание в Узбекистане негласно запрещено: надлежит использовать только термин «Вторая мировая война». Вместо «Героя Советского Союза» полагается говорить или писать просто «Герой». 9 мая в Узбекистане отмечается как «День памяти и почестей». Началось физическое уничтожение могил и памятников участникам Великой Отечественной войны, а также переименование названных в их честь улиц²⁶. В связи с этим узбекский фотограф-документалист Умида Ахметова отмечает: «Молодежь почти совсем не знает нашей истории, хотя родители в большинстве случаев о ней рассказывают... Узбекистан и Россия достаточно долго были одной страной. И ощущение единой страны у большинства узбеков осталось. Это то же самое, что взять и расчленил человека – конечно, каждая из его частей, может быть, и будет жить, но не так счастливо... Русский язык в больших городах пока еще популярен, в русских школах учится большое количество узбеков»²⁷.

Таким образом, в процессе строительства национального государства Узбекистан обретает тот облик, каким его видит местное руководство, поддерживаемое националистически настроенной элитой. Республика, где власть строго следит за тем, чтобы не возникало межнациональных конфликтов и уж, тем более, не велась открыто антирусская агитация, поощряет курс на стирание тех страниц истории, где говорится о прежних тесных связях Узбекистана с Россией. Есть основания полагать, что этот курс не претерпит существенных изменений и в послекаримовский период.

В отличие от узбекской историографии, которая в целом избегает обсуждения взаимосвязи узбеков и таджиков и отдает предпочтение другим сюжетам (отношению Узбекской ССР к России, положению узбеков в Центральной Азии и Советском Союзе²⁸), в Таджикистане тема

²⁶ Волосевич А. Узбекистан: в Ташкенте ломают мемориал памяти погибших в Великой Отечественной войне. Опубликовано на сайте Фергана.ру 31.01.2011. Постоянный адрес статьи: <http://www.fergananews.com/article.php?id=6884>

²⁷ Умида Ахмедова, фотограф-документалист. Что осталось в Узбекистане от советского прошлого? Пресс-конференция. Опубликовано 11.05.2011 на сайте Лента.ру. Постоянный адрес: <http://www.lenta.ru/conf/ahmedova/>

²⁸ Горак С. В поисках истории Таджикистана: о чем таджикские историки спорят с узбекскими? – Неприкосновенный запас. М., 2009, № 4 (66)

России поднимается историками в основном в контексте сложных узбекско-таджикских отношений. Но и в Таджикистане избавились почти ото всех символов советской эпохи, в том числе памятников Ленину, которые стояли на центральных площадях всех крупных городов и райцентров.

В 1991 г. Ленинабад – крупнейший промышленный и культурный центр страны, получил название Худжанд, исчезли районы Советский и Московский, поменяли названия улицы, носившие имена красных комиссаров и известных советских военачальников периода гражданской войны, русских ученых-подвижников. В опалу попали и русские классики – Толстой, Пушкин, Гоголь²⁹. Так что если в социально-экономическом плане (трудовая миграция в Россию и пр.) и в вопросах поддержания безопасности Таджикистан долго еще будет зависеть от России, то в сфере исторической науки и культуры различия окажутся весьма заметными.

В *Туркменистане* контроль государства над всеми сферами экономической и политической жизни определяет и подходы к «национальной истории», где верх берет *тенденция отстранения от России*, взгляда на взаимоотношения с ней как, скорее, на досадный исторический эпизод, прервавший на время развитие Туркменистана в качестве самостоятельного государства. Так, в Туркменистане ежегодно 12 января отмечают как День памяти (*Natyr a guni*), посвященный защитникам Геок-Тепе, павшим во время осады крепости русскими войсками 130 лет назад; ведется строительство в Геок-Тепе нового музея.

Поскольку во всех республиках Южной Евразии процесс становления национальных государств идет полным ходом, *интерес к истории так называемых титульных наций будет возрастать. Соответственно будет уменьшаться интерес к советской и, тем более, к русской истории* как к явлению, мало затрагивающему жизнь поколений, выросших в новых независимых государствах.

Ведущую роль в создании «национальных историй» сохранит за собой *политическая элита*, заинтересованная в такой трактовке исторических событий, которая поможет реализовать политические цели – укрепление независимого статуса новых государств, в первую очередь. Это обусловит стремление правящих элит отойти от общей истории, связанной с

²⁹ В Таджикистане переименовали улицы Пушкина и Гагарина. Опубликовано 27.04.2011 на сайте Лента.ру. URL: <http://lenta.ru/news/2011/04/27/nogogol/>

Российской империей и СССР³⁰ (отказ от празднования 9 мая, например, и введение новых праздников, связанных с «антиколониальной борьбой», и пр.). *История же станет, как и в советские времена, инструментом политики – только не партии-государства КПСС, а формирующихся национальных государств, создающих собственные «национальные истории».*

Роль языкового фактора

В будущем в восприятии России в странах Южной Евразии на первом месте, как и сегодня, останется русское и российское (советское) искусство – литература, кино, музыка, артисты, театр. Что касается русского языка, роль которого все еще велика, то он долгое время будет служить в качестве языка межнационального общения. Однако по мере того, как в республиках все больший упор будет делаться на развитие национальных традиций, языков и культуры, русский язык может утратить свои позиции. Хотя в «верхах» южнокавказских и центральноазиатских государств русский язык еще в ходу, можно наблюдать, как его повсеместно теснит английский язык. Дети современных элит в постсоветских государствах Юга стремятся получать образование в американских и европейских университетах, а стереотипы массовой американской культуры все прочнее проникают в жизнь местных обществ. Все эти явления, впрочем, можно наблюдать во всем мире, в том числе в России.

Процесс «избавления» от русского языка наиболее целенаправленно и активно проводится властями *Грузии*, где, особенно после августа 2008 года, не только антироссийский, но и антирусский тренд стал компонентой официальной политики. В будущем – если сохранится одномерно прозападный, проамериканский тренд грузинской политики – русский язык будет играть все менее заметную роль в обществе, а языком политической элиты, образованных классов станет, наряду с грузинским, английский. Подобное предположение основывается хотя бы на таком факте: в Грузии из основной школьной программы для учеников младших классов изымают русский язык, а начиная с 1 сентября 2011 года, первоклассникам в обязательном порядке будут преподавать английский

³⁰ *Абдилдабекова А. М.* Влияние российской колониальной политики на традиционное казахское общество в трудах казахской интеллигенции начала XXI в. – Казахстан-Спектр, Астана, 2010, № 2 (52). С. 132-139.

язык. Любой другой язык школьники смогут изучать после 7 класса. В Грузии запрещен показ фильмов на русском языке. Киноленты должны показываться или на языке оригинала с субтитрами, или в переводе на грузинский язык. Те же нормы введены и на грузинском телевидении.

В *Армении* и *Азербайджане* сознательной политики, как в Грузии, по вытеснению русского языка не ведется, и русский язык имеет в этих республиках широкое хождение, оставаясь фактором повседневной жизни, а также культурной, политической и образовательной сфер. Однако уже в наши дни употребление русского языка и в Армении и в Азербайджане сокращается, а в перспективе нельзя исключить и его значительного вытеснения из жизни местных обществ.

Это обусловлено тем, что процесс становления национальной идентичности будет сопровождаться более углубленным, чем это было в советские времена, обращением к собственному национальному культурному наследию, важной компонентой которого является язык. Делопроизводство, юриспруденция, управление и пр. будут вестись на местных языках, а не на русском, как это случалось часто ранее. Распространение русского языка в Армении и Азербайджане может снизиться и вследствие массивной англоязычной культурной экспансии – через школы, университеты, масс-медиа и пр. Наиболее вероятными объектами воздействия этой культурной экспансии станут местные элиты.

Следует учитывать и давние намерения Турецкой Республики активизировать политику в отношении тюркоязычных народов. Мощный импульс этой политике придан нынешними турецкими руководителями, принадлежащими к Партии справедливости и развития. Поэтому еще одним конкурентом русскому языку, русской культуре в Азербайджане может стать турецкий язык. Тем временем в Армении фарсиязычная культура, продвигаемая подспудно Ираном наравне с контактами в социально-экономической сфере, едва ли сможет стать серьезным фактором общественно-политической и культурной жизни или же альтернативой русскоязычной культурной традиции. Причин несколько: во-первых, религиозная несовместимость шиитского Ирана и христианской Армении, базирующейся, как и Россия, на мощной традиции восточного христианства (с его армяно-григорианской ветвью в Армении и православием в России); во-вторых, укоренение в армянском обществе

«собственного» языка с невозможностью отторжения его от национальной идентичности.

В *Центральной Азии* уже нанесен сильный удар по всему русскому культурному пространству, которое имеет тенденцию к сжатию. В основном негативно здесь воспринят Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», принятый Государственной Думой РФ 9 июля 2010 г. и одобренный Советом Федерации 14 июля того же года.

С одной стороны, закон насторожил местных националистов, которые опасаются, что он может стимулировать борьбу русских за «русский вопрос» в центральноазиатских республиках и особенно в Казахстане, где больше всего этнических русских и русскоговорящих. С другой стороны, на государственном уровне Центральная Азия отвечает на этот закон мерами по стимулированию развития местных языков. Так, правительству Казахстана представлена уже госпрограмма развития языков до 2020 г. В соответствие с ней, Казахстан будет активно развивать казахский язык, а русский, по мнению министра культуры Мухтара Кул-Мухаммеда, должен будет всего лишь «сохранить свои позиции в общественной жизни республики», не говоря о том, что «русский не может быть президентом казахов». По прогнозам министра, если программа будет реализована, уже через 10 лет доля казахстанцев, владеющих государственным (казахским) языком, достигнет 95%³¹.

Интерес в связи с «языковым вопросом» в Казахстане представляют и высказывания вице-президента Казахстанского центра гуманитарно-политической конъюнктуры Талгата Мамираимова. Признавая, что «русский язык и культура еще долгое время будут занимать существенные позиции» в Казахстане, Мамираимов считает, что «языковый вопрос» содержит, тем не менее, «большой конфликтогенный потенциал», обусловленный главным образом политическими факторами. «Действующая власть насквозь интернационализована, русифицирована и теряет всяческую связь с основополагающими элементами своей этничности, - утверждает Мамираимов. - Этому во многом способствует ее (власти) тесная связь с зарубежными геополитическими и геоэкономическими кругам... Усиление геополитического и геоэкономического присутствия России в нашей стране все больше и

³¹ Россия на постсоветском пространстве: Итоги 2010 года. Опубликовано 15.12.2010. URL: <http://www.regnum.ru/news/1356421.html>

больше будут усугублять такое положение вещей. Это неминуемо может выдвинуть языковой вопрос на позиции основного фактора не только противостояния власти и широких кругов казахского народа, но и также крупных межэтнических столкновений на основе роста, например, альтернативных требований повышения статуса русского языка. Такая перспектива не за горами ввиду продолжающейся интеграции Казахстана с Россией в различных ее формах... Языковая модернизация в нашей стране в тех исторических условиях, в которых мы оказались, является одним из необходимых составных элементов защиты и реализации коренных национальных интересов Казахстана. И суть этой языковой модернизации заключается в обретении казахским языком полноценного статуса государственного языка»³².

Схожие настроения в отношении русского языка можно наблюдать и в другом крупном центральноазиатском государстве – Узбекистане, который строит свою государственность, исходя из национальных принципов, что создает очень сложные условия для развития русского языка, который постепенно все больше уходит из обращения.

Можно предположить, что элита в странах Центральной Азии и Южного Кавказа – политическая, культурная, научная – долго еще не откажется от употребления русского языка. Но в более низких стратах общества, особенно в его быстро разрастающихся маргинальных слоях, русский язык постепенно уйдет из обращения. Одной из причин станет резкое сокращение числа образованных, то есть закончивших не то что среднюю, но начальную школу. Трудно не заметить, что такая удручающая картина не идет ни в какое сравнение со столь сильно критикуемыми ныне во всех республиках Юга временами СССР, в котором *всеобщее среднее образование было обязательным*. Уже сегодня среди трудовых мигрантов, приезжающих в Россию из Узбекистана и Кыргызстана все больше тех, кто не говорит по-русски.

Особенности восприятия отдельных направлений политики России

Отношение к России *элит* будет меняться. Если их старая формация – периода 1990-х гг. хотя бы ментально близка к первым постсоветским

³² Талгат Мамираимов: Референдум по продлению полномочий Назарбаева до 2020 года и угроза деспотизма. Опубликовано 20.01.2011 на сайте Регнум.ру. Постоянный адрес: <http://www.regnum.ru/news/1366322.html>

деятелям РФ, то новое поколение закавказских и центральноазиатских элит, сформировавшихся в условиях независимости, будет отличать в массе своей все большее отчуждение от России, и более всего это станет ощутимым в культурном плане.

Оценивая геоэкономическое и геополитическое влияние России в мире в целом, элиты (включая и правящие), часть экспертного сообщества и СМИ в странах Юга *скептически относятся к идее «Россия – великая держава».*

Они исходят из устоявшегося в мире мнения, что Россия утратила свой великодержавный статус и давно переместилась на вторые роли в мировой политике. Речь идет о том, что Россия ослаблена экономически, что ее экономка основана только на продаже энергоресурсов, что ее население катастрофически сокращается, и она не может претендовать на то, чтобы быть мировым лидером.

Поэтому в дальнейшем, если в российской политике кардинально ничего не поменяется, Россия будет восприниматься в странах постсоветского Юга как региональное государство, имеющее значительно более ограниченное по сравнению с США или Китаем влияние на ход событий в мире. К этому выводу правящие господствующие группы в Центральной Азии и на Южном Кавказе может подтолкнуть поведение российской элиты, незначительное влияние на мировые события российской дипломатии, играющей часто несамостоятельную роль. Эти и другие факторы приводятся как доказательство того, что Россия вообще не в состоянии вернуть себе статус одного из «держателей» мировой политики, которым обладал в годы своего могущества и расцвета СССР.

Крайне настороженно воспринимается практически во всех постсоветских республиках Юга идея о «привилегированных российских интересах», которая отражена в ряде официальных документов Российской Федерации, в выступлениях некоторых ее политиков и общественных деятелей. Их рассуждения о «цивилизационном единстве», об «общности исторических судеб» народов бывшего Советского Союза разделяют далеко не все представители политического класса и научно-экспертного сообщества в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа. Некоторых вообще пугает идея о привилегированных интересах России, которая и в дальнейшем будет расцениваться отдельными политиками и экспертами как проявление колониальных и даже империалистических устремлений.

Раздражение в центральноазиатских государствах будут вызывать и попытки России поставить вопрос о правах русских. К примеру, показанный по российскому телевидению 24 апреля 2011 года документальный фильм «Без России», где рассказывалось о судьбе русских в Киргизии и Узбекистане, вызвал в этих республиках взрыв возмущения. Россию обвинили в том, что она под предлогом защиты прав соотечественников осуществляет вмешательство во внутренние дела республик, хотя создатели фильма не ставили подобной цели.

В целом же, проблема русского населения в странах Центральной Азии неизбежно в том или ином виде встанет перед российскими властями, особенно если предположить возможность ухудшения конфликтной обстановки в регионе. Важно и то, что российской «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом»³³ за те годы, пока она действует, воспользовались немногие, поскольку она мало что дает в практическом плане и не гарантирует, как отмечают некоторые эксперты, быстрого предоставления гражданства и трудоустройства»³⁴.

Что касается критики российских СМИ, которых и сегодня обвиняют в распространении безнравственности и аморальности, то она в отдельных республиках Юга, возможно, примет устойчивый характер. Частично эта критика будет связана с тем, что показанные сюжеты будут противоречить принятым в местных традиционных обществах (несмотря на быстрые темпы их урбанизации) нормам морали и нравственности. Частично критика российского ТВ будет обусловлена в странах, где сохранятся авторитарные режимы и цензура в отношении СМИ, нелицеприятным освещением в ряде случаев каких-то ситуаций, связанных с «закрытыми» темами (неблагополучное положение русских или же представителей других «нетитульных наций», протестные движения, выступления оппозиции, нарушение прав человека и т.п.). В ряде стран (Узбекистан, Туркменистан, Грузия) по политическим причинам сохранится запрет на централизованную ретрансляцию российского ТВ, а также некоторых российских телевизионных каналов.

³³ Она утверждена Указом Президента Российской Федерации 22 июня 2006 г. за номером 637 и опубликована на официальном сайте Федеральной миграционной службы России. Постоянный адрес: <http://www.gov.ru/programs/msuds/files/gosprg.pdf>

³⁴ Кто спасет узбекских русских? Опубликовано 28.04.2011 на сайте Правда. Ру. URL: <http://www.pravda.ru/world/formerussr/other/28-04-2011/1075275-tashk-0/#>

Отношение к России элит Южного Кавказа будет определяться, главным образом, результатами ее участия в решении внутренних кавказских проблем. В Армении, по всей видимости, будут превалировать преимущественно позитивные трактовки этого участия, в Грузии – негативные, а в Азербайджане – смешанные, иногда (в зависимости от складывающейся конъюнктуры) с перевесом в сторону негативного восприятия России. Эскалация напряженности между Арменией и Азербайджаном в связи с конфликтом из-за Нагорного Карабаха, а Грузии и России из-за Южной Осетии и Абхазии будет придавать такому сложившемуся стереотипному восприятию устойчивый характер.

Урегулирование отношений с РФ останется главной темой дискуссий в общественно-политических кругах Грузии. Эта проблема будет волновать как простых граждан, так и политиков, ученых, экспертов, и, естественно, власти. С учетом того, что грузинская политическая элита, как проправительственная, так и оппозиционная, единодушна в непризнании результатов войны августа 2008 г., завершившейся отторжением от Грузии Южной Осетии и Абхазии, наладить диалог с Россией без решения этого вопроса будет весьма проблематично любой политической силе Грузии. Несмотря на то, что какие-то из них придут к выводу, что без урегулирования отношений с Россией невозможным будет объединение страны. Грузии, скорее всего, не удастся вернуть Южную Осетию и Абхазию, однако и Россия не будет в таком случае восприниматься в Грузии как дружественная страна, и в «поясе добрососедства», которым российское руководство намеревается опоясать СНГ, такое важное звено, как Грузия, будет отсутствовать.

Антироссийская риторика официального Тбилиси послужит еще инструментом сохранения власти действующего президента и его возможных преемников. Одним своим острием антироссийская пропаганда будет направлена на грузинское общество, поскольку наличием внешнего врага в лице России можно будет оправдать провалы и просчеты внутренней политики, социальные и экономические тяготы, удерживать народ от протестных выступлений и эффективно нейтрализовывать оппозицию, обвиняя ее в «предательстве нации».

Для поддержания ситуации в Грузии в режиме «осажденной крепости» официальный Тбилиси и дальше будет время от времени раздувать «шпионские скандалы», делать все возможное, чтобы демонизировать Россию и тем самым консолидировать режим. Антироссийский тренд во

внешней политике нужен будет правящей верхушке Грузии и для того, чтобы добиваться от США, НАТО и Евросоюза преференций и дотаций, тем более что на Западе сохранится немало политиков, традиционно не доверяющих России, симпатизирующих Грузии и рассматривающих ее как жертву российского «империализма».

Для политических и деловых элит *Центральной Азии* наиболее чувствительным моментом в их восприятии России останется ее *подход к проблеме водопользования*.

Россия, по всей вероятности, не пойдет на уступки в вопросе переброски в Центральную Азию сибирских рек и не будет брать чью-либо сторону в спорах относительно строительства новых гидроэлектростанций (сегодня эта проблема разделяет Узбекистан, Казахстан и Туркменистан, с одной стороны, и Таджикистан с Киргизией – с другой). Такая политика сделает Москву удобной мишенью для критических выступлений. Как и сейчас, Россию будут обвинять в непонимании ситуации и игре на стороне противника (например, Узбекистана против Таджикистана и наоборот). Не исключены и обвинения России в попытках давления на своих соседей, использования водной проблемы в далеко идущих планах доминирования над регионом, страны которого Россия намерена, якобы, ввергнуть «в пучину хаоса и противоречий»³⁵.

Среди других проблем, которые способны будут вызывать недовольство этих элит, останется позиция России по *предоставлению помощи развивающимся государствам Юга*. В странах-экспортерах энергоносителей раздражение контролирующих эту сферу высших должностных лиц и руководителей нефтяных и газовых компаний будет вызывать стремление России монополизировать транспортировку энергоносителей.

Военное сотрудничество с Россией будет рассматриваться некоторыми политическими и военными элитами сквозь призму стереотипных представлений о том, что Россия, опираясь на свое военное присутствие, якобы, намеревается покончить с независимостью государств Центральной Азии и Южного Кавказа, вновь подчинить их в рамках воссозданного СССР.

³⁵ Гуломшоев Д. Кто пытается дестабилизировать обстановку в Средней Азии? Фрагментируя регион, Россия безвозвратно его потеряет. – Белый Парус, Бишкек, 11.12.2010. URL: <http://www.paruskg.info/2010/12/11/36706#more-36706>

В то же время, в свете предстоящего сокращения в Афганистане международного военного присутствия Россия может быть подвергнута критике за то, что она уделяет недостаточное внимание поддержанию безопасности в Центральной Азии. Эта критика со стороны Узбекистана может возрасти в том случае, если находящийся в Таджикистане российский воинский контингент (201-ая дивизия) не помешает перемещению боевиков на территорию суверенных государств региона, особенно Узбекистана.

Учитывая, что некоторые представители центральноазиатских элит, экспертного сообщества и СМИ уже подвергли Россию (и ОДКБ) критике за невмешательство в межэтнические столкновения в Киргизии летом 2010 г., Россия может столкнуться с трудностями в вопросе расширения своего военного базирования в регионе. Рядом местных экспертов и политиков в наши дни оно оценивается как не вполне эффективное. Есть и весьма радикальные высказывания, характеризующие российскую политику в регионе как «провальную» и утверждающие, что «единственный щит, прикрывающий государства региона с юга, окрашен в цвета американского флага»³⁶. Такого рода высказывания выглядят весьма симптоматичными на фоне недавно озвученных планов НАТО по расширению в ближайшее десятилетие своего присутствия в Каспийско-Черноморском регионе.

Очевидно, что на идейно-политические установки политического класса в странах Центральной Азии и Южного Кавказа преимущественное влияние будут по-прежнему оказывать ведущие общемировые тенденции:

- сохраняющееся за США военно-политическое и экономическое преимущество в сравнении с другими странами;
- экономическое возвышение Китая и его превращение в новую мировую державу.

В то же время элиты постсоветских государств Юга будут еще какое-то время заинтересованы в развитии отношений с Россией, которая в Центральной Азии будет рассматриваться как весомый противовес китайской экспансии, а на Южном Кавказе – турецкой и иранской.

Что касается широких слоев общества практически всех стран Южного Кавказа и особенно Центральной Азии, то для них Россия останется наиболее привлекательной страной в бывшем СССР. Другое дело, что проявление русскими националистами нетерпимости к представителям

³⁶ Бисенбаев А. Указ. соч. С. 95.

других наций будет здесь стабильно вызывать отторжение. Тем не менее, Россия останется объектом для потенциальной миграции, особенно трудовой (временной или постоянной), местом получения высшего образования. Наиболее привлекательной, с точки зрения миграции, Россия будет, прежде всего, для жителей Таджикистана, Киргизии, Армении. Российский вектор останется неизменным для жителей Армении даже в случае нормализации армяно-турецких отношений. Что касается Таджикистана и Киргизии, то для них альтернативой России может стать, Казахстан и Афганистан, если, разумеется, там после вывода сил многонациональной коалиции воцарится стабильность.

Наиболее негативно восприниматься Россия будет как элитами, так и обществом, в Грузии: она по степени неприятия России займет равные позиции со странами Прибалтики, которые останутся в бывшем СССР «чемпионами» по отторжению от России, переходящему порой во враждебность.

Перспективы сотрудничества с Россией оцениваются в разных странах по-разному, однако уже сегодня можно обозначить страны, для которых это сотрудничество выглядит наиболее предпочтительным. Первое место занимает Казахстан, где, по оценке профессора И.А.Черных, Россия стоит на первом месте в ряду внешнеполитических предпочтений (48% опрошенных), которые считают, что сотрудничество с Россией в наибольшей степени отвечает национальным интересам республики³⁷.

Все другие постсоветские государства Юга в основном позитивно будут воспринимать Россию, которой они при установлении экономических и политических связей отдадут приоритет. Почти повсеместно это будет происходить параллельно с поддержанием контактов с Евросоюзом, США, Китаем, Турцией, рядом других азиатских и ближневосточных государств, близких народам Центральной Азии или Южного Кавказа по языку, религии и культуре.

Отторжение в этих регионах России или симпатии к ней будут обусловлены разными группами факторов, а иногда одни и те же факторы, касающиеся политики России в регионе, будут, как и в наши дни, вызывать одобрение одних стран и недовольство других. Заметнее всего это проявится в оценках политики России по урегулированию конфликтов

³⁷ Черных И. А. Внешнеполитические предпочтения казахстанцев (по материалам социологических опросов). Презентация, сделанная на втором заседании Казахстанско-российского экспертного совета «Экономическое и политическое сотрудничество Казахстана и России (1991-2011 гг.): состояние и перспективы». Москва, ИМЭМО РАН, 14 февраля 2011 г.

– комплекса мер, подходов и позиций, связанных с их предупреждением, урегулированием и разрешением.

Миротворческая политика России: подходы и оценки

Миротворческие усилия России, а также ее посреднические миссии в конфликтах будут восприниматься в странах Южного Кавказа и Центральной Азии неоднозначно. По мнению ряда экспертов и политиков, российское миротворчество не ведет к стабильности и даже напротив – оно способствует росту напряженности и эскалации конфликтов. Такое ощущение угрозы со стороны северного соседа существенно возросло после войны России с Грузией в августе 2008 г., причем не только в Грузии, что естественно, но и в Армении, Азербайджане, Таджикистане. В Грузии, в частности, есть немало тех, кто полагает, что именно российские миротворцы способствовали радикализации позиции руководителей Абхазии и Южной Осетии. В целом же, вне зависимости от того, какой политический расклад будет в Грузии, вопрос об отколовшихся территориях, признанных Россией, останется камнем преткновения в отношениях с ней, несмотря на истощение Грузии в военном, экономическом и психологическом планах.

Сохранится критический настрой и в отношении других направлений российского миротворчества. Этому также немало способствовал конфликт августа 2008 г. с Грузией и признание затем Россией Южной Осетии и Абхазии – то есть действий, негативно воспринятых в целом не только в регионе Южного Кавказа, но и в Центральной Азии. Местным правящим элитам пришлось не по вкусу «брутальные», как писали в то время некоторые СМИ, действия российского руководства в отношении Грузии, а также и то, что Россия, как то виделось в регионах Юга, посылая всем остальным республикам СНГ сигналы о последствиях антироссийского дрейфа. Не устроило большую часть политических элит в странах Южного Кавказа и Центральной Азии обострение в 2008 г. диалога США – Россия, которое поставило руководителей государств перед сложной дилеммой выбора между двумя выгодными стратегическими партнерами.

Позиция России по *карабахской проблеме* будет в основном формировать восприятие армянской элитой и всего общества внешней политики РФ.

Обращает на себя внимание также и то, что в Армении, являющейся стратегическим партнером России, беспокойство вызывает ее Программа по оказанию содействия добровольному переселению русскоговорящего населения в РФ, так как это может способствовать оттоку из Армении наиболее квалифицированных кадров и военнослужащих.

Азербайджанские власти в качестве мерила лояльности к себе России также будут в основном использовать ее позицию по карабахскому конфликту. Так, 25 апреля 2011 г. министр иностранных дел Азербайджана Эльмар Мамедъяров высоко отозвался о президенте РФ Дмитрии Медведеве, который «лично включился в работу по урегулированию затяжного нагорно-карабахского конфликта». На взгляд политолога Сулхаддина Акпера, возглавляющего Ассоциацию азербайджано-атлантического сотрудничества, единственным и самым главным фактором в стратегических расчетах азербайджанских властей является Россия³⁸.

Не исключено, что в случае возобновления боевых действий в зоне Нагорного Карабаха, что, разумеется, нежелательно ни для конфликтующих сторон, ни для самой России, ее, как и раньше, станут обвинять в поддержке то одной, то другой стороны. Однако в целом Армения более позитивно будет оценивать подходы России к разрешению Нагорно-Карабахского конфликта, поскольку в восприятии элит и общества Армении Россия и дальше будет рассматриваться как основной гарант безопасности страны. В Азербайджане же отношение многих представителей элиты, СМИ и общества к роли России в конфликте будет критичнее, и Москву чаще будут подозревать в предвзятости, необъективности и игре на стороне Армении, что едва ли окажется справедливым. Ведь для России Южный Кавказ останется в первую очередь продолжением ее северокавказской политики, и именно этим фактором будут обусловлены притязания России на роль основного посредника в территориальном споре между Арменией и Азербайджаном. Россия по-прежнему будет заинтересована в налаживании стратегического партнерства с Азербайджаном. Сохранит она и прежний уровень тесных отношений со своим историческим союзником в регионе – Арменией. При этом Россия, укрепляя сотрудничество и с Ереваном и с Баку, будет предлагать новые схемы урегулирования ситуации вокруг Нагорного Карабаха.

³⁸ Азербайджан: Военные связи между США и Баку пребывают в состоянии застоя – эксперты. Опубликовано 26.04.2011 на сайте Eurasianot.org. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/58653>

Однако поскольку подходы руководителей Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха к перспективам урегулирования этого «замороженного» с 2004 г. конфликта остаются взаимоисключающими, надежды на его мирное решение или же нахождение в перспективе компромисса маловероятно. А потому Россия, несмотря на то, что доверие к ней как к посреднику сохранится и в будущем (в случае если ее нынешняя сбалансированная позиция в конфликте останется неизменной), не сможет переломить ситуацию, добиться примирения сторон, что, впрочем, вряд ли будет под силу кому бы то ни было еще. Ведь основная проблема на пути урегулирования этого конфликта – бескомпромиссность сторон, а не внешнее воздействие. Но если Нагорно-Карабахский конфликт вновь перейдет в «горячую фазу», он затронет не только Армению и Азербайджан, но и Грузию, Россию, Турцию, Иран, а также производство нефти и газа в зоне Каспийского моря. Исходя из этого, все посредники, включая Россию, будут стремиться к достижению договора по Южному Кавказу, согласно которому он может стать нейтральной зоной, где будут учтены интересы всех стран региона.

Интеграция и Таможенный союз: что принимается, а что отторгается

Хотя изначально все постсоветские республики обладали преимущественными стартовыми возможностями в сравнении с рядом других интеграционных групп – Евросоюзом или АСЕАН, они не сумели в полной мере воспользоваться этим. Тормозом на пути интеграционных процессов в СНГ является изначально заложенная в основание этого объединения идеология «цивилизованного развода». Объективно препятствует интеграции и фактически не прерывавшийся с 1990-х гг. курс Российской Федерации на преимущественное развитие отношений с Западом. Наконец, неудачи интеграции обусловлены тем, что национальные элиты в новых независимых государствах Юга на передний план выдвигают задачу упрочения обретенного суверенитета, а почти тотальный государственный контроль над экономикой идет иногда даже в ущерб чисто экономической целесообразности. Так что, поддерживая объединительные идеи на словах, на практике постсоветские руководители в странах Южного Кавказа и Центральной Азии и дальше будут усматривать в интеграционных инициативах – особенно, если они будут

исходить от более сильной России – угрозу собственным интересам, как экономическим, так и политическим, что чревато пробуксовкой большинства интеграционных проектов.

Россия останется центром притяжения и будет рассматриваться как наиболее предпочтительный интеграционный партнер политическими элитами Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Для Грузии и Азербайджана, практически ушедших из зоны влияния России, интеграция с ней не будет, скорее всего, рассматриваться и в расчет будут приняты совсем другие направления интеграции: в политико-экономическом аспекте – Евросоюз, а в военном – НАТО.

Интеграционные инициативы России на постсоветском пространстве и дальше будут вызывать в южных республиках страхи по поводу возможного возрождения в том или ином виде Советского Союза. Простые граждане там (как и в России) воспримут интеграционные процессы позитивно, поскольку интеграция во многом будет ассоциироваться в их сознании с относительно благополучными, а главное стабильными и предсказуемыми временами советской эпохи, когда государство более успешно выполняло свою социальную функцию. А вот у политических (правящих) элит отношение к интеграции останется более критичным; они будут опасаться возможной реставрации влияния Москвы и, следовательно, утраты своих властных полномочий. Для деловых кругов в центральноазиатских и южнокавказских государствах конкуренция со стороны российских компаний и продвигаемой ими на местные рынки продукции также может оказаться нежелательной.

Расхождения в понимании интеграции можно проследить на примере отношения к Таможенному союзу (ТС) элит, экспертного сообщества и СМИ постсоветских государств Юга. Одни рассматривают его как будущий локомотив консолидации республик, ранее входивших в СССР, другие – как тормоз на пути модернизации и прогресса. Не вполне отчетливо просматриваются в связи с этим и формат участия, помимо Казахстана, других государств Юга в Таможенном союзе.

Договор о его создании был подписан главами государств Белоруссии, Казахстана и России 27 ноября 2009 года в Минске, а 1 июля 2010 года вступил в силу Таможенный кодекс. Законы «О ратификации договора о Таможенном кодексе Таможенного союза» и «О ратификации протокола о внесении изменений и дополнений в договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года» были в июне 2010 г.

подписаны президентом Н. Назарбаевым, что подразумевало создание единой таможенной территории, при том, что национальные таможенные кодексы должны продолжить действовать и регулировать целый ряд вопросов.

В середине 2009 года Россия, Белоруссия и Казахстан договорились о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО) в качестве единой таможенной территории. Были проведены соответствующие консультации со специалистами Организации. Затем, однако, Россия решила стать членом ВТО прежде, чем будет создан общий рынок с Казахстаном и Белоруссией, так что в наши дни речь идет не о коллективном присоединении к ВТО участников ТС, как это планировалось изначально, а их вхождению в эту международную организацию по отдельности.

Казахстан, как и Россия, интенсифицировал усилия по вступлению в ВТО. Членство в этой международной организации рассматривается Астаной как важный инструмент модернизации экономики республики, увеличения ее конкурентоспособности на мировых рынках. Если Россия станет членом ВТО в 2012 г., а Казахстан вступит в нее в ближайшем будущем или вплотную подойдет к этой цели, то торговые отношения между ними будут строиться по правилам этой организации, в рамках которой региональным системам типа Таможенного союза места не предусмотрено. В случае, если кризис в краткосрочной перспективе завершится, и ключевым мотором мировой экономики вновь станут США, то вступление в ВТО принесет Казахстану и России выгоды. Но если, как предсказывает ряд экономистов, кризис затянется и выход из него займет годы, то Таможенный союз может оказаться спасительным кругом для экономик его участников.

Пока же с запуском Таможенного союза внешние границы за исключением российско-казахстанской стали внешними границами этого союза, который содержит в себе и военно-оборонительную составляющую, и она может быть использована в будущем как Россией, так и Казахстаном. То есть для России Таможенный союз во многом превращается в инструмент защиты своих национальных интересов в переговорах с Западом, с одной стороны, и от Китая, с другой, поскольку вступление в перспективе Казахстана в ВТО откроет российский рынок в первую очередь для китайских товаров.

Казахстан оборонительную функцию Таможенного союза усматривает в защите своей национальной экономики не только от ВТО, но и от

китайской экспансии: она широко проявляется и на двустороннем уровне китайско-казахстанских отношений, и в рамках Шанхайской организации сотрудничества, в рамках которой именно Китай продвигает идею создания зоны свободной торговли.

Стремление Кыргызстана присоединиться к Таможенному союзу также укладывается в рамки оборонительной миссии этого объединения, хотя имеются серьезные опасения, что нестабильный в политическом отношении Кыргызстан, экономика которого переживает кризисную фазу и по-прежнему подвержена массивному воздействию Китая, будет угрожать жизнеспособности ТС.

Проявляя заинтересованность в создании Таможенного союза как своеобразной оборонительной системы, Россия и Казахстан пытаются строить ее с учетом своих собственных интересов, не всегда и не во всем совпадающих друг с другом. Естественно, что ни в то время, когда Таможенный союз затевался, ни в наши дни в Казахстане и России не смолкают споры вокруг этого нового образования.

Поскольку тесная экономическая интеграция достигается ценой определенных ограничений суверенитета стран-союзниц в пользу наднациональных органов, в Казахстане выражают озабоченность по поводу того, насколько эти наднациональные органы будут соблюдать общие интересы. В Казахстане опасаются и того, что в ТС, который объединит очень разные по емкости рынка и по структуре экономики страны, Казахстану не удастся в полной мере отстаивать собственные интересы, учитывая абсолютное экономическое доминирование России. Рассматривается и такой риск, как возможность для Казахстана поступиться не только экономическими, но и политическими интересами. Высказываются и опасения, что Таможенный союз, так и не успев заработать в полную силу, может распасться.

Некоторые в Казахстане утверждают, что для него речь может идти о совместном, равноправном сближении его экономики с российской. Россию же подозревают в том, что она больше заинтересована в интеграции Казахстана в российскую экономику, и что это может стать предпосылкой для последующей политической интеграции, которая поглотит Казахстан как независимое государство. Потомок известного писателя Мурат Ауэзов, вставший в ряды последователей деколонизации Казахстана, заявляет, что «нынешние процессы вхождения в Таможенный

союз и создание ЕЭП могут привести к реанимации «колониального пространства»³⁹.

Многие казахстанские эксперты полагают также, что для России Таможенный союз — больше дань политической конъюнктуре, нежели экономическая целесообразность, и в отличие от Казахстана ТС для России имеет больше геополитическое значение. «Таможенный союз, по сути, является последним козырем в руках Кремля, который пытается уравновесить позиции в диалоге с Западом», — утверждает близкое к правительственным кругам информационно-аналитическое издание Казахстана «Эксклюзив». — «Россия так и не избавилась от комплекса 'старшего брата' и неоимперских подходов в отношениях с так называемым 'ближним зарубежьем'. В частности, данная политика сводилась лишь к условному признанию самостоятельности и независимости стран, возникших на почве СССР, не совсем обоснованным утверждениям, будто соседи по СНГ находятся чуть ли не на иждивении России, заявлениям о некой особой миссии Кремля на постсоветском пространстве. ... Ставка на грубую силу и диктат, которые мерещились как кратчайший путь к восстановлению державного статуса, себя не оправдала. Как итог, из прежде 11 стран СНГ относительную лояльность к Кремлю сохраняют лишь Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. И то последние два делают это в расчете на пряники от российской политики, хотя она все чаще заменяется кнутом»⁴⁰.

По мнению казахстанских экспертов, в последнее время Россия нередко пользуется торговлей в качестве геополитического инструмента. Критику вызывает и позиция России в отношении бывших советских республик (Грузия, прибалтийские страны), попавших в ВТО раньше России и ставивших препону для ее проникновения туда. Неудачами России в отношениях с этими государствами, объясняют в Казахстане интерес России к ТС, с помощью которого, как считают казахстанские эксперты, она надеется упредить нежелательное для нее развитие событий в ВТО.

Власти Казахстана критикуют в местных СМИ за то, что они не привели достаточно веских аргументов в пользу вступления страны в Таможенный союз, а ограничились лишь общими и неконкретными декларациями

³⁹ *Филатов Ю.* Русские стали меньшинством в Казахстане. 15.04.2011. Постоянный адрес статьи: <http://www.km.ru/news/russkie-stali-menshinstvom-v-kazakhstane>

⁴⁰ А и Б сидели на трубе. - Эксклюзив, №11 (104), ноябрь 2010.

сторонников присоединения Казахстана к ТС. Указывают в Казахстане и на серьезный информационный дефицит в отношении условий членства в ТС – на отсутствие достоверной и полной информации в отношении применяемых тарифов, анализа совокупных потерь и приобретений по каждой товарной позиции. Это, как полагают критики властей, затрудняет планирование для предпринимателей, ведет к появлению противоречивых мнений.

Высказывая сомнения относительно пользы Таможенного союза, ряд политиков и представителей экспертного сообщества в Казахстане так и не пришли к единому мнению относительно того, выгодно ли это интеграционное объединение Казахстану, вызвана ли данная интеграционная инициатива Москвы реальными экономическими предпосылками или же это чисто политическое решение, которое Россия навязывает к своей выгоде другим странам и Казахстану, в частности.

Сам факт вхождения Казахстана в Таможенный союз вызвал активизацию оппозиционных и националистических антироссийских сил в республике. В конце марта 2010 г. национал-патриотическая оппозиция, по сути, поставила президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву и премьер-министру Кариму Масимову ультиматум, потребовав отказаться от вступления Казахстана в Таможенный союз. В заявлении, подписанном представителями более 60 партий и организаций, говорилось, что вступление Казахстана в Таможенный союз положит конец независимому существованию страны – «сначала утрату таможенной независимости, потом независимости монетарной политики, а потом и политической независимости»⁴¹. Оппозиционеры утверждали также, что в Таможенном союзе «кардинальные преимущества России неизбежно выльются в ползучую экспансию против нашей неокрепшей экономики, крайне неразвитого отечественного производства, независимое существование Казахстана будет поставлено на край окончательной гибели. Перед лицом столь масштабной угрозы национальным интересам Казахстана мы считаем необходимым объявить мораторий на продолжение работы нашей страны в составе Таможенного союза, и еще раз взвесить все последствия принимаемых решений»⁴². В случае невыполнения своих требований оппозиционные деятели пригрозили провести акции гражданского

⁴¹ *Логинов А.* Бунт духовных инвалидов? – Контур (Казахстан). 21.04.10. URL: <http://www.contur.kz/node/1283>

⁴² *Адилев Т.* Провокация или большая игра? – Контур. 11.06.2010. URL: <http://www.contur.kz/node/1345>

протеста, поставить вопрос об отставке руководства страны и проведения досрочных выборов президента и парламента Казахстана.

Ответом на этот демарш явилось выступление советника президента Н. Назарбаева Ермухамета Ертусбаева, который четко обозначил официальную точку зрения по вопросу Таможенного союза, подчеркнув, что официальная Астана расценивает как провокацию заявления оппозиции относительно того, что Россия под предлогом создания Таможенного союза ищет возможности подчинить себе бывшие советские республике по типу СССР. Сама же оппозиция в Казахстане, заявил Ертусбаев, не имеет никакой серьезной базы и перспективы и использует противодействие идее создания Таможенного Союза исключительно в целях собственного политического пиара.

Что касается казахстанских производителей, то они опасаются вытеснения с местных рынков их собственной товарной продукции российскими (и белорусскими) товарами, разорением под влиянием этого местных компаний, ограничения их доступа из-за возможного роста цен к качественным товарам Евросоюза, США, Азии.

В отличие от СМИ, которые часто отражают взгляды финансирующих их бизнес-структур, вывод о том, что Таможенный союз больше всего отвечает интересам России, поддерживает, по данным И. Черных⁴³, в Казахстане лишь незначительное меньшинство населения; практически каждый шестой из опрошенных полагает, что ТС отвечает интересам всего народа Казахстана.

Можно предположить, что создание такого крупного регионального объединения, каким является Таможенный союз, сулит входящим в него странам и потенциальным участникам ценностную стратегическую перспективу. Практически Россия создает вместе с Казахстаном зону для развития собственного бизнеса. Так как ни с Евросоюзом, с одной стороны, ни с Китаем, с другой, создать подобные зоны в обозримой перспективе невозможно, ценность Таможенного союза как первого шага на пути к реальной интеграции возрастает, и результаты взаимодействия в рамках этого объединения важны для развития Казахстана и России не только в долгосрочной, но и в краткосрочной перспективе. Стоит добавить также, что для России провал проекта Таможенного союза будет означать потерю статуса государства – основного инициатора интеграционных

⁴³ Черных И. А. Внешнеполитические предпочтения...

процессов на постсоветском пространстве, что отдаст СНГ в сферу интеграционных проектов внешних сил – Евросоюза, Китая и других.

Роль внешнего фактора

Все страны Центральной Азии и Южного Кавказа в рамках своей «многовекторной политики» оценивают положительно экономическое, военно-политическое и культурное присутствие США, ЕС, Турции и ряда других государств. Особое значение придается их вкладу в поддержание безопасности⁴⁴. Россия же, по мнению некоторых экспертов, не несет в страны региона позитивной и привлекательной идеологической конструкции, кроме ностальгических воспоминаний о почившем СССР и особой миссии России на постсоветском пространстве, и по сравнению с ней Запад, продвигающий идеи демократии, прав человека и пр., выглядит более привлекательным.

Научно-экспертное сообщество в целом едино в оценках перспектив России в странах постсоветского Юга, характеризуя их, во-первых, как необоснованные с экономической и политической точек зрения, и, во-вторых, проигрышные в сравнении с перспективами не столько Запада, сколько Китая. Так, казахстанский аналитический журнал «Эксклюзив» отмечает: «У России отсутствует реальный геоэкономический проект для Центральной Азии и всего постсоветского пространства, который можно было бы хоть потенциально рассматривать как альтернативу китайскому проекту. Причина этого кроется не в каких-то просчетах и/или конкретных ошибках властей, но в самой природе российской модели сырьевого роста и, как следствие, отсутствии каких-либо заметных рыночных интересов и возможностей в Евразии. В принципе, такого продуманного и четко сформулированного проекта нет и у КНР, однако промышленная мастерская мира втягивает Евразию в свой геоэкономический контур эвентуально, самым ходом своего развития... Наиболее существенные плюсы от интенсификации экономического взаимодействия Евразии и КНР приходятся на сам Китай, а также Казахстан. Причем для КНР активизация взаимодействия с Евразией не сопровождается какими-либо отрицательными последствиями. Во-вторых, почти все реальные и потенциальные выигрыши центральноазиатских государств и КНР

⁴⁴ Бисенбаев А. Указ. соч. С. 48.

оборачиваются либо грозят обернуться минусами для России. Точнее, эти минусы следует определить как новые вызовы для России в ситуации кардинальной реконфигурации бывшего советского пространства и изменения положения страны в системе мировых экономических координат»⁴⁵.

Помимо Запада и Китая, в качестве региональных конкурентов России в странах Южной Евразии рассматриваются Турция и Иран.

Стремление турецких лидеров объединить тюркоязычные народы поддержано, в частности, не только Азербайджаном, но также Казахстаном и Туркменистаном. Их расчет строится на том, что тюркские государства бывшего СССР имеют и будут иметь уникальный шанс использовать свое географическое расположение и транзитный потенциал для более тесной экономической интеграции. Однако признание Н.Назарбаевым и некоторыми другими президентами успехов турецкой модели, которая помогла Анкаре занять собственную нишу в глобализирующейся мировой системе, не означает, что эта страна имеет серьезные шансы стать региональным лидером в Центральной Азии.

Влияние Турции, по-видимому, едва ли выйдет за рамки участия в энергетических проектах, где ей отведена роль энергетического коридора, связывающего Центральную Азию и Кавказ с Европой. Турция сама недостаточно стабильна, здесь сохраняется угроза противостояния светского государства и исламизма, и это ослабляет турецкие позиции в постсоветской Евразии, особенно учитывая страх лидеров государств этого пространственного ареала перед угрозой исламизма.

Неоднозначно воспринимается Турция и на Южном Кавказе.

Если в Баку заинтересованы в дозированном усилении роли Турции в регионе, то в Ереване к этому относятся крайне настороженно. В массовом сознании армянского народа сложился образ врага в лице Турции и образ защитницы – России, и эти образы будут долго еще укоренены. Однако в будущем Россия в меньшей степени, чем раньше, будет восприниматься в Армении как союзник в борьбе с распространением пантюркизма. Это будет связано с тем, что угроза пантюркизма не рассматривается больше самой Россией как первостепенная, и на передний план в отношениях с Турцией все больше будут выходить проблемы, связанные с совместным освоением новых проектов, в том числе – в энергетической сфере. Да и

⁴⁵ ШОС: отряд не заметит потери бойца? – Эксклюзив. Алматы, №10 (103) октябрь 2010. URL: <http://www.exclusive.kz/index.php?uin=1286343240&chapter=1286349094>

сама Армения, скорее всего, вынуждена будет развивать с Турцией нормальные межгосударственные отношения, что снимет с повестки дня вопрос о противодействии пантюркизму.

Хотя со временем многое может измениться, и в Армении станут спокойнее относиться к перспективам нормализации отношений с Турцией, слишком тесные контакты последней с Россией, расширение масштабов российского политического и торгово-экономического взаимодействия с ней, будут восприняты без энтузиазма как в Армении, так и в Азербайджане. В Армении – потому что это будет продиктовано опасениями создания недружественного ей регионального союза; в Азербайджане – подозрениями, что его интересы в Карабахском конфликте будут принесены в жертву российско-турецким экономическим интересам. Не будет довольна российско-турецким сближением и Грузия, поскольку это будет означать, что Турция, имеющая особую позицию по Абхазии и Аджарии, и дальше будет держать Грузию в напряжении.

Между тем, выгодная географическая позиция Турции позволяет ей позиционировать себя как перекресток конкурирующих направлений в Евразии, а также как государство, которое может иметь большое влияние на вопросы регионального значения, причем не только на Южном Кавказе, но и на Кавказе в целом. Пока что в этом вопросе Россия старается всячески помочь Турции, тем более что, сближаясь с ней, Россия преследует собственную выгоду, и связана она, главным образом, с энергетическими проектами в контексте «Южного потока», который Россия хочет запустить раньше, чем начнет действовать «Набукко». Таким образом, признавая возрастающую роль Турции на Южном Кавказе, Россия, в настоящее время действует совместно со Стамбулом, что не в последнюю очередь стало возможно за счет охлаждения отношений между Турцией и Соединенными Штатами в связи со значимыми корректировками внешней политики Турции, обусловленными, главным образом, заявкой партии турецкого премьер-министра Эрдогана на ее новую роль на Большом Ближнем Востоке (куда входят Южный Кавказ и Центральная Азия).

Москва пытается также оказывать поддержку Стамбулу и по вопросам нормализации отношений с Арменией, а также в урегулировании карабахского конфликта. При этом представляется, что кажущиеся порой тупиковыми такие вопросы, как освобождение азербайджанских территорий, находящихся под контролем Армении, могут быть решены в

отдаленной перспективе при участии Российской Федерации, Турции и, возможно, Ирана. Однако если сегодня РФ и Турция – партнеры, и их общие цели направлены на решение общих задач, то с учетом стремительного усиления позиции Турции в регионе, такая картина может измениться в связи с неизбежным появлением серьезных разногласий по будущим проблемам региона, что обусловлено стремлением обеих стран занять здесь лидирующие позиции.

Иран пытается не только противостоять геополитическому влиянию США в регионе, но и составить им конкуренцию в вопросе интеграции Центральной Азии и Афганистана в рамках проектируемой США Большой Центральной Азии, продвигая свой собственный проект, во многом базирующийся на общности культурных и исторических связей народов населяющих регион. Используют в Центральной Азии и на Южном Кавказе иранский фактор и для создания альтернативных России энергетических проектов. Однако едва ли подвергнутый международным санкциям Иран, экономический потенциал которого не сопоставим с российским, составит Москве реальную конкуренцию.

Между тем правящие элиты в странах постсоветского Юга долго еще будут усматривать в соперничестве России с Китаем, Западом, Турцией, Ираном возможность извлечь для себя *большие* выгоды, и именно этим соображением будет обусловлено следование ими по пути «многовекторной» политики, открывающей, по их мнению, возможности для маневра. Есть также основание полагать, что в Центральной Азии и на Южном Кавказе все более критично будет восприниматься довольно популярная пока точка зрения, согласно которой Евросоюз и США, в случае «ухода» России из этих регионов, сразу же предоставят их государствам неограниченную экономическую помощь.

Этот подход все чаще опровергается трезвым расчетом, по которому вакуум, который может создать Россия в случае ее гипотетического «ухода», заполнится отнюдь не американским и европейским бизнесом, а китайским, турецким, иранским или арабским. Что в свою очередь несет политические риски – возможность изменения светского характера правящих режимов и замена их на исламистские, вытеснение конкурентов из числа местных бизнесменов и производителей, навязывание более жесткой политической повестки и т.п. Поэтому можно предположить, что, несмотря на существующую и порой достаточно нелицеприятную критику России, ее политическое и экономическое присутствие выгодно местным

правлящим господствующим группам, поскольку оно создает и будет создавать конкурентную среду, противовес иным региональным силам и влияниям.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что населяющие Центральную Азию и Южный Кавказ народы больше всего рассчитывают на то, чтобы их регионы превратились в площадку для сотрудничества, а не соперничества, и большинство из них заинтересовано в том, чтобы развивать с Россией взаимовыгодные отношения. Очевидно и то, что на фоне сокращающегося объема экономических связей с Россией южные государства бывшего СССР выходят на новых, более перспективных по сравнению с Россией партнеров. Связи с Россией сохраняют по преимуществу инерционный характер, и в них отсутствует необходимая для такого рода контактов динамика. То есть, они развиваются как бы по инерции, в рамках заданных еще в советские времена отношений. Снижается и интеллектуально-культурное сотрудничество с Россией.

Главная проблема формирования до 2020 г. позитивного образа России будет состоять в том, что первоначально этот образ должен будет сформироваться внутри страны. России, для того чтобы реализовать свою обновленную внешнеполитическую стратегию, сделать ее по-настоящему эффективной, необходимо будет достичь национального консенсуса по ключевым проблемам экономического развития и внешней политики, которая должна стать предсказуемой и последовательной. Только после того, как «внутри» закрепится такой позитивный образ России, свободной от ксенофобии и экстремизма, проявления которых будут жестко пресекаться государством, можно будет экстраполировать этот образ «вовне», в том числе и в страны Южного Кавказа и Центральной Азии.

Россия не добавит к себе там уважения, если ее истеблишмент продолжит публично каяться по поводу и без повода за дела, совершенные другим государством (СССР) и в иную историческую эпоху. На Востоке, да и в самом российском обществе, это будет расцениваться, прежде всего, как проявление слабости. Отсутствие строго выверенной и наполненной новым идеологическим содержанием внешней политики, базирующейся на национальных интересах (а не только на интересах нефтегазового или

военного лобби), также не будет способствовать позитивному образу России. Транслировать его за рубеж полезно лишь после того, как будут ясно сформулированы приоритеты и ценности государства и элиты внутри страны. К этому должны добавиться такие факторы, как улучшение экономической и социальной ситуации в самой России, обретение ею статуса экономически развитой державы с современным военным потенциалом.

Процессы «переписывания» истории в новых независимых государствах неизбежно устанавливают новые границы и водоразделы в некогда общем культурно-историческом советском пространстве, что не может не сказаться на перспективах интеграции стран бывшего СССР. В то же время и сама Россия должна принять во внимание немаловажное обстоятельство: в странах Южной Евразии существуют иные, отличные от российских, сферы гуманитарных интересов, а процессы формирования национальных идентичностей будут и в будущем ориентированы, прежде всего, на собственные исторические и культурные ценности. Традиции и религия (ислам в странах его традиционного исповедания) по-прежнему будут накладывать особый, часто отличающийся от европейского, отпечаток на образ жизни, взаимоотношения в обществе и семье, культуру поведения и пр.

Поэтому более действенным, нежели контрпропаганда, способом восстановления исторической истины стало бы обнародование Россией новых исторических архивных данных. Российским деловым элитам стоит, в свою очередь, позаботиться о формировании имиджа России как надёжного и перспективного партнёра в экономическом сотрудничестве, способного органично вписаться в бизнес-среду развивающихся стран с преимущественным мусульманским населением.

Отношение к России будет зависеть во многом от того, как будет складываться социально-экономическая ситуация в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа. Если положение населения будет ухудшаться, то возрастет число тех, кто негативно относится к России, на которую можно будет возложить вину за бедственное положение. Нелегко будет и этническим русским, проживающим на территории бывших советских республик. Особенно актуальна эта ситуация для Казахстана и Кыргызстана.

При этом русские в странах Центральной Азии и Южного Кавказа едва ли смогут стать политической силой либо эффективной диаспорой

(наподобие существующих в отдельных странах мира еврейской, армянской, китайской и других диаспор), поскольку русские в Центральной Азии, например, слабо ассоциируют себя с Россией или с местными государствами. Они, кроме того, подсознательно боятся межэтнических конфликтов. Представляя собой великолепный человеческий материал и огромный ресурс, они, однако, способны будут внести весомый вклад (в случае формирования эффективной российской политики в отношении соотечественников) в дело модернизации России.

Реализация этих подходов – задача, возможно, не сегодняшнего, а завтрашнего дня. Несомненно и то, что она, по мере ее выполнения, будет корректироваться и обрастать важными дополнениями, диктуемыми экономической, политической и международной конъюнктурой, что позволит в конечном счете экстраполировать в страны постсоветского Юга позитивный образ России, создать там солидную и идейно мотивированную базу для продвижения российских национальных интересов.

Россия и Европейский Союз: Новый баланс уверенности в себе ¹

Большинство наблюдателей сходятся во мнении, что во второй половине прошлого десятилетия, отношениям ЕС и России не хватало реального содержания, несмотря на официальные декларации, характеризующие их как "стратегическое партнерство". Правда, российские энергоресурсы продолжали поступать в страны ЕС, обеспечивая валюту для оплаты европейского экспорта в Россию. Но это было и все. На всех других фронтах преобладали разногласия: от интерпретации правовых обязательств, которым должны соответствовать члены ОБСЕ и Совета Европы, до игры в «перетягивание каната» в пространстве «общих соседей». Последняя значимая договоренность между Россией и ЕС – либерализация визового режима и возврат нелегальных мигрантов, была одобрена в 2005 году и вступила в силу в 2007 году. Все попытки оживить отношения, начав переговоры по новому рамочному соглашению, не удалось. Были проведены многочисленные раунды переговоров, но результаты были невелики. Неудивительно, что министр иностранных дел России Сергей Лавров, анализируя на пресс-конференции в январе 2010 года внешние связи своей страны, был немногословен, говоря о ЕС. Он лишь мимоходом упомянул "стратегическое партнерство" как будто оно не заслуживает отдельных слов. Его единственный существенный комментарий, относящийся к ЕС, касался недостаточных усилий последнего по защите прав русскоговорящего меньшинства в Латвии.

Выступая на аналогичной пресс-конференции год спустя, Лавров принял другой тон. Ссылаясь на решения, принятые в ходе двух саммитов Россия-ЕС в 2010 г., он пришел к выводу, что можно активизировать взаимодействие с ЕС в ряде сфер. В частности, он упомянул "Партнерство для модернизации", направленное на содействие экономическим преобразованиям в России, предложение о создании совместного Комитета по безопасности и внешней политике ЕС-Россия и продвижение дискуссий по либерализации визового режима.

Предстоит еще понять, действительно ли официальный оптимизм Лаврова является преждевременным. Но определенные позитивные сдвиги на этом

¹ Перевод с английского. http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/ponars/pepm_143.pdf

направлении, безусловно, можно отметить. Россия в настоящее время более благоприятно относится к членству в ВТО, которое обещает со временем устранить то, что до сих пор было основным препятствием на пути прогресса в переговорах по новому рамочному соглашению. Также имеют место несомненные изменения к лучшему в двусторонних отношениях с несколькими странами, которые ранее осложняли общую повестку дня. Российско-польский прорыв является наиболее важным из них. Ту же тенденцию демонстрирует визит президента Латвии Валдиса Затлерса в Москву в декабре 2010 г.

Откуда исходят такие перемены в риторике и, в определенной степени, дипломатии, и, насколько устойчиво это явление? Данная работа предполагает, что источником новой динамики отношений между Россией и ЕС является растущий реализм в Москве и Брюсселе, который уже создал новый "баланс уверенности в себе" в их отношениях. Россия больше не может сохранять снисходительное отношение к Европе, мотивируя его в том смысле, что, будучи восходящей державой (*rising power*), ее позиции в торге с ЕС продолжают укрепляться, так как она одновременно играет роль балансира между Европой и Азией. ЕС, в свою очередь, начал усваивать концептуальные предпосылки того, что «для того, чтобы танцевать танго, нужны двое». Другими словами, что для ЕС не имеет смысла создавать впечатление, что он больше заинтересован в работоспособном партнерстве, чем Россия. Если этот новый баланс сложился верно, можно надеяться, что сотрудничество между ЕС и Россией выйдет далеко за рамки нынешней примитивной торговли сырьевыми товарами.

Взаимозависимость, а не зависимость

ЕС, как и любой крупный бюрократический орган, поворачивается медленно. По определению, он гораздо более медлителен, чем какое-либо отдельно взятое государство, в адаптации к переменам, но когда политический маятник все же начинает раскачиваться, не менее трудно повернуть инерцию вспять. Таким образом, подход ЕС к России, скорее всего, сохранится, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Критически важное значение имеет пересмотр в мышлении ЕС относительно экономических взаимоотношений. Доклад «Обзор отношений ЕС-Россия», подготовленный Европейской комиссией в ноябре

2008 года после грузино-российского конфликта, послал четкий сигнал в этом направлении. В этом документе делается однозначный вывод, что ЕС может быть твердым в своих отношениях с Россией, поскольку Россия нуждается в ЕС и рынках ЕС по экономическим причинам больше, чем ЕС нуждается в России.

Этот вывод одновременно вытекал, но как оказалось, и предшествовал эволюции в энергетических отношениях ЕС-Россия. Несколько лет назад в Брюсселе постоянно звучала мантра, что у ЕС нет никакой альтернативы ее энергетическому партнерству с Россией. Некоторые члены ЕС использовали эту формулу, чтобы замаскировать свою заинтересованность в извлечении экономической выгоды от расширения сотрудничества с Россией, в то время как другие просто хотели найти аргументы для защиты своего уступчивого отношения к определенным просьбам из Москвы или своего бездействия, когда дело доходит до продвижения демократии.

Время, однако, доказало, что эта мантра неверна. Очевидная готовность России использовать энергетику в качестве политического инструмента, по крайней мере, в отношении своих постсоветских соседей, нарисовала перспективу того, что чрезмерная энергетическая зависимость от России подорвет экономическую безопасность членов ЕС. Пришло время для энергетической диверсификации проектов и серьезного рассмотрения того, как застраховать себя от возможных рисков, связанных с Россией. В то же время, энергетические рынки в Европе также претерпели глубокие изменения. Благодаря рентабельности новых технологий, на рынок стали выходить сжиженный и сланцевый газ. Рост доверия потребителей, как и экспорт газа на рынки ЕС снизились. В целях обеспечения продаж, Газпром вынужден был предложить льготы, такие как ценовые скидки или гарантии поставок (даже малым странам ЕС, таким, как Латвия и Эстония).

Другим важным изменением стало растущее понимание, если даже не консенсус в отношении того, что добиться гармонизации политики ЕС и России на пространстве их общих соседей будет крайне сложно, если вообще возможно. В документах, принятых на Пражском саммите в мае 2009 года, который запустил программу Восточного партнерства ЕС, Россия не упоминалась. Напротив, в декларации саммита говорится, что Восточное партнерство будет развиваться «параллельно» с усилиями по двустороннему сотрудничеству между ЕС и неназванными третьими странами. Эти формулировки, конечно, могут быть интерпретированы по-разному, но прецедент невключения России в институциональное

сотрудничество Европы с постсоветскими государствами был создан – что несколько лет назад было бы немыслимо.

Политика Европейского союза в отношении его восточной периферии далека от того, чтобы служить историей успеха, пока это вызывает озабоченность России. Например, Брюссель поддерживает проевропейские устремления молдавского правительства и, таким образом, стоит по другую сторону баррикад от Москвы, политика которой воспринимается как попытка вернуть коммунистов к власти. Между тем, в ноябре 2010 г. ЕС дал Украине (но не России) строго обусловленный план для продвижения в направлении безвизового режима, что является настоящей ересью с точки зрения более ранней политики «Россия прежде всего». Сотрудничество ЕС с Беларусью в 2009-2010 гг. продемонстрировало мало признаков того, что оно проводится на основе консультаций с Россией. В результате, ЕС – или, скорее, намек президента Беларуси Александра Лукашенко на возможность сближения с ЕС – стали одним из факторов решения России достичь компромисса с Беларусью. В любом случае, поведение ЕС резко контрастировало с более ранними моделями сотрудничества, когда он был готов признать, что у России есть право на решающее слово или даже право наложить вето на все региональные формы сотрудничества.

ЕС похоже, движется гораздо ближе к единой политике в отношении России. Это результат достижения внутреннего единения и взаимной социализации, которые являются естественными процессами, возникшими спустя шесть лет после расширения ЕС на Восток. «Новые» государства-члены в настоящее время направляют свое второе поколение комиссаров ЕС и членов Европейского парламента в Брюссель. Более конкретно, здесь наблюдаются два взаимодополняющих феномена.

Во-первых, «новые» государства-члены ЕС в меньшей степени озабочены вопросами своей безопасности и потенциального «второразрядного членства». Это прямо вытекает из вышеупомянутых изменений на энергетических рынках Европы, а также того факта, что НАТО, наконец, предоставило странам Балтии планы обороны в чрезвычайных ситуациях. Эти страны видят, что они являются субъектами, а не просто объектами политики ЕС- Россия, и что они могут успешно заявить о себе в коридорах Брюсселя. Во-вторых, Германия стала более сдержанной в том, чтобы приносить в жертву общие интересы ЕС на пространстве ее восточных соседей ради собственных меркантильных интересов. Такое развитие

событий может быть связано с ухудшением общественного мнения в Германии в отношении России после грузинской войны².

Согласно опросу ВВС, проведенному в 2011 г., немецкие граждане проявили наименее положительное отношение к России среди 27 опрошенных стран в глобальном масштабе, и только 20 процентов опрошенных испытывают позитивное отношение к России, а 58 процентов опрошенных выразили отрицательное отношение. Дополнительными факторами, влияющими на такое развитие, являются: поражение социал-демократической партии в 2009 году (лидеры которой традиционно менее критично настроены к Москве), а также заниженные ожидания представителей сектора бизнеса Германии (что нашло свое отражение в выводе немецким энергетическим гигантом «E. ON» своих инвестиций из Газпрома осенью 2010).

На этом фоне неудивительно, что Берлин одобрил запуск программы Восточного партнерства в его нынешнем виде и проявил довольно сдержанное отношение к предложению России по заключению нового договора о европейской безопасности (канцлер Германии Ангела Меркель также стала более активно критиковать внутреннюю политику России).

Россия: разочарования

Эволюция мышления России в том, что касается ее отношений с ЕС, имеет мало общего с Европой как таковой. Многие отмечают, что основным фактором, изменившим отношение России, стал мировой экономический кризис, который в 2008 г. застал российские власти врасплох. В следующем году у России были самые худшие экономические показатели, как среди стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), так и стран «двадцатки». В лучшем случае, Россия не вернется к тому экономическому росту, который она переживала в течение последнего десятилетия. Россия может начать – а может и не начинать свой курс на «модернизацию», который был объявлен президентом Дмитрием Медведевым. Но если Россия действительно хочет модернизироваться, то имеет смысл рассматривать ЕС как естественного партнера в этом предприятии – подобно тому курсу, когда Владимир Путин объявил о

² точка зрения, конкретизированная Стефаном Сабо из немецкого Фонда Маршалла

«европейском выборе» России в начале своего первого срока пребывания на посту президента десять лет назад.

Россия также больше не может игнорировать внешние вызовы. Учитывая, что количество населения на Дальнем Востоке все сокращается, у России, похоже, отсутствует стратегия борьбы с экономическим ростом Азии (особенно Китая). Она не может чувствовать себя комфортно в роли энергетического придатка Европы. Но еще менее приемлемой является замена этого состояния на статус поставщика сырья в Китай. В конце концов, большинство россиян считают себя частью европейской цивилизации, даже если многие из них, после многих лет пропаганды, все еще сталкиваются с трудностями, чтобы понять, что сегодняшняя Европа является не столько географической или исторической концепцией, а скорее построением, основанным на демократических нормах. До настоящего момента Россия не смогла дать четкий ответ на подъем Китая, но она находится в поисках такового, и интеграция с Европой, даже если и не посредством формальных параметров членства в ЕС, несомненно, обсуждается.

В том, что касается взглядов России на ЕС, то изменения являются менее выраженными. До сих пор в России можно встретить упрощенные представления об ЕС, как экономическом клубе, сталкивающемся с валютным кризисом, и разрабатывающем лишь ограниченные полицейские функции. Но для экспертного сообщества такие факторы, как: реализация Лиссабонского договора; формирование Европейской службы внешних действий; способность оказывать помощь нуждающимся государствам-членам; продолжающееся расширение еврозоны (Эстония присоединилась к ней в январе 2011 года); стабильная «мягкая сила» ЕС в зоне его восточных соседей; готовность таких государств, как Турция и Украина вступить в Евросоюз – все эти факторы, вместе со многими другими, указывают на силу, а не слабость европейского проекта.

Выводы

Несомненно, появление более реалистичных отношений Россия-ЕС по-прежнему представляет собой неустойчивый процесс и может быть повернуто вспять. Если цены на нефть будут выше отметки \$ 100 за баррель, Москва может придти к выводу, что она может позволить себе продолжать политику «стратегического одиночества». Представители европейского бизнеса, наблюдая за возвращением растущей

покупательной способности России, в свою очередь, могут выбрать торговлю и прагматизм, как превалирующие над демократическими переменами и транспарентностью норм и правил.

В свою очередь, выборы 2011-12 гг. в России, которые вряд ли будут соответствовать ожидаемым европейским стандартам, могут спровоцировать волну критики, и указывают на постоянное присутствие «разрыва в ценностях», на которые Москва может ответить недружественной по отношению к ЕС риторикой и новым раундом самоизоляции от Европы. Если, однако, ЕС будет идти прежним курсом и не пересмотрит свои нынешние подходы к России, то его шансы убедить Россию, в том, что партнерство с Европой, основанное на правилах, лучше всего отвечает ее собственным интересам, будут оставаться выше, чем раньше.

Теодор Гербер
Хизер А. Конли
Люси Мур

Эстония и Россия - через зеркальную призму. «Взгляды постсоветского поколения»³

Введение

Спустя двадцать лет после обретения независимости, Эстония вступила в Европейский союз, НАТО, и, совсем недавно, в зону евро. Тем не менее, в стране сохраняются трудности в процессе установления отношений с русско-говорящим меньшинством, которое составляет примерно четверть населения Эстонии. Многие, кому автоматически не было предоставлено гражданство в постсоветской Эстонии (те, кто не являлся гражданами Эстонии до Второй мировой войны или их потомки), возмущены требованием, введенным эстонским правительством, предписывающим им сдать экзамены по эстонскому языку и обществоведению для получения гражданства Эстонии. 7,5% населения сегодня не являются гражданами Эстонии и обречены на статус лица без гражданства, закрепленный в их «серых» паспортах иностранца.

Законы об эстонском языке ограничивают многие перспективные рабочие места требованием необходимости говорить по-эстонски. Резко расходящиеся концепции истории СССР и Второй мировой войны подливают еще больше масла в огонь кипящей напряженности: многие эстонцы воспринимают Советский Союз как враждебную оккупационную силу, что трудно согласовать с российским мнением о том, что советские войска освободили Эстонию от нацистской оккупации.

Эти противоречия достигли своей точки кипения в апреле 2007 г. во время инцидента под названием «Бронзовая ночь». Когда эстонское правительство перенесло советский памятник времен войны и останки советских солдат из центра Таллина на военное кладбище, протесты русскоговорящих вылились в насилие, в результате чего один протестующий погиб, 153 было ранено, и около 800 задержаны полицией. После этого Эстония пострадала от кибератаки, а ее дипломаты подверглись преследованиям в Москве. Со своей стороны, регулярное осуждение правительством России Эстонии по поводу, якобы, жестокого обращения с русскоговорящими, возможно, явилось частью более крупных

³ Перевод с английского. http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/ponars/pepm_145.pdf

попыток России по распространению своей мягкой силы, путем позиционирования себя в качестве защитника прав русскоязычных меньшинств за пределами России.

Хотя со времени инцидента «бронзовая ночь» отношения несколько улучшились, Эстония в последнее время усилила реализацию политики, направленной на то, чтобы вузы страны, в которых обучение ведется на русском языке, обеспечивали не менее 60% чтения лекций на эстонском языке, вызывая тревогу у многих русскоговорящих преподавателей, которая может распространиться далеко за пределы аудиторий.

В свете того, что они играют главную роль в напряженности, присутствующей в отношениях между Россией и Эстонией, мнения русскоязычных резидентов Эстонии по поводу отношений между двумя странами представляют интерес для политиков. В частности, заслуживает внимания то, что чувствуют по отношению к России, Эстонии, и отношениям между ними более молодые члены этой группы эстонских резидентов, поскольку вероятно, что те, кто вырос уже в постсоветскую эпоху, в меньшей степени склонны видеть мир через призму напряженности и конфликтов, имевших место в советское время.

Чтобы лучше понять более молодое поколение русскоговорящего меньшинства Эстонии, Центр стратегических и международных исследований (CSIS) провел опрос⁴ среди этнических русских в Эстонии в возрасте от 16 до 29 лет по проблемам, касающимся их самоидентификации, отношению к Эстонии и России, а также их взглядам на историю советского периода. Опрошенные были в возрасте не более девяти лет, когда Эстония провозгласила независимость от Советского Союза, а некоторые из них даже еще не родились. Особенно информативно было одновременно сравнить взгляды молодых этнических русских со взглядами их ровесников среди этнического населения Эстонии, и также в Российской Федерации (РФ). Соответственно, такой же опрос был проведен среди этих двух других групп примерно в одно и то же время.

Мы надеемся при помощи изучения взглядов молодых людей на их родную страну и Россию через эту «зеркальную призму» (русских, эстонцев, и эстонских русских, размышляющих о себе и друг друге) определить те основы, согласно которым эстонские чиновники могут

⁴ Проект CSIS по опросу был проведен под руководством Сары Мендельсон, которая в 2009 г. покинула Центр, чтобы занять должность в правительстве США.

выстроить конструктивную политику по смягчению напряженности, а также выявить те области, которых надо избегать.

Методология и данные

До проведения опроса, исследователи провели заседания фокус-групп (групп тематического опроса) с этническими русскими в Эстонии, которые они использовали для подготовки опроса. Опрос прошел предварительное тестирование в России и Эстонии. Эстонская часть опроса была подготовлена на эстонском и русском языках. Опрос в России был проведен Левада–Центром аналитических исследований, который провел выборочный опрос с национальной репрезентативной выборкой 1016 резидентов РФ в возрасте от 16 до 29 лет, между 25 ноября и 8 декабря 2009 г.. Опрос в Эстонии был проведен Центром Saag Poll, который опросил 1003 этнических эстонцев и 1005 этнических русских с 3 декабря 2009 г. по 7 января 2010 г. Были предприняты особые усилия, чтобы осуществить выборку с запасом среди неграждан (с серыми «иностранными» паспортами), которые по количеству составляют 338 человек из окончательной эстонской выборки, а остальные 667 этнических русских в эстонской выборке - граждане Эстонии с «синими» паспортами. Основной целью опроса было сравнение взглядов молодых русских, живущих в Эстонии со взглядами своих ровесников - этнических эстонцев и резидентов РФ, чтобы сравнить взгляды владельцев «серых» и «синих» паспортов в русскоговорящей общине в Эстонии, а также для того, чтобы понять, связано ли гражданство с отношением к политике и другим вопросам.

Опрос охватывал широкий спектр тем⁵. В данной работе мы ограничиваемся тем, что приводим ответы на вопросы об Эстонии, России и отношениям между ними. Исходя из этих данных, мы сравниваем взгляды на этнические группы (эстонцы по сравнению с русскими), страны (Эстония по сравнению с Россией), и гражданство (среди этнических русских в Эстонии). Соответственно, мы даем распределения ответов по четырем группам: резиденты РФ; этнические русские, не являющиеся гражданами Эстонии (обладатели «серых» паспортов), этнические русские - граждане Эстонии (владельцы «синих» паспортов) и этнические эстонцы.

⁵ в том числе: доверие к политическим институтам и конкретным лидерам; взгляды на инцидент «Бронзовая ночь» и его последствия; мнения о политике Эстонии в отношении гражданства; доклады о дискриминации по отношению к русским в Эстонии и их опыт; отношение к Европе, Соединенным Штатам и другим странам, а также понимание советской истории.

Мнения о странах

Мы показали респондентам список из девяти стран и попросили их указать, какие из следующих терминов лучше всего описывают отношение каждой из стран к стране респондента: враг, соперник, нейтральная страна, партнер или союзник. Мы включили Россию в число этих стран в эстонском опросе и Эстонию в российском опросе.

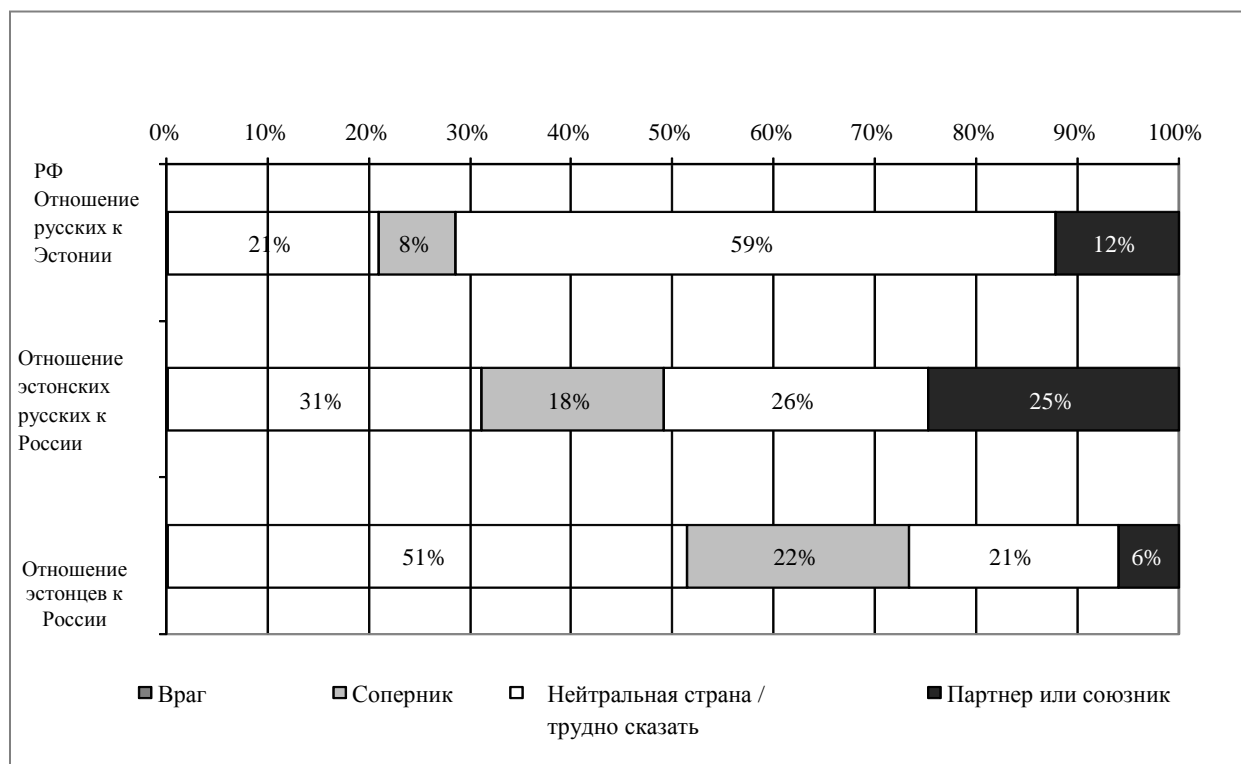
Около 50% молодых эстонских взрослых воспринимают Россию как врага Эстонии, в то время как 22% рассматривают Россию как конкурента (**рис. 1**). Хотя они, скорее всего менее, чем эстонцы, склонны считать Россию по существу враждебной страной, около 50% эстонских русских, тем не менее все же считают Россию либо врагом или соперником, и только 25% - партнером или союзником (различия по виду паспорта среди этнических русских не являлись статистически значимыми). Внутри России 29% респондентов считают Эстонию врагом или соперником, в то время, как большинство респондентов рассматривают Эстонию в качестве нейтральной страны или затрудняются ответить.

Чтобы получить более глубокое представление о том, как эстонцы и русские рассматривают обе страны, мы спросили, согласны ли они или нет с примерно шестью фразами, описывающими Россию, а затем Эстонию. Все четыре группы (включая эстонцев) в подавляющем большинстве соглашались с тем, что Россия является «великой страной» (**рис. 2**). Почти 9 из 10 эстонцев соглашались с тем, что Россия является «угрозой для своих соседей». Только половина из числа многих эстонских русских, и только одна треть из числа многих резидентов РФ согласны с этим. Если взгляды эстонских русских находятся «между» взглядами эстонцев и русских по многим темам, то они выделяются с точки зрения их тенденции считать Россию страной с сильной экономикой: 80% владельцев «серых» паспортов, в гораздо большей степени, скорее, одобряют эту точку зрения, по сравнению с почти 71% обладателей «синих» паспортов, что составляет лишь 39% резидентов РФ и 30% эстонцев.

Резиденты Эстонии, независимо от их национальности и гражданства, соглашались в больших пределах, что Россия является сверхдержавой: фактически, они скорее согласны с этим, по сравнению с тем, что по этому

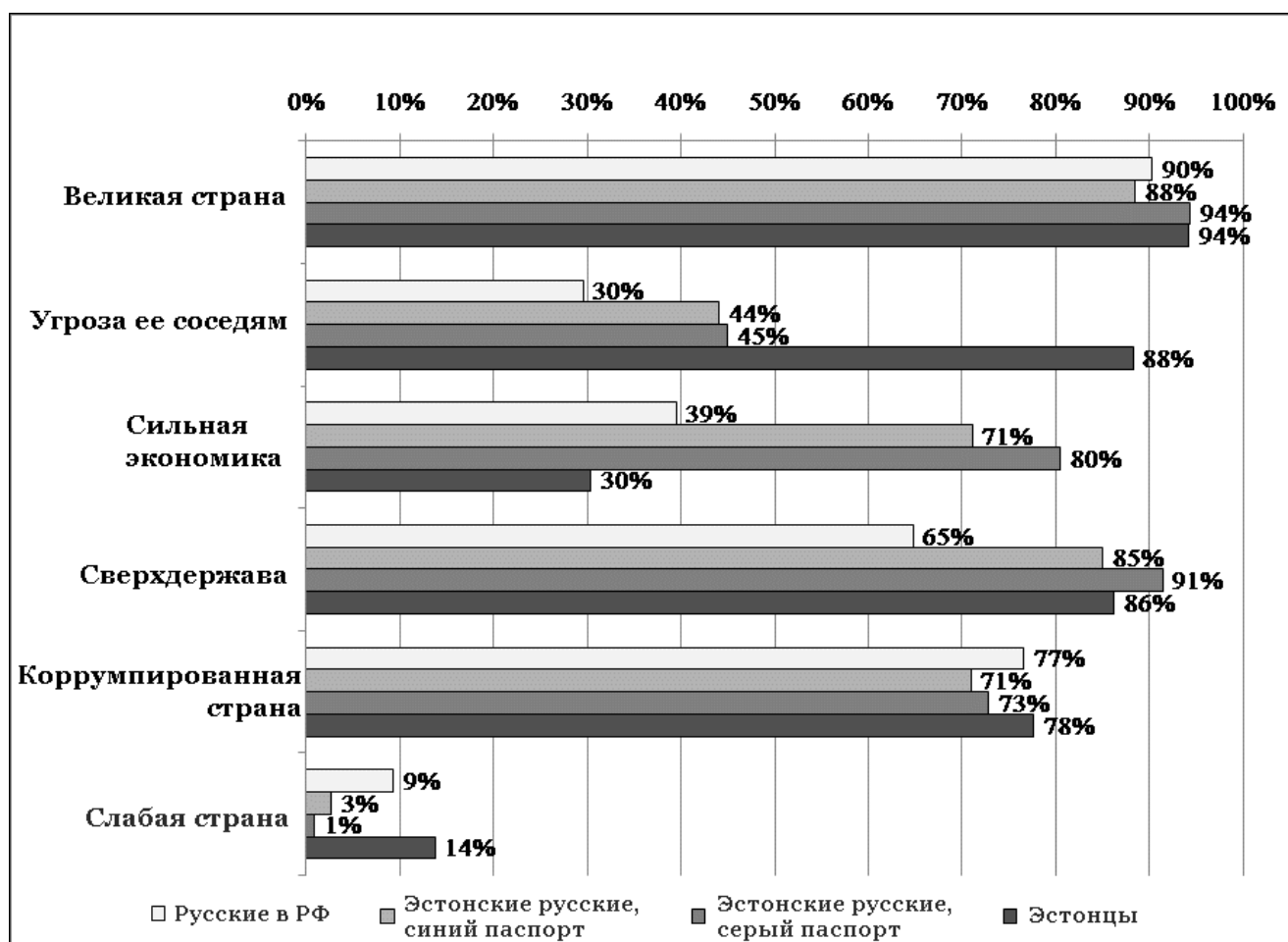
вопросу говорят резиденты РФ. Все четыре группы сходятся во мнении о том, что Россия является «коррупцированной» страной, в то время, как заслуживающее упоминания меньшинство эстонцев (14%) и резидентов РФ (9%) считают Россию слабым государством.

Рисунок 1. Опишите отношения России к Эстонии / Эстонии к России?

Источники: Все данные диаграммы приведены по результатам опросов CSIS/Левада – Центр аналитических исследований (2009-2010)

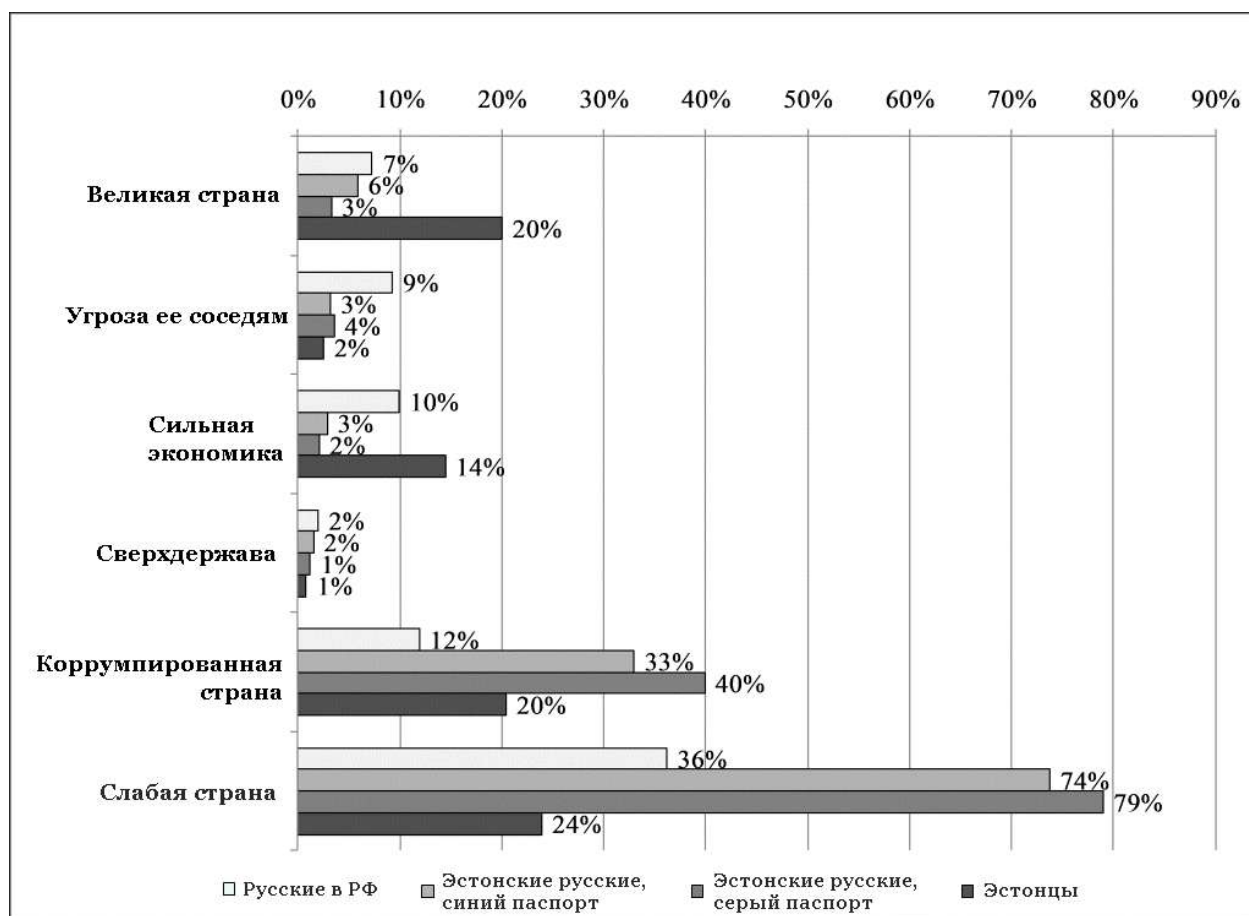
Рисунок 2. Процент респондентов, соглашающихся с тем, как каждая из фраз описывает Россию

С другой стороны, немногие респонденты в любой из этих групп характеризуют Эстонию как «великая страна» (рис. 3), и даже среди эстонцев только один человек из пяти согласны с этим утверждением. Немногие респонденты считают Эстонию угрозой для своих соседей, и очень немногие из них - «сверхдержавой». Может быть, более удивительным является то, что у всех четырех групп гораздо меньше шансов связывать термин «сильная экономика» с Эстонией, чем с Россией, причем в особенности, вряд ли с этим согласятся эстонские русские. На самом деле, эстонские русские, как правило, имеют смутное представление о своей стране: от одной трети до двух пятых (по сравнению с 20% эстонцев и 12% резидентов РФ) согласны с тем, что Эстония является «коррупцированной страной», а три четверти или более согласны с тем, что Эстония является «слабым государством». Исходя из этих критериев, совершеннолетние молодые люди среди эстонских русских имеют более критические мнения об Эстонии и более благоприятные взгляды на Россию, чем их ровесники в России. Эстонцы четко воспринимают Россию как угрозу, но они также считают Россию «сверхдержавой с сильной

экономикой». Следует отметить, однако, что этот опрос был проведен в Эстонии в конце периода значительного экономического спада, как в России, так и в Эстонии. Реальный рост ВВП в Эстонии в 2009 году снизился до -13,9%, а в начале 2010 года уровень безработицы достиг 19%. Тяжелые экономические времена могли быть одной из тех причин, по которым взгляды эстонцев и эстонских русских на экономику являются пессимистичными.

Рисунок 3. Процент респондентов, соглашающихся с тем, как каждая из фраз описывает Эстонию

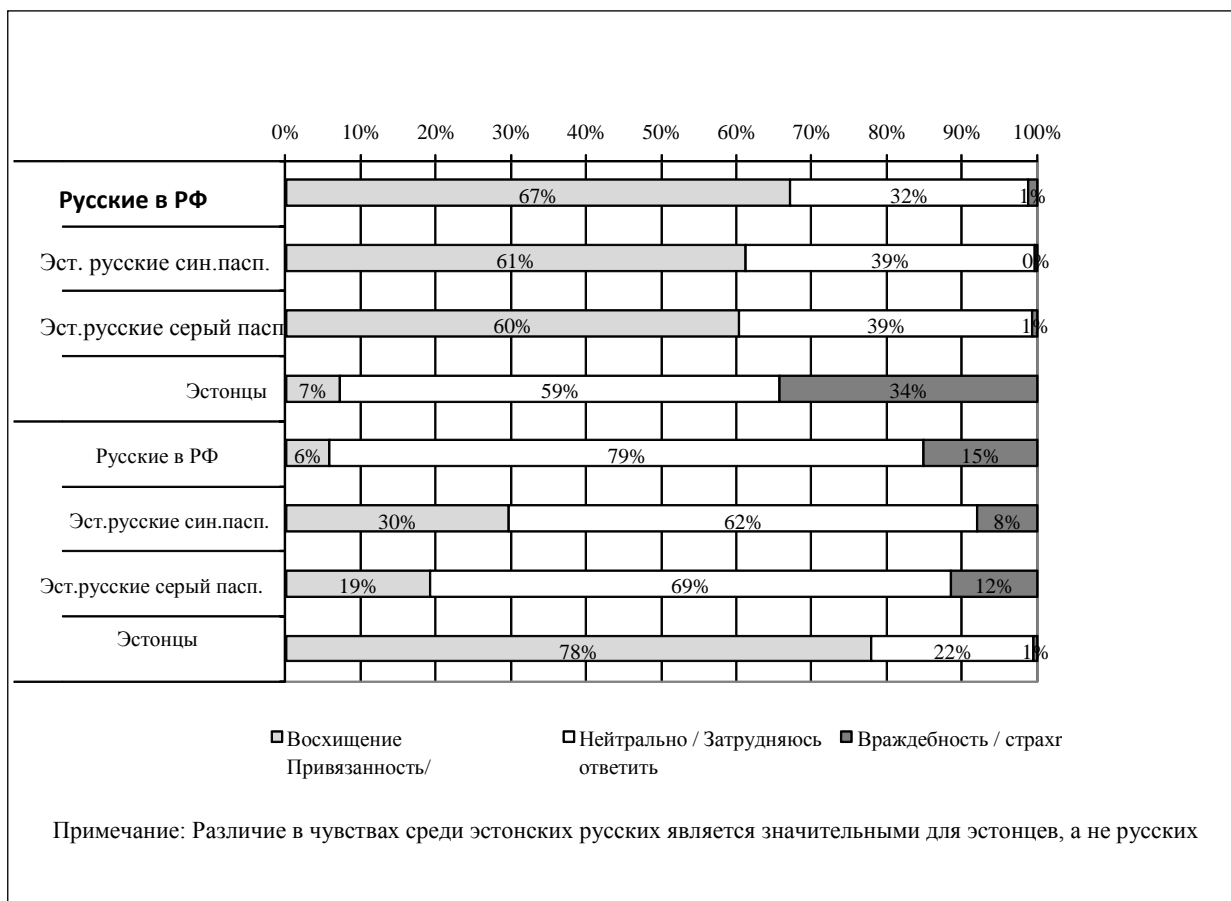

Мнения русских и эстонцев, "как о людях"

Взгляды русских и эстонцев в отношении друг друга и себя самих «как о людях» представляет иное видение отношений между двумя группами, чем

их мнения о странах друг друга. Мы попросили респондентов показать, какие из следующих слов наилучшим образом характеризуют то, что они чувствуют в отношении девяти этнических, религиозных или национальных групп, в том числе русских и эстонцев: восхищение, привязанность, нейтральность, враждебность или страх. Большинство опрошенных среди всех трех российских групп рассматривают русских в позитивном плане, хотя значительное число респондентов также рассматривают их нейтрально или затрудняется с ответом (**рис. 4**). Эстонцы едва ли относятся к русским с восхищением и любовью (7%). Треть из них открыто заявляют о своей враждебности и страхе по отношению к русским. В то время, как эти взгляды выражает меньшее число респондентов от их общего количества, бросается в глаза то, что это – самое сильное негативное мнение другой группы. Хотя только 6% жителей РФ выражают позитивные чувства по отношению к эстонцам, подавляющее большинство из них имеют нейтральное отношение или затрудняется с ответом: только 15% из них относятся к эстонцам отрицательно – что составляет менее половины от того числа эстонцев, которые относятся к русским отрицательно. Эстонские русские также в значительной степени нейтральны по отношению к эстонцам, хотя как минимум 30% (среди натурализованных этнических русских граждан Эстонии) относятся к ним с восхищением и любовью. Эстонцы скорее гораздо в большей степени выражают восхищение или любовь к собственному народу, чем это делают русские. Эти результаты позволяют предположить, что негативное отношение эстонских русских по отношению к своей стране, не переросло прочно в отрицательное мнение об эстонском народе, в то время как среди эстонцев больше присутствует тенденция выражать негативные чувства по отношению к русским.

Рисунок 4. Каковы Ваши главные чувства в отношении русских/эстонцев?

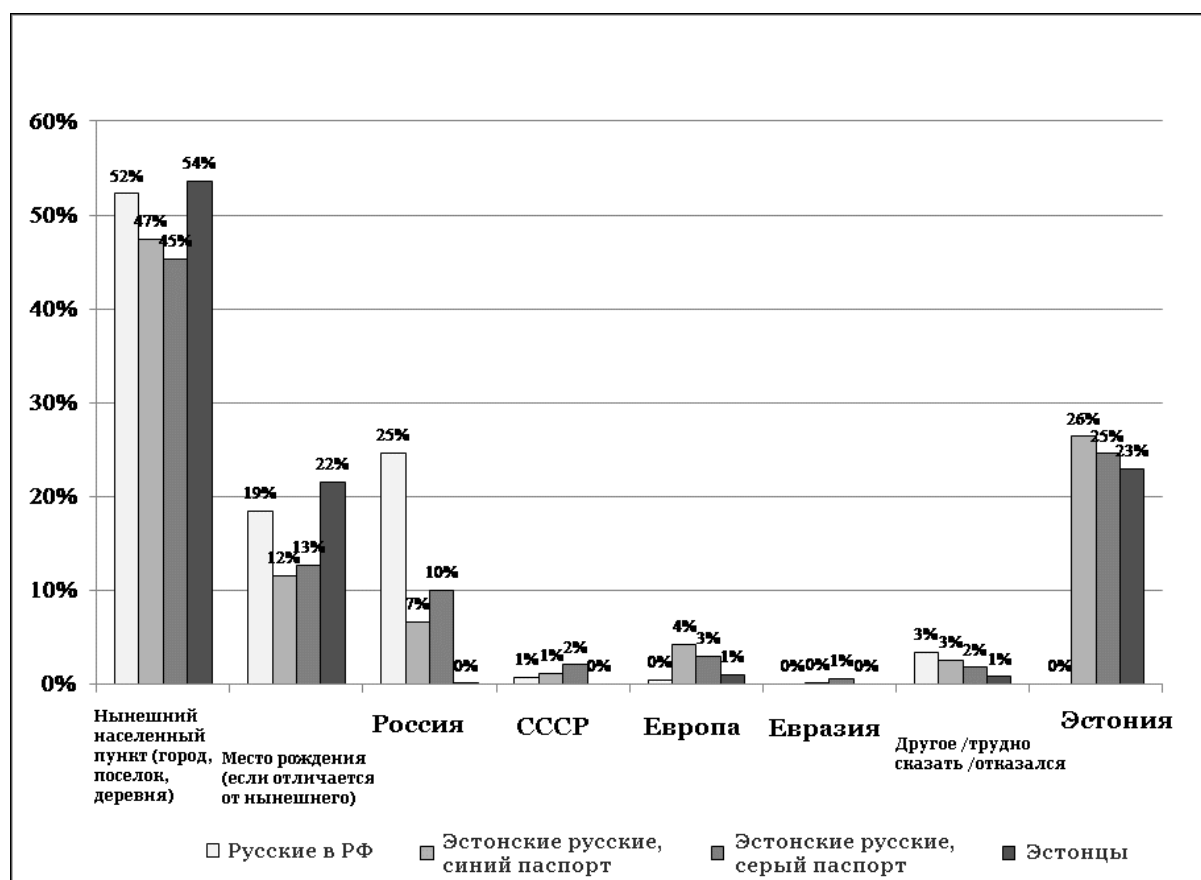

Идентификация места

Другой вопрос, относящийся к тому, как русские и эстонцы думают о своих соответствующих странах, заключается в том, насколько сильное чувство «идентификации места» присутствует у них в отношении России и Эстонии. Мы попросили респондентов указать, к какому месту из набора мест проживания они чувствуют свою самую сильную привязанность, и к какому месту они чувствуют сильную привязанность. Во всех четырех группах, эталонной характеристикой их самой сильной привязанности является их нынешний населенный пункт (город, поселок или деревня), причем среди резидентов РФ и эстонцев несколько большее число респондентов выбрали этот вариант, чем среди эстонских русских (**рис. 5**). Очевидно, что пространство проживания, как правило, локализовано в обеих странах в первую очередь. Около четверти жителей в каждой стране чувствует самым сильным местом идентификации проживания свою собственную страну без существенных различий по этническому признаку или виду паспорта в Эстонии. Число эстонских русских, которые говорят, что наиболее сильно идентифицируют себя с Россией мало, и лишь немногие в любой группе идентифицировали себя

наиболее сильным образом с СССР, Европой или Евразией. На самом деле, если мы объединим категории «самой сильной» и «сильной» привязанности, то получается, что эстонские русские имеют гораздо больше шансов для выражения сильной идентификации с Эстонией (70% владельцев «синих» паспортов и 64% обладателей «серых» паспортов), чем с Россией (28% независимо от вида паспорта). В таких категориях, этнические русские в Эстонии значительно чаще идентифицируют себя с Эстонией, чем с Россией, несмотря на их в целом критический образ Эстонии как страны и более позитивный взгляд на Россию.

Рисунок 5. С каким из следующих мест вы чувствуете самую сильную связь?

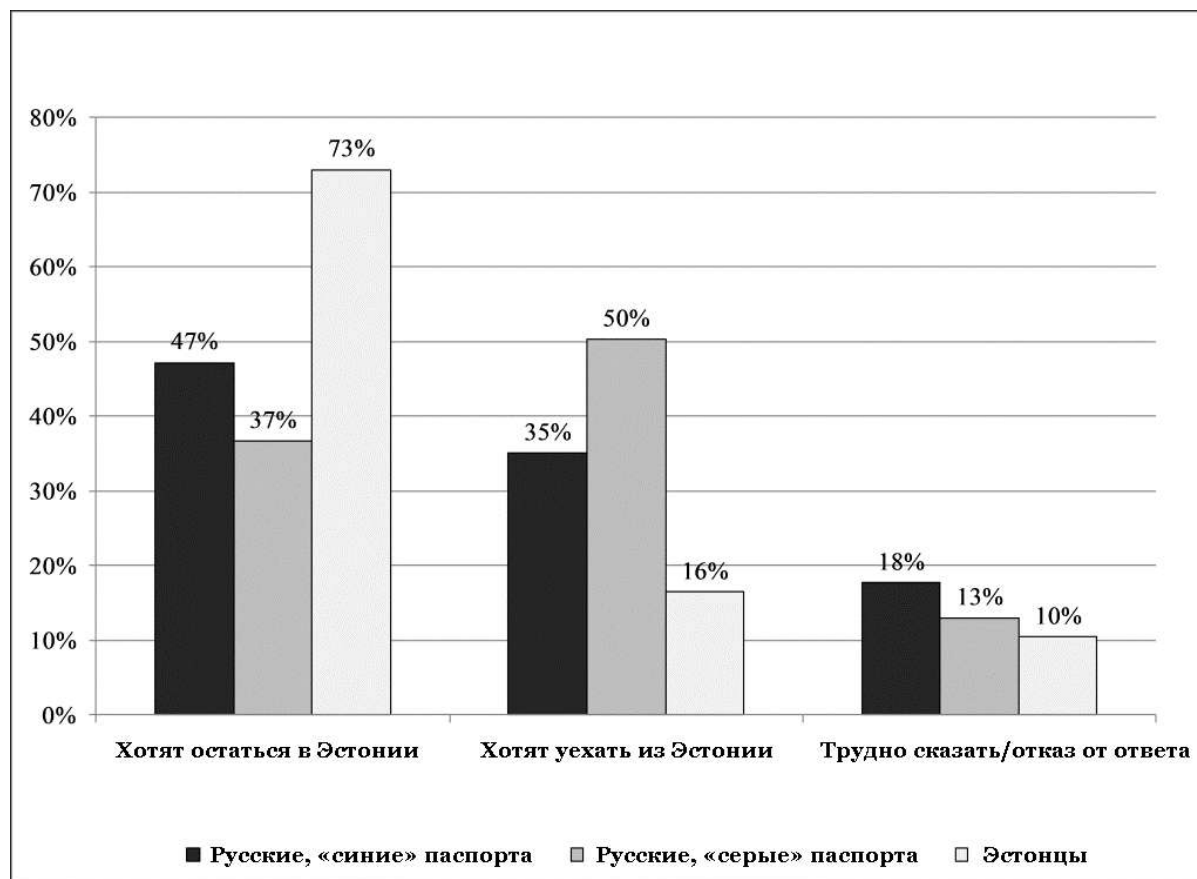
Остаться или переехать?

Другим ключевым показателем того, как кто-либо оценивает свою страну проживания, является показатель того, хочет ли он остаться в ней навсегда или «проголосовать ногами» уехав из нее. Мы попросили наших респондентов, ответить на вопрос хотят ли они остаться на постоянное жительство в их нынешней стране проживания или переехать в другую

страну (**рис. 6**). Примерно три четверти эстонцев хотят остаться в Эстонии, и только 16% из них хотят уехать окончательно. Около половины эстонских русских, которые получили гражданство Эстонии, хотят остаться там постоянно, по сравнению с лишь 37% владельцев «серых» паспортов. Половина последних хотят покинуть Эстонию (по сравнению с лишь 35% обладателей «синих» паспортов). Но, несмотря на то, что многие эстонские русские, особенно владельцы «серых» паспортов или неграждане, захотят уехать из Эстонии, Россия обычно не является их предпочтительным пунктом назначения.

Среди тех, кто говорит, что они предпочитают покинуть Эстонию, лишь 17% владельцев «синих» паспортов и 28% владельцев «серых» паспортов говорят, что они рассмотрели бы вопрос даже о переезде на постоянное место жительства в Россию. Совершеннолетние молодые люди, проживающие в РФ, также не особенно стремятся уехать из страны: 77% из них хотят остаться постоянно проживающими в ней, что в плане статистики не отличается от процента этнических эстонцев, которые хотят остаться на постоянное жительство в Эстонии.

Рисунок 6. Хотите ли Вы остаться в Эстонии на постоянное жительство или предпочли бы уехать из страны?

Заключение

Наши данные в целом подтверждают то, что ожидало бы большинство наблюдателей: молодые этнические русские и эстонцы имеют расходящиеся друг с другом мнения о России и Эстонии. Но существуют некоторые едва заметные признаки того, что такое положение не выходит за рамки примирения. С одной стороны, взаимные подозрения и опасения в отношении стран друг друга, являются приглушенными, когда дело доходит до людей – и это многообещающий признак. На самом деле, у этнических русских, проживающих в Эстонии, имеются сложные взгляды в отношении обеих стран. Хотя они более высоко оценивают Россию и довольно туманно Эстонию, тем не менее, даже по сравнению с жителями РФ, они скорее оценивают эстонцев позитивно, чем негативно, и возможно гораздо больше выражают сильную идентификацию места проживания с Эстонией, чем с Россией, а также, скорее всего, не хотят переезжать в Россию.

К сожалению, другие, не исследуемые здесь темы опроса, рисуют менее оптимистичную картину для перспектив примирения постсоветского поколения в Эстонии. Их взгляды резко разделились по ключевым аспектам советской истории, событий «Бронзовой ночи», политике в отношении эстонского языка и гражданства. Очевидно, что эти сильно расходящиеся мнения отражают наследие Второй мировой войны, советской оккупации, и эстонской политики с момента обретения страной независимости в 1991 году. Такие поляризованные ответы поколений, которые слишком молоды, чтобы помнить многие или какое-либо одно событие из советского периода, подчеркивают, что *постсоветский водораздел не пройдет просто сам по себе с уходом старших поколений*. Нам были продемонстрированы разные видения событий, и они продолжают разделять представителей постсоветского поколения. Данные опроса показывают, что этнические русские в Эстонии, по своему собственному выбору живут там, чтобы остаться навсегда. Это делает для эстонского правительства все более важной задачу найти новые подходы для преодоления «когнитивного разрыва» между этническими эстонцами и русскими.

Олексий Харань и Петро Бурковский

Российская экспансия: вызов безопасности и возможности для формирующегося авторитарного режима в Украине⁶

2010 год был отмечен быстрым сближением между новой украинской властью во главе с президентом Виктором Януковичем, и российским тандемом премьер-министра Владимира Путина и президента Дмитрия Медведева. Кремлю и его верным промышленным конгломератам удалось превратить свое растущее политическое влияние в целый ряд стратегических соглашений в украинском энергетическом, промышленном и финансовом секторах. Однако эти достижения не удовлетворили первоначальные российские ожидания относительно возможных украинских уступок, в то время как в Украине новые правящие элиты были удивлены и разочарованы российским пренебрежением к взаимности и паритету в областях, соответственно, экономических и международных отношений. Обе страны взяли паузу, чтобы тактически пересмотреть свои отношения. Хотя утверждать, что в отношениях между Украиной и Россией развивается новый кризис преждевременно, есть явное свидетельство кризиса доверия между украинским и российским руководством.

Результаты кремлевского подхода «Только бизнес» в сотрудничестве с новым президентом Украины

После того, как В.Янукович в феврале 2010 года выиграл президентские выборы, Кремль начал дипломатическую и экономическую экспансию в Украине, используя пророссийскую риторику Януковича и огромные потери украинских бизнес-структур из-за высоких цен на газ и экономического спада.

В начале мая 2010 г. русская версия журнала Newsweek опубликовала документ «Программа эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития России»⁷. Этот документ, подготовленный в феврале 2010 г., признал «важную роль Черноморского флота» для обеспечения безопасности России, «огромный

⁶ Перевод с английского.

⁷ <http://www.runewsweek.ru/country/34184>

промышленный и научный потенциал Украины, [и ее] современный оборонно-промышленного комплекс». Он рекомендовал их интеграцию «без создания технологической зависимости для отраслей промышленности России», которая может только означать поглощение украинских предприятий в аэрокосмической, транспортной и энергетической отраслях. Он также рекомендовал подталкивать Киев к созданию газотранспортного консорциума для контроля над системой транспортировки газа – цель, которая была названа стратегически важной для России. Он рекомендовал ограничение доступа Украины к каспийским энергоресурсам, увеличение зависимости от поставок топлива из России для украинских атомных электростанций, а также поддержку частных компаний в их стремлении контролировать крупные промышленные предприятия в Украине.

Последующие события доказали логику этого плана. После жестких переговоров с Кремлем относительно снижения цены на газ В.Янукович решил сделать геостратегические уступки. 21 апреля 2010 г. в Харькове он подписал соглашение с Медведевым, в соответствии с которым Москва согласилась снизить цену на природный газ примерно на треть (на \$100 за 1000 кубометров газа) в обмен на аренду Россией военно-морской базы в Севастополе еще на 25 лет (уже после того, как срок нынешнего соглашения истечет в 2017 году) и впоследствии на 5-летние сроки.

В то же время, скидка на цену за газ будет рассчитываться в конце каждого года и списываться как часть украинского долга российскому правительству. После 2017 года и до 2042 года, этот долг будет списываться в качестве оплаты за аренду военно-морской базы. Таким образом, если любое другое украинское правительство решит разорвать этот договор, оно должно выплатить России миллиарды долларов. Кроме того, соглашение устанавливает постоянную формулу расчета цены на газ, которая не пересматривалась, как просил Янукович, а это значит, что скидка регулируется односторонним решением правительства России, и ее размер может быть изменен в одностороннем порядке, что может быть использовано Кремлем для контроля динамики развития украинской тяжелой промышленности и экспорта.

Харьковские соглашения были основаны на том предположении, что украинское правительство, зависимое от интересов олигархов, чьи компании являются основными подрядчиками на поставки российского

газ, не будет проводить реформы в энергетическом и промышленном секторах в целях снижения зависимости от поставок газа.

В апреле, после заключения соглашений в Харькове, В.Путин представил В.Януковичу ряд интеграционных проектов, начиная с проекта слияния «Нафтогаза» и Газпрома и заканчивая проектом по созданию совместных предприятий в области атомной энергетики, горнодобывающей промышленности, аэрокосмической и судостроительной отраслей. В каждом случае, украинские активы должны были стать частью российских корпораций, в то время как украинские власти получили бы миноритарный пакет акций в объединенной компании. Например, было сказано, что после слияния «Нафтогаза» и Газпрома, украинское правительство получит 3% акций Газпрома. Кроме того, Путин не исключил того, что Украина может вступить в Таможенный союз или даже Договор о коллективной безопасности (ОДКБ).

Основной сферой успешной российской экспансии, кроме газовых договоренностей, был банковский сектор Украины. Группа ВТБ стала главным кредитором украинского правительства, предоставив ему и государственным компаниям краткосрочные и среднесрочные кредиты более чем на \$3 млрд. В гипотетическом случае дефолта, эти кредиты будут использоваться для того, чтобы заставить украинское правительство передать контроль над стратегическими активами государства в газовой сфере.

В то же время украинское правительство и президент подготовили ряд предложений для обеспечения интересов связанных с ним бизнес-структур. К российской стороне обратились с предложением инвестировать в строительство новых атомных электростанций и ГЭС и разрешить доступ к центрально-азиатским поставщикам природного газа и его поставки на Украину через территорию России. Что же касается слияния «Нафтогаза» и Газпрома, администрация президента Януковича обратилась с просьбой о том, чтобы новое совместное предприятие включало украинскую газотранспортную систему и богатые российские месторождения газа, а Газпром попросили предоставить юридически обязывающие гарантии фиксированных объемов транзита нефти и газа. СП, включающее предприятия аэрокосмической отрасли, получало бы крупные контракты от российских Вооруженных сил, а также прибыли от контрактов между Россией и основными азиатскими рынками закупок вооружений, такими как Индия и Китай.

В декабре 2010 года, В.Янукович лично отказался от участия в Таможенном союзе в ближайшее время, и назвал российский проект газопровода «Южный поток» одним из «типов давления», используемого против Украины в переговорах по газу.

В начале 2010 года самый богатый человек в Украине и спонсор В.Януковича Ринат Ахметов, пытался остановить продажу «Запорожстали» (крупного сталелитейного завода) российским инвесторам, поддерживаемым российским государственным банком ВЭБ, консультативный совет которого возглавляет В.Путин. Он сам хотел купить его, но потерпел неудачу. Ахметов вынужден был согласиться на компенсацию, чтобы отказаться от своих претензий. В то же время, он выиграл сделку у российских бизнесменов, в покупке сталелитейного завода Ильича в Мариуполе.

Российская промышленная группа «Трансмашхолдинг» оказалась пострадавшей стороной в результате приостановки приватизации «Лугансктепловоза» (крупнейший производитель железнодорожного транспорта в СНГ), санкционированной решением украинских судов и Генеральной прокуратуры. Позже, в начале 2011 года, было объявлено, что власти подпишут мировое соглашение с «Трансмашхолдинг». Условия приватизации для государственной телекоммуникационной компании «Укртелеком» были разработаны с ограничениями в отношении участия иностранных компаний, несмотря на то, что российская компания «Система» выразила заинтересованность в ее приобретении.

Частному дилеру компании по производству ядерного топлива «ТВЭЛ» (дочернего предприятия российской государственной компании «Росэнергоатом») удалось получить контракт с украинским «Энергоатомом» на долгосрочные поставки и вывоз отработанного ядерного топлива на территорию России после 2010 г. Тем не менее, россияне не смогли остаться монополистом-поставщиком, не сумев сорвать соглашение между «Энергоатомом» и американской компанией Westinghouse, которая в 2011 г. начнет альтернативные поставки ядерного топлива для украинских АЭС.

Таким образом, российское продвижение в Украину после избрания В.Януковича было более медленное, чем ожидалось. С другой стороны, если В.Янукович лично заинтересован в участии российских компаний, их достижения являются более впечатляющими. Например, в 2010 г. «Нафтогазу» пришлось вернуть 12 млн.куб.м. газа, купленного по более

низким ценам в 2009 г., совместному предприятию «RosUkrEnergo», 50% акций которого принадлежит Газпрому, а остальные 50% спонсору Януковича, Дмитрию Фирташу. Кроме того, после переговоров с владельцем компании «Лукойл» В.Алекперовым на саммите 2011 г. в Давосе, В.Янукович отдал распоряжение о создании совместного предприятия между украинской государственной энергетической компанией «Черноморнафтогаз» и российским «Лукойлом» на разработку нефтяных месторождений на шельфе Черного моря.

Символические уступки Киева России и новые поиски баланса

Значительные уступки России были сделаны Януковичем в гуманитарной сфере. Ситуация осложняется мнением администрации Януковича о том, что «вопросы национальной идентичности» можно решать в административном порядке и манипулировать ими. На самом деле, его политика еще более поляризовала страну. 27 апреля 2010 г. в ходе своего визита в Совет Европы в Страсбурге, он отверг мнение, что Голодомор 1933 г. в Украине был геноцидом, мнение, считающееся российской дипломатией угрозой имиджу России. Новый министр образования Дмитро Табачник (известный своими пророссийскими взглядами) призвал к пересмотру роли украинского национально-освободительного движения во время Второй мировой войны в школьных учебниках, и вернуться к ее советской интерпретации.

В отличие от всех других украинских президентов, В.Янукович отдает явное предпочтение роли Украинской Православной Церкви, которая находится под юрисдикцией Московского патриархата. Символично, что он получил благословение в Киеве от российского патриарха Кирилла до своей инаугурации в украинском парламенте.

Тем не менее, 9 марта 2010 г., В.Янукович, вопреки своим предвыборным обещаниям заявил, что единственным государственным языком Украины останется украинский язык. В то же время, его Партия регионов внесла проект закона о языках, который бы повысил статус русского языка до статуса «регионального языка» на большей части украинской территории. Это было бы еще одним ударом по украинскому языку, как было сказано в рекомендациях ОБСЕ и письме Верховного комиссара ОБСЕ по национальным меньшинствам Кнута Волленбака спикеру парламента

Украины. В настоящее время, администрация Януковича, похоже, понимает потенциальную взрывоопасность принятия этого законопроекта, и воздерживается от проталкивания этого закона⁸.

В июле 2010 года парламент принял новый закон об основах внешней и внутренней политики Украины, в котором исключалась интеграция страны в НАТО (цель, которую тогдашний президент Леонид Кучма объявил в 2003 году), заявлялось о «неприсоединении», но вновь в качестве приоритетной задачи подчеркивалось членство в ЕС. В этом законе ничего не было сказано об интеграционных проектах в СНГ, вступлении в Таможенный союз или ОДКБ. Кроме того, после игры с идеей о признании Абхазии и Южной Осетии во время президентского избирательного цикла, В.Янукович, в конце концов, отверг ее.

Самой важной целью внешней политики Януковича, по словам помощника президента А.Ермолаева (директора Национального института стратегических исследований), является получение юридически обязывающих международных гарантий украинского суверенитета от «великих держав» (в развитие Будапештского меморандума 1994 г.), а также использование любых возможностей на глобальных финансовых рынках в посткризисный период для модернизации страны. Ключевым элементом этой стратегии является восстановление доверия к Украине среди великих держав, и участие в геополитических проектах, которые не противоречат интересам России, но позволят стране повысить свою роль.

Таким образом, во второй половине 2010 г., президентская администрация пыталась активизировать контакты и улучшить отношения с Польшей, Германией, Францией, Великобританией, а также Европейской комиссией. Задачей было установить личные и доверительные отношения с руководителями этих стран и институтов, и убедить их в том, что Украина, при новом президенте, стабилизировала отношения с Россией, продолжая в то же время проводить политику интеграции в Европу.

⁸ По оценкам украинских экспертов, разработанный депутатами Партии регионов проект закона "Об основах государственной языковой политики" имеет шансы пройти через парламент до выборов в Верховную Раду (октябрь 2012 г.). В конце декабря 2011 года он получил экспертную оценку Венецианской комиссии — консультативного органа Совета Европы по вопросам конституционного права.

Новый законопроект ПР среди прочего предусматривает предоставление русскому языку статуса регионального там, где он является родным для как минимум 10% населения. В частности, речь идет о десяти областях юга, востока и севера Украины, а также Крыма, Киева и Севастополя. Это фактически половина страны. Кроме того, Парламент, правительство и другие высшие органы власти смогут публиковать свои решения и на украинском, и на русском языках. Телерадиокомпании получают право сами решать, на каком языке вести вещание. — *Примечание ред.*

В случае успеха, внешняя политика В.Януковича может эволюционировать от пророссийских настроений до новой редакции «многовекторной политики» Кучмы. Однако эта политика может быть нарушена, если правящие украинские элиты будут не в состоянии следовать европейским требованиям в области демократии и верховенства права, как это случилось с режимом Кучмы в начале 2000-х. В конце 2010 г. Европарламент выразил серьезную озабоченность по поводу демократии в Украине. Исходя из этого, чиновники ЕС предупредили о задержках с планами ЕС создать зону свободной торговли с Украиной и либерализации визового режима.

Возможные сценарии

Развитие украинско-российских отношений будет зависеть от того, как команда В.Януковича будет реагировать на возникающие политические и экономические вызовы. В настоящее время украинский суверенный долг составляет более 40% ВВП, большая часть из которого имеет характер краткосрочного, но какая-либо реструктуризация экономики страны, базовых отраслей промышленности и социальной инфраструктуры не осуществляется. Медленное восстановление мировой экономики и пониженный внутренний спрос оставляют мало места для существенного улучшения экономических и социальных условий, что было возможно в период с 2000 по 2008 годы.

Между тем, «медовый месяц» между В.Януковичем и его сторонниками – не говоря уже о других сегментах общества, закончился, а реализация его непопулярных реформ может потребовать дальнейшего ограничения гражданских свобод, особенно свободы слова. Таким образом, *его политика в отношении России может послужить для мобилизации его сторонников на территории Украины или завоевания симпатий бывших последователей умеренной оппозиции, как это сделал Кучма в 1999 году.* Поэтому, размышляя о возможной реакции В.Януковича на российскую экспансию, необходимо рассмотреть три сценария внутреннего экономического и политического развития.

1. Вторая волна экономического спада + растущий авторитаризм

Если это произойдет, Россия столкнется с трудной дилеммой: использовать свои огромные, но ограниченные ресурсы для создания «сетей безопасности» для правящих элит Украины, или оставить

«спасение» страны МВФ и Западу, но, как следствие этого, рисковать тем, что ее новые достижения в Украине будут потеряны или «забыты». Если вторая волна рецессии сильно ударит по России и осложнит ее внутренние проблемы, то ее отношение к Украине, на наш взгляд, будет зависеть от характера режима в Киеве. Если он будет авторитарным, но ослабленным экономический спадом, то украинский президент будет рассматриваться как естественный союзник и сателлит, который стоит того, чтобы его спасти. «Спасательный пакет» может включать в себя членство в Таможенном союзе и ОДКБ. С другой стороны, если В.Янукович в ближайшие годы примет решение ослабить контроль над рычагами власти, а также рассмотреть европейские озабоченности по поводу демократии в стране, чтобы получить помощь Запада, Москва использует украинские долги, чтобы заставить Киев сдерживать те обещания, которые он дал в 2010-1 гг.

2. Экономическое возрождение + растущий авторитаризм в Украине

Благоприятные внешние условия помогут В.Януковичу сгладить все негативные социальные последствия реформы, в то время как украинские олигархи будут более решительными в защите своих интересов от конкурентов в России. С другой стороны, вялое восстановление может быть сдержано Россией с помощью механизма установления цены на газ и ограничения украинского экспорта. Самый большой риск для России состоит в том, что экономическое развитие в сочетании с репрессиями в Украине могут создать новые возможности для проевропейски настроенной оппозиции и сделок по разделу власти между новыми силами оппозиции и олигархами (формально лояльно настроенными к В.Януковичу и заинтересованными в сближении с ЕС).

3. Экономическая стагнация + политический тупик в Украине

Неудача провозглашенной реформы и плохие экономические показатели приведут к растущему спросу на постоянную внешнюю опеку и относительно дешевые, долгосрочные кредиты. В то же время, рост общественного неодобрения государственной политики может подтолкнуть команду Януковича использовать политику поляризации страны для разделения и манипулирования обществом. Таким образом, ослабление украинской экономики и государства, даст России шанс для стимулирования реинтеграции Украины в значительные российские интеграционные проекты, причем не только экономические (например, Таможенный союз и Валютный союз), но и в проекты в областях

безопасности (ОДКБ) и гуманитарной области («Русский мир»). Другим вариантом, однако, является то, что Янукович будет вынужден дистанцироваться от России, если Кремль «перейдет границы», требуя слишком много, и отчуждая не только украинскую оппозицию, но и властные группировки, окружающие украинского президента.

Ни друг, ни враг: Представления азербайджанцев о России⁹

С момента распада Советского Союза отношения между Азербайджаном и Россией претерпели серьезные изменения. Соответственно, также часто менялось восприятие России простыми азербайджанцами. На характер восприятия влияли несколько существенных факторов.

Первым фактором является *карабахский конфликт и постоянная поддержка Армении со стороны России*. Несмотря на высказывания и заявления о признании территориальной целостности Азербайджана со стороны высокопоставленных политиков, Россия продолжает предоставлять оружие и другую экономическую поддержку Армении. Более того, азербайджанцы воспринимают российскую базу в Армении как главный признак военной поддержки со стороны Москвы.

Вторым фактором является *постоянное противодействие России крупным экономическим проектам, осуществляемым Азербайджаном*, включая строительство нефтепроводов Баку-Джейхан и Баку-Супса, проект Nabucco, а также Транскаспийский газовый проект. Сюда же относится и нежелание России, до недавнего времени, договориться о территориальном статусе Каспийского моря.

Третьим фактором является наличие значительного числа *азербайджанских трудовых мигрантов в России и их денежные переводы*. Многие в сельской местности, и даже в городских районах Азербайджана выживают только потому, что получают из России эти переводы.

И, наконец, важным фактором в азербайджанско-российских отношениях стали Грузия и ее отношения с Россией. Более того, российско-грузинская война и признание независимости Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств осложнило восприятие России в Азербайджане и вызвали сомнения в том, что Россия может быть нейтральным посредником в карабахском конфликте.

⁹ Перевод с английского.

Примечание автора: Автор статьи несет полную ответственность за сделанные заявления и выраженные точки зрения

История вопроса

Развитие взглядов и представлений о России можно разделить на три этапа. Первый этап длился с 1992 по 2000 гг., и включил в себя весь период президентства Ельцина в России. За эти девять лет отношения между двумя странами трансформировались из нейтральных до почти враждебных. Причиной этих резких колебаний явилось несколько факторов. Во-первых, российский военный истеблишмент продолжал оказывать поддержку Армении и предоставлять ей военную технику и снаряжение. Кроме того, Россия оказывала сильное давление на Азербайджан, чтобы последний присоединился к Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и поддержал российские инициативы. Кроме того, первый период характеризовался титаническими усилиями Азербайджана по строительству трубопровода Баку-Джейхан для обеспечения доступа страны на западные энергетические рынки и продолжающимся враждебным российским отношением к таким проектам, которые, по сути, пойдут в обход территории России. Таким образом, негативное отношение азербайджанцев к действиям правительства России не вызывает удивления. Кроме того, первый этап также отмечен первой чеченской войной и симпатиями большинства азербайджанцев «чеченскому общему делу».

Второй этап отношений между двумя странами, длился с 2000 до 2008 годы, и полностью пришелся на два срока пребывания В.Путина на посту президента. Для этого периода характерны чисто прагматические мотивации. Правительство России быстро пришло к осознанию бесплодности своих попыток нарушить движение Азербайджана в сторону Запада, и вместо этого выбрало мягкий и прагматичный подход. Во-первых, правительство Путина заручилось поддержкой Азербайджана в ходе второй чеченской войны. Во-вторых, экономические интересы преобладали над политическими и бизнес-элиты России начали активное сотрудничество с Азербайджаном. И последним, но не менее важным фактором, было руководство в обеих странах. В.Путин и президенты Гейдар Алиев и Ильхам Алиев, оказались способными найти общие взгляды и сломать стереотипы. Это был период совместных проектов, экономических возможностей и взаимопонимания. Общественность Азербайджана начала медленно менять свое отношение к России и рассматривать ее в качестве беспристрастного посредника в урегулировании карабахского конфликта. Между тем, несмотря на централизацию власти и некоторые жесткие действия, предпринятые

В.Путиным, у азербайджанской общественности ослабли страхи перед «непредсказуемой, нестабильной Россией», которая могла бы представлять опасность для Азербайджана. Россия стала приобретать образ прагматичного и конструктивного партнера.

Все это изменилось после российско-грузинской войны в августе 2008 года. Для азербайджанской общественности явились шокирующими акты агрессии против независимой, соседней страны. Тот факт, что действия Грузии были направлены на сохранение своей территориальной целостности, а Россия рассматривалась как действующая в нарушение международного права, сыграл очень негативную роль в формировании имиджа России. Во время августовской войны общественность Азербайджана была на грузинской стороне, надеясь, что успех Грузии укрепит позиции Азербайджана. Российско-грузинская война ознаменовала начало нового этапа в восприятии России в Азербайджане. Несмотря на то, что Россия не предприняла никаких действий, направленных непосредственно против Азербайджана и, по сути, пыталась смягчить последствия войны путем частых визитов российских государственных деятелей, а также часто выступая в качестве посредника в урегулировании карабахского конфликта, в стране вновь появился страх перед Россией.

Тем не менее, такой страх, не усилил тенденции поддержки вступлению в НАТО или другие военные союзы. Отчасти это объясняется тем, что азербайджанская общественность посчитала действия западных держав по спасению Грузии от агрессии России неудовлетворительными.

Изменения в отношениях - меняющиеся настроения

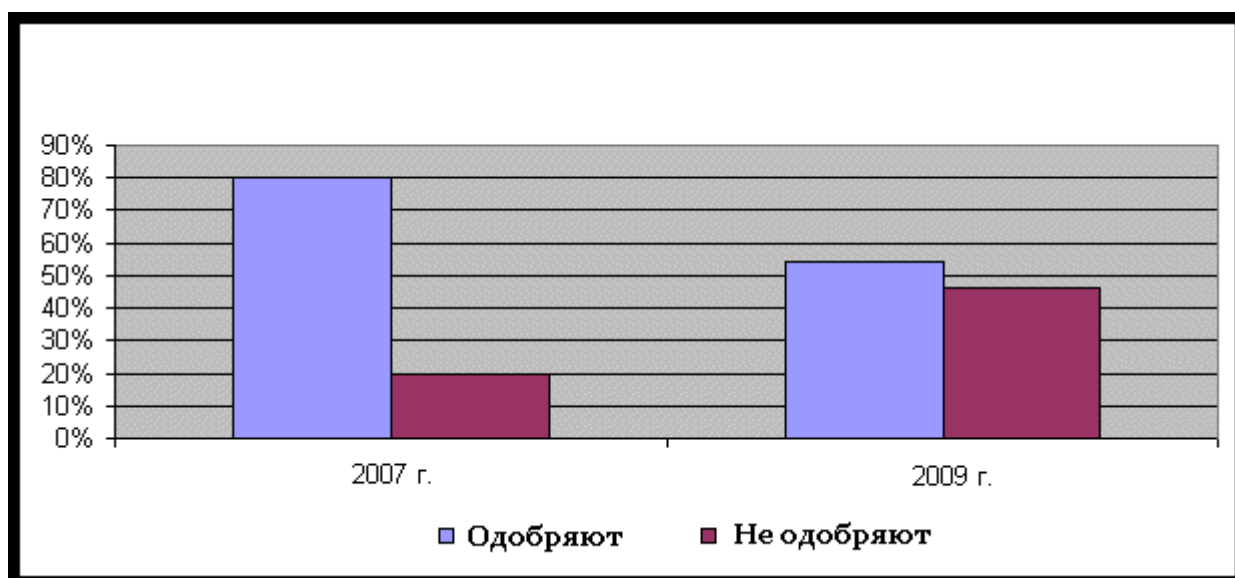
Очень трудно полагаться на результаты опросов общественного мнения, поскольку в Азербайджане было проведено немного опросов, отражающих отношение к России. Большинство опросов были нерепрезентативными, в значительной степени предвзятыми, и непоследовательными. Таким образом, в нашем исследовании мы опирались на различные источники. Одним из немногих комплексных обзоров является «Кавказский Барометр», проводимый Научно-исследовательским центром ресурсов Кавказа¹⁰.

¹⁰ Около 1500 – 2000 респондентов ежегодно подлежат опросу в Азербайджане, Армении и Грузии

Анализируя результаты его опросов, проведенных в 2007 и 2009 годах, мы видим, что число респондентов, положительно относящихся к дружбе с Россией (рис. 1) значительно снизилось - с 80% до 54%. Между тем, число людей, неодобрительно относящихся к дружбе с Россией, выросло с 20% до 46%. Такое значительное понижение числа респондентов, положительно относящихся к России, необычно, принимая во внимание тот факт, что азербайджанцы всегда отделяли политическую сторону отношений с Россией от личных и/или культурных аспектов этих отношений. Даже в периоды высокой политической напряженности, азербайджанцы высказывались в пользу тесных связей с русскими, имея в виду общий язык и отсутствие культурных барьеров.

Августовская война 2008 года могла оказать негативное влияние на такое отношение со стороны азербайджанцев, но, к сожалению, у нас нет сопоставимых данных за период в несколько лет, чтобы доказать или опровергнуть такие заявления. *Хотя это не объясняет такое резкое снижение числа положительно относящихся к России, стоит подчеркнуть, что у молодого поколения азербайджанцев (около 45% населения Азербайджана составляют молодые люди в возрасте менее 25 лет) отсутствует чувство общности с Россией. За этот период знания и значение русского языка уменьшились и маргинализировались.*

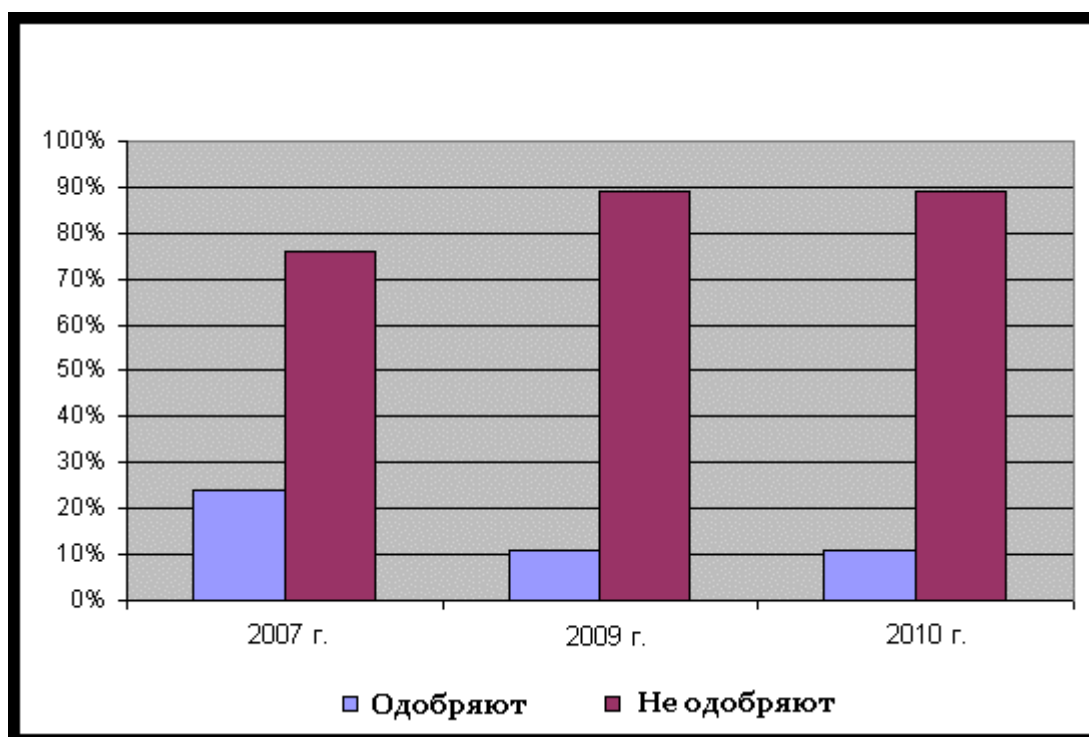
Рисунок 1. Одобрение дружбы с Россией

Аналогичную картину можно наблюдать в вопросе об одобрении брака с русскими (рис. 2). Число людей, которые не одобряют такие браки, выросло с 75% в 2007 году до почти 90% в 2009 и 2010 годах.

Это не является неким новым моментом, так как азербайджанцы, в отличие от других кавказских соседей, всегда были консервативны в брачных отношениях, даже во время советского периода. Из-за различий в религии, культуре и традициях, браки между русскими и азербайджанцами внутри Азербайджана стали редкими. В то же время, многие азербайджанские трудовые мигранты женятся на русских женщинах в России. Во многих случаях они имеют свои семьи в Азербайджане, которые они материально поддерживают, но предпочитают жить в гражданском браке в России в силу выгоды российской прописки (вида на жительство) или российского гражданства. Такие факты способствуют негативному восприятию русско-азербайджанских браков.

.Рисунок 2. Одобрение брака с русскими

Одобрительное отношение к ведению бизнеса с россиянами (рис. 3) также претерпело существенное снижение. Если в 2007 г. число тех, кто одобрительно высказался о бизнесе с россиянами, составило около 82%, то в 2009 и 2010 гг. это число сократилось до 62% и 70% соответственно. Азербайджанцы, как правило, поддерживает деловые отношения с

россиянами, принимая во внимание высокий процент соотечественников, проживающих в России.

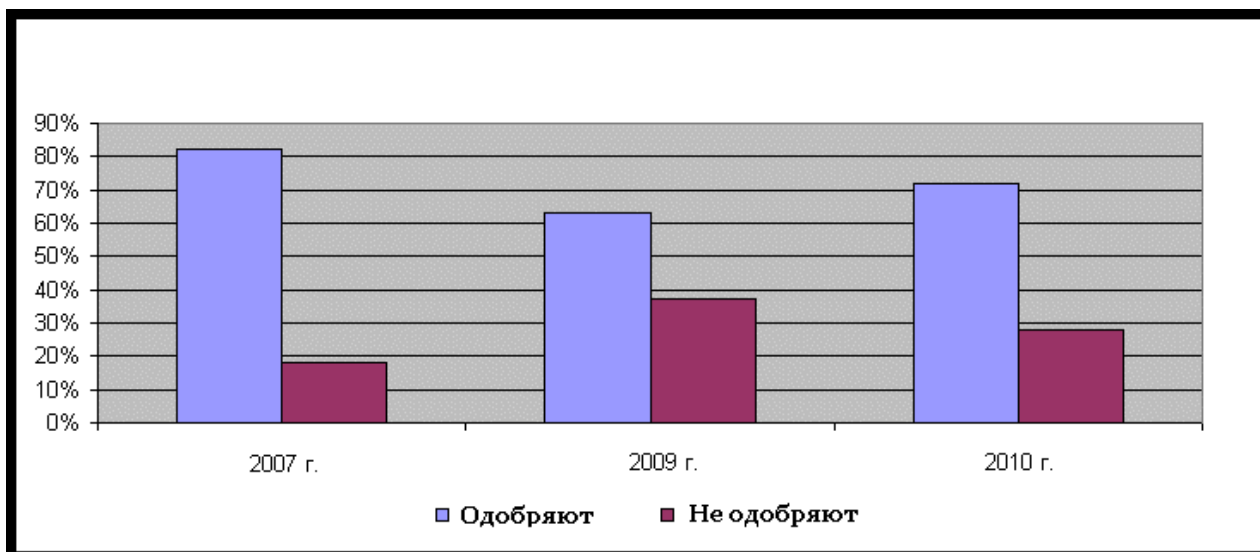
К 2002 г. официальная российская статистика документально подтвердила 621500 этнических азербайджанцев, проживающих в 55 административных образованиях в Российской Федерации, что делает их тринадцатым по численности этническим меньшинством в стране. Российские правоохранительные органы и посольство Азербайджана в Москве считают, что реальное количество этнических азербайджанцев в России гораздо выше, по некоторым скромным подсчетам, это число составляет от 1,3 до 1,8 миллионов человек. Эти оценки также включают сезонных рабочих или азербайджанцев, которые живут в России на временной основе. Между тем, большое количество денежных переводов направляются этими трудовыми мигрантами в Азербайджан. Достоверных данных о денежных переводах работающих в России азербайджанцев нет – различные учреждения и организации предоставляют разные цифры. Кроме того, для подсчета количества денежных переводов используются разные методики. Методология российского государства во многом опирается на баланс платежей, в то время как Госкомстат, в качестве основного источника использует обследование бюджетов домашних хозяйств.

Называются различные цифры. Например, некоторые источники утверждают, что частные денежные переводы из России в Азербайджан составляют сумму примерно от \$ 1,8 млрд. (€ 1,3 млрд.) до \$ 2,4 млрд. (€ 1,7 млрд.) в год. Однако по данным ЦБ РФ в 2008 году из России в Азербайджан было переведено только \$ 887 млн. (€ 629 200). По данным Мирового Банка, денежные переводы, поступающие в Азербайджан из всех стран, увеличились с \$ 6 млн. в 1998 году и достигли своего пика в 2008 году, причем в эту страну было отправлено более чем \$ 1,5 млрд. (€ 1.06 млрд.). Пятьдесят семь процентов этих денежных переводов поступили из России.

Таким образом, с учетом всех вышеперечисленных факторов, странным было наблюдать падение числа респондентов, одобряющих ведение бизнеса с россиянами. Имеется недостаточно данных, чтобы понять некую модель отношения, но один фактор может объяснить эту тенденцию. 2008-2009 годы были годами глобального финансового кризиса, когда многие азербайджанцы в России, возможно, потеряли бизнес или свои инвестиции, и были вынуждены вернуться в Азербайджан. Потерю

доходов или денежных переводов можно добавить к отрицательному восприятию.

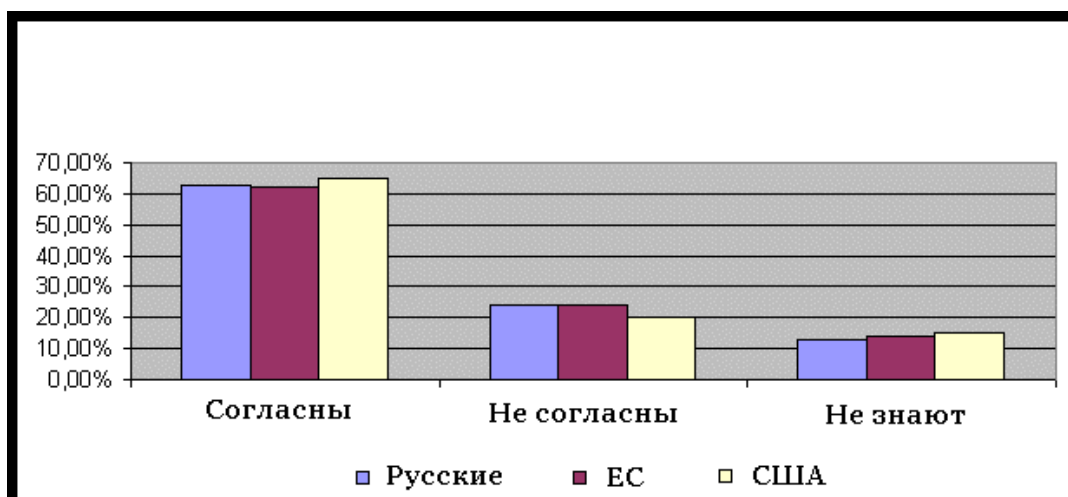
Рисунок 3. Одобрение ведения бизнеса с россиянами

Все эти негативные представления – уменьшение одобрительного отношения к ведению бизнеса, дружеским отношениям и бракам, обусловлены консервативным характером азербайджанцев, которые боятся потерять свою идентичность, разрушения образа жизни и семейных ценностей.

В следующей таблице (рис. 4) мы можем видеть, что большинство азербайджанцев считают, что их образ жизни долже быть надежно защищен от влияния других стран. В этом случае, они не проводят различий между Россией, Соединенными Штатами и Европейским союзом.

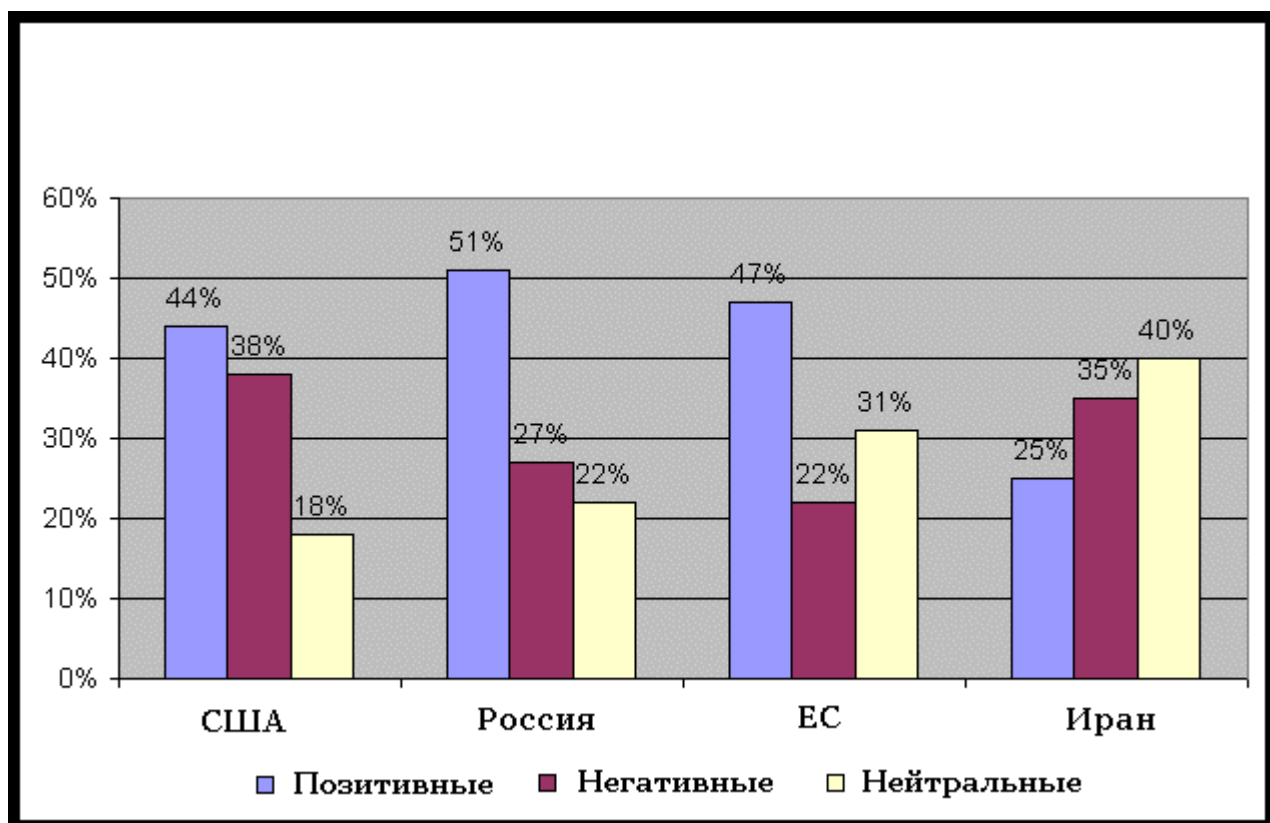
Рисунок 4. Наш стиль жизни должен быть серьезно защищен от влияния стран (2009 г.)

В ходе опроса, проведенного в 2010 году службой опроса мнений BBC World Service, было обнаружено, что большинство азербайджанцев положительно рассматривают влияние России в Азербайджане. 51% опрошенных положительно оценили влияние России в Азербайджане, в то время, как негативно только 27% (рис. 5). Ни один другой крупный региональный игрок не получил такой высокий рейтинг, как Россия. 44% опрошенных положительно оценили влияние США в стране, в то время как 38% отнеслись к роли США в Азербайджане отрицательно.

Данный график не противоречит предыдущему, поскольку он не затрагивает культуру, традиции, или образ жизни азербайджанцев.

Рисунок 5. Взгляды азербайджанцев на влияние разных стран и ЕС, 2010 г.

Заклучение

Кроме вышеперечисленных факторов, влияющих на восприятие азербайджанцами России, стоит отметить, что основными инструментами,

формирования общественного восприятия являются правительство Азербайджана, а также средства массовой информации страны.

В зависимости от интересов правительства, восприятие и отношение можно легко улучшить или ухудшить. Ярким примером этого является проблема поставок российского оружия в Армению, как это стало очевидно зимой 2009 г. Раскрытие этого факта для широкой общественности, а также чрезмерное внимание средств массовой информации, уделенное этому вопросу, могли бы изменить отношение широких кругов общественности к России, учитывая чувствительность проблемы карабахского конфликта. Националистические настроения и даже истерия в Москве и события на Манежной площади также могут негативно повлиять на восприятие России.

Между тем, визит президента Д. Медведева в Азербайджан – с подписанием важных документов и громкими заявлениями от имени российского истеблишмента в поддержку Азербайджана – возможно, на некоторое время улучшили восприятие азербайджанцев.

Однако по сравнению с восприятием Азербайджаном других стран региона - таких как Иран, Армения, Грузия, Турция и стран Центральной Азии восприятие России колеблется из одной крайности в другую. Фактором, обуславливающим такое положение, является то, что азербайджанцы не могут четко определить роль России в регионе: за последнее десятилетие Россия резко изменила свою политику в регионе, и по отношению к Азербайджану, что затрудняет формирование восприятия. Грузия и Турция (несмотря на непродолжительную «холодную войну» с последней в 2010 году), всегда воспринимаются как дружественные и ответственные страны. Отношение к этим странам всегда было и остается стабильным и свободным от колебаний. То же можно сказать и об Армении, которая находится в состоянии войны с Азербайджаном, или об Иране, который продолжает свою враждебно-нейтральную политику по отношению к стране. Азербайджанцы в целом способны сформулировать свое отношение к этим странам. Однако с Россией у азербайджанцев существует проблема.

Очень трудно предсказать, как в краткосрочной или долгосрочной перспективе изменятся восприятие и взгляды в отношении России. Но ясно, что они могут пойти в любом направлении, и будут зависеть от факторов, которые порой могут оказаться не контролируруемыми обеими странами. Похоже, что эти данные показывают, что исторические

сложности, экономические потребности, а также не совсем совместимые культурные аспекты азербайджано-российских отношений способствуют неустойчивости в области восприятия России Азербайджаном. Пока еще взгляды азербайджанцев не являются полностью закостеневшими, что оставляет открытым окно для того, что бы сделать прочным позитивный взгляд на Россию.